

КОНТРОЛЬНЫЙ ЗНАК
АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

3

1 9 7 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАЙ — ИЮНЬ

3

1972

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Станислав Мавски</i> (ПНР). Развитие польско-советского экономического сотрудничества	3
<i>Т. С. Бушчева</i> . «Русские» роты и батальоны в Народно-освободительной армии Югославии	11
<i>Э. Г. Иоффе</i> . Исследование В. И. Пичетой аграрной реформы 1557 года	21
<i>В. К. Зайцев</i> . «Князь» Макиавелли и «Осман» Гундулича	31
<i>А. Д. Дуличенко</i> . Становление и развитие русинского литературного языка в Югославии	38

ПУБЛИКАЦИИ

<i>В. А. Кузько, Ю. А. Львунин, Г. М. Димитров</i> о В. И. Ленине	51
---	----

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>В. А. Дьяков</i> . Автографы Т. Г. Шевченко в краковской Библиотеке Чарторьских	59
<i>Иван Иванович</i> (СФРЮ). Отклики на смерть Льва Толстого в Боснии и Герцеговине	61

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>В. П. Грачев</i> . «Вопросы истории славян»	67
<i>И. Костюшко, П. М. Калиниченко</i> . Великий Жовтень і революційний рух у Польщі (листопад 1917 — жовтень 1919)	70
<i>Г. И. Чернявский</i> . Книга о борьбе текстильщиков Болгарии	71
<i>Я. Хонигсман</i> . <i>Uprzemysłowienie ziem polskich w XIX i XX wieku</i>	73
<i>В. Д. Конобеев, Кр. Шарова, Любен Каравелов</i> и болгарского освободительного движение (1860—1867)	75
<i>И. Чуркина, М. Britovšek, Anton Fuster</i> in <i>revolucija 1848 v Avstriji</i>	77
<i>Н. Зуева, Е. Шатогина, Николай Жечев, Браила</i> и болгарского культурно-национально възраждане	80
<i>А. Каждан, С. Н. Лишев</i> . Болгарският средновековен град. Обществово-икономически облик	82

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>В. Хорев.</i> Bolesław Faron. Zbigniew Uniłowski	83
<i>И. К. Горский.</i> Значительное достижение	85
<i>Л. Софронова.</i> Культура и быт Варшавы XVIII века	87
<i>А. С. Мильников.</i> Книга о рукописях Братиславского университета	88
<i>К. К. Трофимович.</i> О серболужицком правописании (в связи с выходом первого серболужицкого орфографического словаря)	89

Библиография

Книги о современном положении, истории, культуре и языках зарубежных славянских народов, вышедшие в Советском Союзе в 1971 г.	92
Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1971 г.	97
Содержание иностранных журналов	101

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Е. П. Аксенова.</i> Двадцать пять лет Института славяноведения и балканистики АН СССР	105
<i>И. Б. Греков.</i> О встрече польских и советских историков	106
<i>А. С. Антикеев.</i> Восточная политика германского империализма	108
<i>Ю. К. Бегунов.</i> Международный симпозиум в Велико Тырново	110

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30 а. Телефон 290-27-40

СТАНИСЛАВ МАЕВСКИ
Заместитель Постоянного Представителя
ПНР в СЭВ

РАЗВИТИЕ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В современном мире внешние экономические отношения являются для всех стран одним из важных элементов их экономической политики. Польша, как и другие социалистические страны, обращает особое внимание на их быстрое развитие. Исторический опыт показывает, что новые по содержанию, социалистические экономические отношения между странами — членами Совета Экономической Взаимопомощи являются для социалистических стран существенным фактором постоянного планомерного экономического и социального развития. Главную роль в этом процессе играет Советский Союз, экономический потенциал которого и принципиальная интернациональная политика, проводимая КПСС, представляют собой основу в создании и укреплении мировой социалистической системы.

Прочным звеном этой системы является Польская Народная Республика. В течение 27 послевоенных лет она превратилась в высоко развитую, индустриальную страну.

Польша 1972 г. — это по территории, количеству населения и экономическому потенциалу — вторая после Советского Союза социалистическая страна в Европе, экономика которой динамически и неуклонно развивается, а уровень науки и техники постоянно повышается.

В течение этого короткого периода развитие производственного потенциала нашей страны происходило такими темпами, что в настоящее время промышленное производство Польши по сравнению с 1938 г., возросло в 15 раз, хотя за это время нам пришлось залечивать тяжелые раны, нанесенные хозяйству страны второй мировой войной, в ходе которой от рук гитлеровцев погиб каждый пятый житель Польши, а около 40% национального достояния было разрушено.

Польский народ хорошо понимает, что огромных успехов во всех областях жизни он смог добиться только благодаря союзу и дружбе с могучим соседом — Советским Союзом.

Когда в июле 1944 г. трудящиеся города и деревни под руководством польских коммунистов взяли власть в свои руки, впервые в истории Польши возникли условия для отхода от традиционной слепой антисоветской политики, проводившейся правительствами довоенной буржуазной Польши.

Лишь после образования Польской Народной Республики впервые в истории нашего народа в основу существования и развития Польши был положен новый тип международных отношений, основывающийся на дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с социалистическими странами, прежде всего с Советским Союзом.

Суть этих отношений ясно и четко определена в Договоре о дружбе, взаимопомощи и сотрудничестве, заключенном между правительствами

Польской Народной Республики и Союза Советских Социалистических Республик 21 апреля 1945 г., который сыграл огромную роль во всестороннем развитии и укреплении социалистической Польши. Но еще задолго до подписания этого договора, — с июльских дней 1944 г., когда в итоге великого наступления победоносной Красной Армии ее войсками совместно с частями народного Войска Польского был освобожден первый клочок польской земли, — наша страна начала получать помощь от Советского Союза: советские специалисты участвовали в восстановлении заводов, разрушенных оккупантами, нашей стране был предоставлен товарный кредит и др. На территории Польши продолжались военные действия, а уже 20 октября 1944 г. между Польским комитетом национального освобождения и правительством СССР было подписано соглашение о поставках в Польшу товаров. По этому соглашению на условиях беспроцентного кредита мы получили муку, нефть, уголь, чай, а также некоторые виды сырья, прежде всего хлопок, благодаря которым уцелевшие от войны заводы могли немедленно возобновить свое производство. Кредит этот вскоре был погашен поставками из Польши в СССР угля, цемента и проката.

В условиях, в которых тогда находился наш народ — огромные разрушения материальных ценностей, физическое истощение населения, угроза возникновения эпидемий, массовые перемещения населения, недостаток продуктов питания и сырья — помощь эта была поистине неоценимой. Она имела огромное значение для молодого польского государства, так как позволила удовлетворить самые насущные нужды общества, помогла добиться внутренней стабилизации и консолидации всех прогрессивных сил нашего народа, сплочения их вокруг польских коммунистов, помогла стране встать на путь строительства социализма.

Вскоре, в июле 1945 г., был подписан договор о товарообороте между нашими странами, на основе которого Советский Союз поставлял Польше все, что было для нас необходимо в первые послевоенные годы, и в первую очередь то, что было нужно для восстановления промышленного производства: железную и другие руды, цветные металлы, нефть и нефтепродукты, каучук, химическое сырье, машины и тракторы, хлопок. Благодаря этим поставкам Польше удалось начать производство ряда товаров, которые в свою очередь, она начала поставлять в Советский Союз в счет погашения кредита, — уголь, кокс, прокат, цинк, некоторые химические продукты, изделия из стекла. Договор от 7 июля 1945 г. явился основой для широкого развития торговых отношений между нашими странами.

В течение 1946—1948 гг. между Советским Союзом и Польшей было заключено еще четыре договора на поставку в Польшу зерна, общим количеством в 900 тыс. тонн. Это позволило преодолеть трудности в снабжении населения хлебом.

Договор от 26 января 1948 г. о взаимных поставках товаров на период 1948—1952 гг. обеспечил хозяйство Польши сырьем и материалами, необходимыми для реализации трехлетнего плана восстановления польской экономики и создания основы для претворения в жизнь программы социалистической индустриализации страны, которая являлась тогда основной задачей.

Особое значение имели поставки промышленного оборудования для создаваемых крупных промышленных предприятий. Главной задачей шестилетнего плана (1950—1955 гг.) было развитие в Польше тяжелой промышленности: горного дела, энергетики, металлургии, машиностроения. Задачи, поставленные шестилетним планом, были очень большими и требовали мобилизации сил всего народа.

Однако, как мы помним, начало пятидесятых годов — это самый разгар развязанной империалистическими державами «холодной войны», направ-

ленной против Советского Союза и стран, которые после второй мировой войны стали на путь социализма. Правительства западных стран ввели эмбарго на вывоз большинства товаров в социалистические страны. Капиталистические фирмы не только отказывались от ведения новых переговоров, но и срывали уже подписанные контракты на поставку машин и оборудования в страны социалистического содружества.

В тех условиях только Советский Союз мог помочь в осуществлении шестилетнего плана развития Польши, и он оказал нам эту помощь. На основе договоров от 28 января 1948 г. и 29 июня 1950 г. Польша получила от Советского Союза инвестиционный кредит. В рамках этого кредита Советский Союз предоставил нашей стране документацию для строительства целого ряда промышленных объектов, машины и оборудование для оснастки, советские специалисты оказали помощь в их строительстве, наши специалисты и рабочие были приняты на стажировку на предприятия Советского Союза для ознакомления с производственными процессами.

Эти кредиты позволили построить такие крупнейшие предприятия Польши, как металлургические заводы им. Ленина (Новая Гута) в Кракове, им. Берута в Ченстохове и завод в Варшаве, завод по производству алюминия в Скавине, тепловые электростанции в Явожне и Варшаве, гидроэлектростанцию в Дыхове, автомобильный завод в Варшаве, завод грузовых автомобилей в Люблине, фабрику синтетических каучуков в Освенциме, цементный завод «Дружба» в Вежбицах, фабрику электрогенераторов «Дольмель» во Вроцлаве, фабрику подшипников качения в Краснике, содовый завод в Яникове, текстильные комбинаты в Замброве, в Фастах (под Белостоком) и в Петркове и много других. В общей сложности на основе этих договоров Советский Союз поставил Польше комплектное оборудование приблизительно для 80 предприятий и значительную часть еще для 200 объектов. Перечисленные выше предприятия, построенные в те годы в Польше, до сих пор остаются в числе главнейших промышленных предприятий страны и имеют ключевое значение для польской экономики.

Увеличение промышленного потенциала страны привело к тому, что Польша стала сама обеспечивать свои потребности в целом ряде товаров, которые раньше приходилось импортировать, одновременно расширился ассортимент экспортируемых ею товаров. Польша превратилась в экспортера таких видов промышленной продукции, как морские суда и корабли, легковые и грузовые автомашины, некоторые типы станков, разные химические продукты. Многие из них прочно вошли в список товаров, экспортируемых в Советский Союз, который превратился в нашего самого крупного экономического партнера. Если в 1938 г. торговля с Советским Союзом составляла только 0,8% товарооборота Польши, то в настоящее время сделки с Советским Союзом занимают одну треть в товарообороте Польской Народной Республики.

Динамику польско-советского товарооборота и товарооборота Польши в целом за послевоенные годы иллюстрирует табл. 1.

Как видно из приведенной таблицы, этот товарооборот увеличился за последнее десятилетие (1961—1970) более чем в три раза, возрастая в среднем на 12% в год.

Советский Союз занимает исключительное место во внешнем товарообороте Польской Народной Республики. Сравнивая динамику нашего товарооборота в целом с динамикой оборотов с СССР, мы можем заметить, что значение торговли с СССР для нашей экономики ежегодно возрастает, а темпы роста экспорта ПНР превышают темпы роста импорта.

В результате интенсивной индустриализации страны Польская Народная Республика стала признанным партнером Советского Союза, причем, народное хозяйство обеих стран взаимно дополняет друг друга. Так, на-

Таблица 1

Год	Динамика товарооборота ПНР 1950 г. = 100				Участие СССР в товарообороте ПНР, %	
	в целом	с СССР			по статье экспорта	по статье импорта
		общая	по экспорту	по импорту		
1950	100	100	100	100	24,3	28,8
1955	145	170	183	163	30,5	33,7
1960	217	247	253	242	29,4	31,2
1965	351	432	510	380	35,1	31,1
1970	550	755	810	708	35,3	37,7

пример, само размещение полезных ископаемых на территориях наших стран как бы естественно определяет их взаимный обмен. Известно, что разведанные запасы каменного угля в СССР являются самыми крупными в мире, но они находятся в центральных и восточных областях Советского Союза, вдали от крупных промышленных центров Европейской части СССР, куда доставлять уголь экономически выгоднее, ввозя его из ПНР, нежели транспортируя из Сибири. С другой стороны, Криворожская железная руда находится сравнительно недалеко от нашей границы, и таким образом естественно, что именно Криворожский бассейн является для нашей металлургии самым выгодным поставщиком сырья.

Построенный в 1960—1963 гг. общими усилиями социалистических стран нефтепровод «Дружба» представляет собой самое выгодное средство транспортировки нефти в Польшу. Можно привести и ряд других примеров. Обе наши страны проводят политику дальнейшей индустриализации, в этих условиях широкое развитие получает обмен оборудованием и машинами. Наши страны взаимно дополняют друг друга также и в производстве товаров ширпотреба.

Очень важными для развития сотрудничества между нашими странами являются такие политические факторы, как общий для них социалистический строй, братская дружба наших стран и народов, членство в Совете Экономической Взаимопомощи, созданном социалистическими странами еще в 1949 г.

Проводимые в рамках СЭВ многосторонние мероприятия способствуют быстрому развитию всех стран-членов СЭВ, оказывая при этом огромное влияние и на двустороннее сотрудничество между ними. Здесь можно назвать такие важные мероприятия, как специализация и кооперирование производства, координация научных и технических исследований, способствующие социалистическому разделению труда, совместные капиталовложения и целый ряд других. Безвозмездный обмен научно-технической документацией сыграл огромную роль в развитии всех стран — членов СЭВ. Большое значение для развития этого обмена имели решения II сессии СЭВ (август 1949 г.). На основе этого решения страны — члены СЭВ обменялись более чем 40 тыс. комплектов научно-технической документации. Главную роль и здесь сыграл Советский Союз. Одной только Польской Народной Республике Советский Союз передал (до 1970 г.) 6,5 тыс. комплектов научно-технической документации, в том числе 266 проектов крупнейших инвестиционных объектов, 1378 комплектов документации на изготовление машин и оборудования, 573 комплекта технологической документации. Около 8 тыс. польских специалистов стажировались в Советском Союзе.

Польша, в свою очередь, также передает научно-техническую документацию другим странам. Советский Союз получил из ПНР до 1970 г. 3,4 тыс. комплектов документации, в том числе 77 инвестиционных проектов, вы-

ше 550 комплектов документации на изготовление машин и оборудования и 456 комплектов технологической документации. Около 2,5 тыс. советских специалистов было на стажировке в Польше.

Положительное влияние на устойчивость экономических связей стран — членов СЭВ оказало решение о введении принципа постоянных цен во взаимном товарообороте, цен, освобожденных от конъюнктурного воздействия различных неблагоприятных явлений, часто оказывающих влияние на отношения между капиталистическими странами. Осуществление взаимных расчетов в переводных рублях, с помощью которых установлены взаимные курсы валют стран — членов СЭВ, также имело большое значение, предохраняя нас от отрицательных воздействий неустойчивости монетарного рынка, характерной для капиталистических стран.

Благодаря принятым органами СЭВ рекомендациям по специализации промышленного производства, страны — члены СЭВ смогли обеспечить устойчивое крупносерийное производство многих видов продукции тяжелой промышленности и машиностроения. В рамках этой специализации наша страна производит вагоны, морские суда, текстильные машины, экскаваторы, комплектные заводы серной кислоты и сахарные заводы, токарные станки, подшипники качения и другие товары, которые в больших количествах поставляются в Советский Союз.

Многостороннюю специализацию дополняет специализация двусторонняя. Так, в августе 1968 г. был заключен договор между рядом организаций Польши и СССР о сотрудничестве и кооперировании в автотракторной промышленности. На его основе Польша поставляет некоторые детали для автомашин «Жигули», получая из СССР некоторые части для производимой в Польше автомашин «Фиат» 125-П. Договор о кооперировании в станкостроительной промышленности, заключенный в ноябре 1968 г., предусматривает поставки в СССР из ПНР электромагнитных муфт, взамен за некоторые виды готовых станков.

На основе договора о кооперировании в области строительных машин Польша поставляет в СССР коробки передач, а СССР Польше — некоторые типы этих машин.

Совместные капиталовложения, особенно в добывающей промышленности, позволили обеспечить страны — члены СЭВ необходимым сырьем. Нефтепровод «Дружба» снабжает советской нефтью Польшу, ГДР, Чехословакию и Венгрию. Для постройки этого нефтепровода Польша поставила значительное количество специальных стальных труб больших диаметров и другие необходимые товары.

В итоге воздействия всех этих мер и факторов определилась современная структура товарооборота между нашими странами.

В нашем импорте из Советского Союза преобладают две группы товаров: сырье и машины. Поставки этих товаров очень важны для нас, так как позволяют планомерно развивать нашу экономику. В нашем экспорте в СССР растут поставки машин и оборудования. Важную статью в нем представляют поставки сырья и полуфабрикатов, а также промышленных товаров ширпотреба.

Структура (в процентах) польско-советского товарооборота в 1970 г. представлена в табл. 2.

На каждом заводе в Польше можно встретить машины с надписью «Сделано в СССР», которые из-за своего высокого качества пользуются у нас заслуженной славой.

Экспорт в Советский Союз является главной движущей силой развития нашей промышленности. Некоторые ее отрасли развились только благодаря заказам Советского Союза.

Таблица 2

Группа товаров	Экспорт из Польши в СССР	Импорт Польши из СССР
Машины и оборудование	53,0	36,2
Топливо, сырье и материалы	20,5	54,9
Сельскохозяйственные продукты	1,4	7,3
Промышленные товары ширпотреба	25,2	2,5

Польская Народная Республика занимает второе место среди поставщиков Советского Союза, покрывая 11% его общего импорта. Она является единственным поставщиком угля в СССР. По поставкам морских судов, оборудования для сахарных заводов, конфекции, красителей, шерстяных и шелковых тканей, цинка, кожгалантереи мы занимаем первое место, а по поставкам дорожных и строительных машин, вагонов, оборудования для деревообрабатывающей и целлюлозной промышленности, соды, карбида, фармацевтических средств, обуви — второе.

В 1969 г. импортные потребности СССР были обеспечены поставками из ПНР на такие виды товаров как: каменный уголь — на 100%, цинк — 64, машины строительные и дорожные — 41, фармацевтические средства — 25, косметика — 24, красители, краски и лаки — 23, железнодорожный состав — 21, ткани — 18, изделия проката — 15, мебель — 13, одежда и белье — 13, автотракторный парк на 10%.

Особое место занимают поставки морских судов. Надо отметить, что до войны в Польше не было этой отрасли промышленности, а в настоящее время по судостроению Польша входит в первую десятку стран мира. В развитии судостроения в нашей стране Советский Союз сыграл огромную роль, предоставив нам братскую помощь посредством передачи необходимой документации, поставок машин и оборудования, обучения кадров инженеров, техников и рабочих на верфях Советского Союза. Спуск на воду первого судна, построенного на польской верфи, состоялся в 1949 г., а уже на следующий год СССР получил первое судно, построенное в Польше. С тех пор в СССР было поставлено свыше 500 судов общим тоннажем около 2,7 млн. брутто-регистрационных тонн. Таким образом, около 20% торгового и рыболовного флота Советского Союза было построено на польских верфях. Поставки в СССР составляют около 60% всей продукции нашего кораблестроения, что в свою очередь означает, что для развития этой отрасли производства решающее значение имеют советские заказы. Выполнение советских заказов способствует постоянному совершенствованию производства, умелому использованию накопленного опыта, повышению качества, расширению объема производства. Все это позволило нам выйти с экспортом судов во многие страны мира.

Как указывалось выше, в Польше в послевоенные годы благодаря помощи Советского Союза было построено много комплектных промышленных предприятий. В настоящее время ПНР сама является поставщиком комплектного заводского оборудования во многие страны мира, в том числе в Советский Союз. Поставка первых двух сахарных заводов состоялась в 1958 г., и с тех пор в течение 13 лет мы построили или начали строить в СССР 141 комплектный промышленный объект, в том числе 16 сахарных заводов, 32 завода прессованных плит, 14 заводов серной кислоты.

Покупка у нас комплектного оборудования для промышленных объектов свидетельствует о высоком техническом уровне польской промышленности, применяющей современную технологию и конструкции. Польское оборудование для сахарных заводов хорошо известно в мире. 40 таких

заводов построено нашими организациями в разных странах Европы, Азии и Африки. То же самое можно сказать и о фабриках серной кислоты.

Экспорт в СССР оказывает огромное влияние и на развитие ряда других отраслей промышленности, таких, например, как химическая. Сегодня по производству и экспорту изделий фармацевтической промышленности Польша входит в первую десятку стран мира.

В текущей пятилетке еще больше возрастет объем польско-советского товарооборота. Подписанный в декабре 1970 г. договор предусматривает его повышение по сравнению с предыдущей пятилеткой приблизительно на 67%. Но, как показывает опыт, все первоначальные планы предыдущих пятилеток были намного перевыполнены. Надо полагать, что так же будет и на этот раз. По всем основным позициям договор предусматривает расширение как объема, так и ассортимента поставок. В нашем экспорте появятся такие новые виды продукции, как формовочные литейные машины, мельницы для целлюлозно-бумажной промышленности, оборудование для производства кабелей, новое оборудование для химической и пищевой промышленности. Поставки машин и оборудования увеличатся на 60%. Предусматривается также увеличение поставок промышленных товаров широкого потребления.

29 сентября 1970 г. было подписано соглашение о расширении научно-технического сотрудничества между Польшей и Советским Союзом на период 1971—1975 гг. Сотрудничество это охватывает целый ряд отраслей народного хозяйства от работ в области микроэлектроники, по созданию станков с числовым программным управлением, химии, автоматики до сельского хозяйства. По многим проблемам сотрудничество будет охватывать все стадии их разработки, начиная с разработки прогнозов до внедрения в народное хозяйство результатов испытаний и проектно-конструкторских решений. Научно-техническое сотрудничество с СССР, проводимое как в двустороннем, так и в многостороннем порядке является основой для развития ряда отраслей нашей промышленности.

В минувшем году произошли три события, имевшие важнейшее значение для будущего нашего экономического сотрудничества: XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза, VI съезд ПОРП и XXV сессия Совета Экономической Взаимопомощи.

XXIV съезд КПСС обратил внимание на необходимость дальнейшего углубления и расширения взаимного экономического сотрудничества социалистических стран и подчеркнул, что для стран, объединенных в Совете Экономической Взаимопомощи, огромное значение будет иметь ускорение социалистической экономической интеграции.

Выступая на XXIV съезде КПСС с программным докладом, Леонид Ильич Брежнев сказал: «Практика привела нас к общему выводу: необходимо углублять специализацию и кооперацию производства, теснее увязывать народнохозяйственные планы, словом, двигаться по пути экономической интеграции социалистических государств»¹.

Это мнение разделяет наша страна. Первый секретарь Польской объединенной рабочей партии Эдвард Герек, выступая на XXIV съезде КПСС, подчеркнул: «Наши усилия, направленные на укрепление народной Польши и обеспечение ее более динамичного развития, неразрывно связаны со стремлением последовательно осуществлять нацеленную в будущее социалистическую экономическую и научно-техническую интеграцию в рамках Совета Экономической Взаимопомощи»². В директивах Центрального

¹ «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза». 30 марта — 9 апреля 1971 года. Стенографический отчет, т. I. М., 1971, стр. 32.

² Там же, стр. 221

комитета Польской объединенной рабочей партии VI съезду партии, говорится: «Мы основываем благополучие и непоколебимость достижений польского народа на нерушимом фундаменте союза и дружбы с Советским Союзом и другими братскими странами социалистического содружества, прочным звеном которого является народная Польша, на постоянно углубляющемся экономическом сотрудничестве в рамках СЭВ, которое развивается в направлении социалистической интеграции»³. VI съезд ПОПР констатировал, что «осуществление основных целей и направлений социально-экономического развития страны в значительной мере зависит от внешней торговли и широкопонимаемого экономического и научно-технического сотрудничества с заграницей, особенно со странами — членами СЭВ»⁴.

Стремление социалистических стран укреплять и расширять экономическое сотрудничество и развивать социалистическую интеграцию нашло свое отражение в решениях XXV сессии СЭВ, принявшей Комплексную программу интеграции. Эта программа предусматривает координирование долгодлетьних и перспективных планов развития стран СЭВ, совместное решение наиболее важных задач в сфере материального производства, науки и техники, валютно-финансовых отношений, внешней торговли, взаимные консультации по всем интересующим их проблемам экономического и научно-технического сотрудничества, разработку правовых основ сотрудничества и целый ряд других проблем.

Осуществление ряда мероприятий, предусмотренных Комплексной программой, уже началось. Были заключены первые договоры по вопросам специализации в выпуске продукции, основанные на новых принципах, подписан ряд соглашений о создании координационных центров для научно-технического сотрудничества по отдельным проблемам, разработаны соглашения о совместном планировании отдельных видов производства, как, например, металлорежущих станков с программным управлением, и целый ряд других мероприятий.

Все это окажет огромное положительное влияние на развитие польско-советского сотрудничества.

Во всех органах Совета Экономической Взаимопомощи и в рабочих группах Польско-советской комиссии по экономическому сотрудничеству ведутся работы над усовершенствованием социалистического разделения труда в области промышленного производства, рассматриваются предложения по специализации и кооперированию в области производства станков, дорожных и строительных машин, в автотракторной, электронной и радиотехнической промышленности, в производстве медицинского оборудования, в разработке комплектных объектов для химической, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной и пищевой промышленности, в промышленности стройматериалов, в производстве товаров ширпотреба и во многих других отраслях народного хозяйства наших стран.

Результаты этих разработок найдут в ближайшем будущем отражение в новых соглашениях и договорах.

Реализация их будет способствовать дальнейшему резкому увеличению товарооборота, совершенствованию его структуры, развитию сотрудничества между нашими странами в целом, прогрессу экономики наших стран, улучшению жизни наших народов.

³ «O dalszy socjalistyczny rozwój Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej». Wytyczne KC PZPR na VI Zjazd Partii uchwalone na posiedzeniu plenarnym w dniu 4 września 1971 r., s. 8.

⁴ «Nowe Drogi», 1972, № 1, s. 142.

Г. С. ВУШУЕВА

«РУССКИЕ» РОТЫ И БАТАЛЬОНЫ В НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ ЮГОСЛАВИИ

Одна из ярких, но недостаточно изученных страниц истории героической борьбы советского народа против фашизма в годы второй мировой войны — участие советских людей в европейском движении Сопротивления.

Уже в конце 1941 г. в подпольных организациях и партизанских отрядах многих европейских стран появились советские люди. Число их быстро росло. Вскоре они стали объединяться в небольшие группы и подразделения, а затем и в относительно крупные формирования. Всего в годы второй мировой войны на территории европейских стран активно боролись с фашизмом сотни «русских»¹ партизанских бригад, батальонов, рот, взводов, отрядов и групп, насчитывавших до 40 тыс. человек².

Они входили в состав национальных народно-освободительных армий или взаимодействовали с ними³. Кроме того, многие советские люди продолжали сражаться в местных партизанских отрядах и подпольных организациях.

Крупным и одним из активнейших очагов народной борьбы с фашистскими оккупантами в годы второй мировой войны была Югославия. В частях Народно-освободительной армии и партизанских отрядах сражались против общего врага антифашисты почти из 30 стран мира, в том числе и из Советского Союза. Эта совместная борьба югославских народов и иностранных интернационалистов явилась ярким выражением пролетарского интернационализма — того международного союза, который, как писал В. И. Ленин, «нигде не записан, не оформлен, ничего не представляет из себя с точки зрения „государственного права“, а, в действительности, в разлагающемся капиталистическом мире представляет из себя все»⁴.

¹ По установившейся традиции за рубежом Советский Союз называли Россией. В действительности же «русские» партизанские формирования состояли из представителей многочисленных национальностей СССР.

² Эта цифра приводится М. И. Семирягой. (См. «Советские люди в европейском Сопротивлении». «Наука», 1970, стр. 7). Однако недостаточная разработанность темы дает основание полагать, что эти данные не являются исчерпывающими. Дальнейшие исследования, несомненно, выявят пока еще не известные имена и отряды советских людей — участников движения Сопротивления в Европе.

³ Наряду с партизанскими формированиями, состоявшими из военноопленных и угнанных на принудительные работы советских граждан, в ряде стран Восточной Европы действовали советские отряды и соединения, перешедшие с советской территории, а также группы десантников, на базе которых создавались советские партизанские отряды. Эти партизанские формирования подчинялись советским органам руководства партизанской борьбой.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 243.

Важным фактором, способствовавшим установлению боевой дружбы и товарищества между советскими и югославскими бойцами НОАЮ, была атмосфера революционного подъема, характерная для участников народно-освободительного движения Югославии в годы второй мировой войны.

Ведь югославский народ под руководством своей Коммунистической партии боролся не только за изгнание фашистских оккупантов, но и за ликвидацию эксплуататорских порядков, за социалистический путь своего дальнейшего развития. На югославской земле вместе с югославскими народами советские люди сражались за претворение в жизнь социалистических идеалов, знаменосцем которых была их Родина. В свою очередь, трудящиеся Югославии в лице советских граждан видели представителей первой и тогда единственной социалистической страны, а потому наиболее верных и надежных своих друзей.

Участие советских людей в народно-освободительной борьбе в Югославии не получило еще должной разработки ни в советской, ни в югославской литературе. Все, что написано об этом советскими историками, не выходит за рамки небольших по объему научных статей в журналах или разделов в обобщающих трудах и монографиях⁵. Среди них выделяются обстоятельные работы В. В. Зеленина⁶, В. И. Клокова⁷ и М. И. Семиряги⁸. Вопросы боевой деятельности и военного искусства «русских» формирований в Народно-освободительной армии Югославии получили некоторое освещение в обобщающей статье В. Н. Андрианова⁹.

В обширной югославской литературе, посвященной истории народно-освободительной войны, можно найти большое количество упоминаний, оценок, отзывов о советских гражданах — бойцах НОАЮ, а также списков подразделений, состоящих целиком или частично из советских людей. Однако все эти материалы представляют собой разобщенные, не связанные друг с другом сведения. Исключение составляют две обзорные статьи И. Вуйошевича, специально посвященные исследуемой теме¹⁰.

В настоящей статье делается попытка рассмотреть недостаточно освещенные в советской и югославской литературе вопросы о количестве и численности формирований советских людей в Народно-освободительной армии и партизанских отрядах Югославии, об их организационной структуре,

⁵ Краткие упоминания о самом факте участия советских людей в народно-освободительной войне в Югославии имеются в работах, посвященных истории Югославии и освободительной миссии Советской Армии в годы второй мировой войны. (См. «История Югославии», т. 2. Изд-во АН СССР, 1963, стр. 251; Г. М. С л а в и н. Освободительная война в Югославии. «Наука», 1965, стр. 135; М. Е. М о н и н. Содружество, рожденное в боях. Воениздат, 1970, стр. 193 и др.). Кроме того, этот вопрос затрагивался на международных конференциях, конгрессах и научных симпозиумах: «Движение Сопротивления в Европе», Милан, 1961; «20-я годовщина победы над фашистской Германией», Москва, 1965; «Движение Сопротивления на Балканах 1941—1945 гг.», Охрид, 1969.

⁶ В. В. З е л е н и н. Участие советских людей в народно-освободительной войне Югославии. «Советское славяноведение», 1965, № 6; е г о ж е. Участие советских людей в народно-освободительной войне в Югославии. В кн. Вторая мировая война, кн. 3. «Наука», 1966, стр. 130—139.

⁷ В. И. К л о к о в. Борьба народов славянских стран против фашистских поработителей (1939—1945). Киев, 1961; е г о ж е. Плечом к плечу. В сб. Советские партизаны. Политиздат, 1963.

⁸ М. И. С е м и р я г а. Там же.

⁹ В. Н. А н д р и а н о в. Советские партизаны за рубежом. «Военно-исторический журнал», 1961, № 9.

¹⁰ J. V u j o š e v i ć. Crvenoarmejci u partizanima. «Komunist», 1963, № 323; е г о ж е. Ruski bataljoni. «Komunist», 1963, № 324.

принципах и источниках комплектования, проследить процесс их образования¹¹.

Первые советские люди появились в составе югославских партизанских отрядов в конце 1942 г. Это были солдаты и офицеры Советской Армии, бежавшие из первых партий военнопленных, привезенных гитлеровцами на территорию Югославии летом 1942 г., а затем и гражданские лица, угнанные на фашистскую каторгу с оккупированной советской территории. В течение всей войны части НОАЮ и партизанские отряды пополнялись советскими людьми, бежавшими из многочисленных фашистских лагерей (концентрационных, для военнопленных и рабочих), расположенных на территории Югославии¹², Италии, Австрии, Греции и Албании, а также из рабочих команд фашистской строительной организации «Тодт». Советские люди бежали из эшелонов с военнопленными и «восточными рабочими», следовавших через территорию Югославии. Кроме того, немало советских людей в составе отдельных формирований, группами или в одиночку перешли в Югославию из партизанских отрядов Греции и Италии.

Весьма сложным и недостаточно изученным является вопрос об общей численности советских людей, сражавшихся в рядах Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии. Это связано главным образом с трудностями выявления источников. Документы о численности и составе многих частей НОАЮ и партизанских отрядов не сохранились. Кроме того, не во всех частях и отрядах велся специальный учет советских бойцов. Нередко в списках личного состава тех или иных югославских подразделений имена и особенно фамилии советских граждан, чуждые по звучанию для югославов, сильно изменены. В результате, выявить в этих списках такие имена и фамилии очень трудно¹³.

Все это во-многом явилось причиной того, что в нашей литературе приводятся различные цифры о количестве советских воинов, действовавших в Югославии: 2,9, около 4 и около 6 тыс. В нашей литературе полностью отсутствуют сведения о численности советских бойцов, сведенных в формирования в составе НОАЮ. В работах югославских историков также нет сведений подобного рода.

По подсчетам автора статьи, произведенным на основе имевшихся в его распоряжении документальных материалов¹⁴, списков личного состава частей НОАЮ и партизанских отрядов, данных периодической печати военных лет, воспоминаний югославских командиров, а также личных бесед с командирами и бойцами формирований из советских людей, можно говорить, что в составе Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии действовало не менее 6,3—6,5 тыс. советских граждан. Однако и эти цифры не могут претендовать на полноту.

¹¹ Боевая деятельность «русских» формирований в НОАЮ в настоящей статье не рассматривается. Эта тема специального исследования.

¹² Советские люди находились в лагерях, созданных в городах Ясеновац, Беляк, Бистрица на Драве, Славонски Брод, в селении Чрнече и др. Последние два лагеря были созданы специально для советских военнопленных.

¹³ Так, в списках бригады «Франьо Огулинац Сельо» 34-й дивизии боец Стрепетов Николай Петрович записан как Стрепетов Никомур Петров; Федоров Иван Григорьевич — как Федор Ивана Григорий. В списках 3-й бригады 7-й Банийской дивизии боец Николай Голенихин числится как Иван Гулеихин. В списках воинов 1-й «русской» ударной бригады, представленных к награждению, многие фамилии также искажены. Вместо Петухов записан Тетунов; вместо Горбачев — Горбалов; вместо Татушвили — Татушвин; вместо Беззубый — Беззубк и т. д.

¹⁴ Главным образом опубликованных оперативных документов: приказов, распоряжений, донесений, отчетов штабов частей, соединений НОАЮ и партизанских отрядов, в составе которых действовали советские люди.

Первоначально советские люди были рассредоточены по многочисленным подразделениям НОАЮ и партизанским отрядам. Многие офицеры Советской Армии привлекались к штабной службе. Советские врачи работали в партизанских госпиталях.

Со второй половины 1943 г. в связи со значительным увеличением числа советских бойцов Верховный штаб НОАЮ начал сводить их в однородные по составу формирования. В них объединялись советские граждане, действовавшие с конца 1942 — начала 1943 г. в составе подразделений одного партизанского отряда, одной части или соединения НОАЮ. Так в НОАЮ появились «русские» отделения, взводы, роты, батальоны. Они имелись на территории всех шести национальных земель Югославии.

Все формирования из советских людей входили в состав частей НОАЮ и полностью подчинялись их командованию.

К настоящему времени исследователям удалось выявить одиннадцать таких подразделений, действовавших на территории Сербии, Хорватии и Черногории. В 7-й Воеводинской, 1-й Ликской, 5-й Черногорской¹⁵, Осиекской бригадах и Туропольско-Посавском¹⁶ партизанском отряде имелись «русские» батальоны; в Бродской, 4-й Черногорской и 3-й Воеводинской бригадах, а также в Пожаревацком и Посавском партизанских отрядах — роты. В 3-й бригаде 7-й Банийской дивизии действовало «русское» отделение.

Наибольшее внимание среди перечисленных формирований исследователи уделяют двум самым крупным по численности подразделениям: «русскому» (4-му) батальону 7-й Воеводинской бригады¹⁷ и «русскому» батальону Осиекской бригады¹⁸. Остальные формирования лишь упоминаются.

На основании выявленных документальных данных сейчас представляется возможным говорить еще о девяти неизвестных исследователям подразделениях, состоявших из советских людей и действовавших в составе частей, соединений НОАЮ и партизанских отрядов на территории Сербии и Хорватии.

Так, в донесении штаба 34-й дивизии от 17 февраля 1943 г. указывалось, что в составе 16-й молодежной бригады «Йожа Влахович» из русских, которых насчитывается сейчас в бригаде более 50 человек, сформирована «русская» рота. Командир роты — танкист, лейтенант Красной Армии, совершивший побег из лагеря...»¹⁹. В донесении штаба 13-й Пролетарской народно-освободительной бригады «Раде Кончар» сообщалось:

¹⁵ «Русский» (5-й) батальон (в составе четырех рот) был сформирован в 5-й Черногорской бригаде во второй половине 1944 г. в районе города Подгорица. См. «Vojna enciklopedija», t. 8, Beograd, 1966.

¹⁶ «Русский» батальон этого отряда большую часть своего боевого пути прошел в составе бригады «Франьо Огулинац Сельо» 34-й дивизии, куда он был передан в июле 1944 г. См. V. V a l j a n. Brigada «Franjo Ogulinac Seljo». Beograd, 1968, s. 166.

¹⁷ Создание этого батальона в 7-й Воеводинской бригаде завершило процесс организационного объединения всех советских людей, действовавших в 1943 — начале 1944 г. на территории Воеводины, в частности в составе подразделений 1-го и 2-го Сремских партизанских отрядов, 6-й Воеводинской бригады и других частей. Основой батальона стали две «русские» роты, созданные в составе 7-й Воеводинской бригады в июле 1944 г.

¹⁸ Вызывает сомнение названная в ряде работ советских историков дата формирования «русского» батальона в Осиекской бригаде 12-й дивизии 6-го корпуса — лето 1943 г. Дело в том, что Осиекская бригада была создана лишь 1 марта 1944 г. С этого времени в оперативных документах командования этой бригады и 6-го корпуса встречаются сообщения о «русском» взводе, а к маю-июню того же года относятся донесения о создании «русской» роты. (См. «Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda», t. 5, knj. 28. Beograd, 1963, s. 220). Создание же «русского» батальона в Осиекской бригаде югославские историки относят к лету 1944 г. (См. «Vojna enciklopedija», s. 401—402).

¹⁹ «Zbornik dokumenata i podataka...», t. 5, knj. 24, 1960, s. 307—308.

«3.12.1943 г... в 16 часов прибыла в состав бригады рота красноармейцев, которая была передана нашему 4-му пролетарскому батальону»²⁰. Упоминаемая в донесении рота была сформирована командованием бригады в конце 1943 г.²¹

В декабре 1943 г. на территории Срема (Воеводина) была сформирована «русская» рота в составе 3-го батальона 1-й Воеводинской бригады 16-й Воеводинской дивизии²². Рота была развернута на базе «русского» взвода, действовавшего в составе одного из Сремских партизанских отрядов с лета 1943 г.²³

Сведения о еще неизвестных «русских» взводах и ротах имеются в оперативных донесениях о боевой деятельности различных воинских частей НОАЮ. Так, среди наиболее отличившихся в боях с фашистскими оккупантами подразделений 1-й бригады штаб 13-й дивизии в своем донесении от 13 июля 1944 г. назвал роту советских бойцов, сформированную на базе «русского» взвода²⁴ летом 1944 г.²⁵. Штаб 33-й дивизии в своем донесении штабу 10-го корпуса указывал на то, что в боевых действиях дивизии «особенно отличилась „русская“ рота 2-го батальона 1-й бригады»²⁶.

В оперативных документах частей и соединений НОАЮ, действовавших в Сербии и Хорватии, выявлены сведения еще о двух «русских» ротах в Вировитицкой бригаде 40-й дивизии²⁷ и во 2-м батальоне Ибарского партизанского отряда²⁸.

О неизвестных исследователям формированиях из советских людей в Сербии и Хорватии вспоминают многие бывшие командиры югославских воинских частей и партизанских отрядов. Так, ветеран 23-й дивизии Иван-Джина Глигориевич пишет, что в составе 4-го батальона 14-й Сербской бригады была сформирована «русская» рота «главным образом из красноармейцев, совершивших побег из фашистских лагерей в Восточной Сербии»²⁹. Рота, о которой идет речь, была создана в первой половине 1944 г. в районе города Ниш и первоначально действовала в Нишском партизанском отряде³⁰.

Участник освободительной борьбы в Истрии И. Брозина-Слован вспоминает о «русской» роте, сформированной в районе города Врбовско в составе 2-го батальона 1-й Истринской бригады «Владимир Гортан». Эта рота объединила советских людей из различных подразделений бригады³¹.

²⁰ Донесение подписано командиром бригады и политкомиссаром (см. «Trinaesta proleterska u narodnooslobodilačkoj borbi». «Zbornik dokumenata od 4 novembra 1942 do 12 maja 1945». Zagreb, 1957, s. 304—308).

²¹ Ibid.

²² J. Vujošević. Ruski bataljoni.

²³ «Vojvodina u borbi». Beograd, 1965, s. 375.

²⁴ Об активном участии в боях бригады взвода советских бойцов свидетельствует донесение штаба 1-й народно-освободительной ударной бригады от 19 3 1944 г. (См. «Zbornik dokumenata i podataka...», t. 5, knj. 25, 1959, s. 324).

²⁵ J. Vujošević. Ruski bataljoni.

²⁶ Донесение подписано командиром дивизии и политкомиссаром (См. «Zbornik dokumenata i podataka...», t. 5, knj. 33, 1964, s. 185).

²⁷ «Zbornik dokumenata i podataka...», t. 5, knj. 36, 1968, s. 219.

²⁸ В конце ноября 1944 г. 4-я «русская» рота Ибарского партизанского отряда по распоряжению Главного штаба НОА и ПО Сербии была передана в состав 13-го корпуса, а оттуда — в состав 68-го стрелкового корпуса 57-й армии 3-го Украинского фронта. (См. «Zbornik dokumenata i podataka...», t. 1, knj. 19, 1969, s. 683).

²⁹ I. D. Gligorić. Deveta Srpska udarna brigada. Beograd, 1970, s. 152.

³⁰ «Новая жизнь», 1967, 14 декабря.

³¹ I. Brozina-Slovan. Narodnooslobodilačka borba Istre (1941—1945). Put Prve Istarske brigade «Vladimir Gortan». Beograd, 1965, s. 214.

Немало формирований, состоявших из советских людей, было также в Словении и Македонии. Здесь оказалось много советских людей, бежавших из фашистской неволи как непосредственно с территории Македонии и Словении, так и пограничных стран — Италии, Греции и Австрии.

В литературе известны четыре «русских» формирования, действовавших в составе Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Словении. Наибольшее количество документальных данных собрано о самом крупном на территории Югославии советском формировании — 1-й «русской» ударной бригаде, действовавшей в районе Словенского Приморья. Выявлены также данные о формированиях из советских людей в Западно-Каринтийском партизанском отряде («русский» батальон) и в 3-й Словенской бригаде «Иван Градник» («русская» рота). М. И. Семиряга упоминает еще одну «русскую» роту (не называя часть НОАЮ), участвовавшую в боях в северо-восточной части Словении. По всей вероятности, речь идет о роте советских бойцов в 11-й Похорской бригаде.

Сейчас представляется возможным дополнить этот перечень еще двумя «русскими» формированиями в Словении. Так, в распоряжении штаба 18-й дивизии штабу 9-й Словенской бригады от 9 марта 1944 г. отмечалось: «... штаб дивизии формирует отдельный русский батальон, который будет передан в состав 9-й бригады... Этот батальон рассматривайте как составную часть вашей бригады и укомплектуйте его необходимым личным составом и материальной частью, всем, что положено батальону»³². В него вошли советские бойцы, находившиеся в различных частях НОАЮ и партизанских отрядах на территории Словении, в частности, в подразделениях 18-й дивизии, Истринского и Нотраньского партизанских отрядов. В момент формирования батальон состоял из двух рот³³.

В оперативных документах командования НОАЮ удалось также найти сведения о взводе советских бойцов в Бришко-Бенечском партизанском отряде. Этот взвод был создан во второй половине 1943 г., главным образом из советских граждан, бежавших из лагерей Италии³⁴.

До сих пор еще недостаточно изучен вопрос о «русских» подразделениях в составе Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Македонии. По существу, имеются данные лишь об одном формировании — «русском» батальоне в составе 5-й Македонской бригады³⁵.

Вместе с тем, бывший командующий НОА и ПО Македонии генерал М. Апостолски вспоминает еще о двух подразделениях из советских людей в Македонии и в районах Южной Сербии, примыкающих к Македонии. Он пишет: «Летом 1944 г. я был информирован подчиненными штабами о том, что в составе 1-й Косовской и 16-й Македонской бригад находилось большое количество советских бойцов, из которых в каждой из упомянутых бригад было сформировано по батальону...»³⁶

О неизвестной «русской» роте, сражавшейся на территории Боснии³⁷, удалось найти сведения в донесении штаба 15-й Маевичкой бригады 17-й дивизии от 25 февраля 1944 г.³⁸

³² «Zbornik dokumenata i podataka...», t. 6, knj. 12, 1966, s. 89—90. Батальон был сформирован в селении Ракитница (близ города Рибница) в марте 1944 г. и стал 5-м батальоном 9-й бригады.

³³ «Zbornik dokumenata i podataka...», t. 6, knj. 12, 1966, s. 89—90.

³⁴ Ibid., knj. 12, 1966, s. 163. См. также. «ТВ-15», 5 XI 1968, s. 9.

³⁵ См. в кн. Вторая мировая война, стр. 135—136.

³⁶ Архив Института военной истории МО СССР.

³⁷ До настоящего времени исследователи располагали сведениями о двух подразделениях из советских людей, действовавших на территории Боснии: «русской» роте 8-й Крайнской бригады 4-й Крайнской дивизии и «русском» взводе в составе партизанского отряда в районе города Сараева.

³⁸ «Zbornik dokumenata i podataka...», t. 4, knj. 22, 1962, s. 468.

На основании новых данных, полученных в результате исследования архивных документов, нам представляется сейчас возможным говорить о 14 неизвестных ранее «русских» формированиях в составе Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии. Однако и эта цифра не является окончательной³⁹.

Трудности определения общего количества формирований из советских людей в НОАЮ обусловлены не только отсутствием необходимых источников. В силу естественного для войны процесса количество этих формирований в разное время было различным. И это также затрудняет работу исследователей. Причем далеко не все формирования сохранились до конца войны. Совместные операции Советской Армии и НОАЮ по освобождению Белграда явились для многих из них окончанием боевой деятельности на территории Югославии. С ноября — декабря 1944 г. и до мая 1945 г. участвовали в боевых действиях на территории Югославии в составе НОАЮ 15 «русских» формирований.

Кроме того, в ходе войны многие формирования из советских людей передавались на пополнение в другие «русские», а иногда и югославские подразделения или части, или же объединялись с уже действовавшими в этих районах «русскими» формированиями. Так, 7 августа 1944 г. рота советских бойцов 3-й Словенской бригады «Иван Градник», входившей в состав 31-й дивизии 9-го корпуса НОАЮ, была передана в «русский» батальон 18-й бригады 30-й дивизии этого же корпуса⁴⁰. 26 июля 1944 г. в бригаду «Франьо Огулинац Сельо», понесшую к этому времени значительные потери, был передан «русский» батальон Туропольско-Посавского партизанского отряда. В составе этой бригады батальон был разделен на три «русские» роты, вошедшие в состав трех батальонов бригады в качестве четвертых рот⁴¹. «Русская» рота под командованием И. В. Барсукова первоначально действовала в составе 2-й Македонской бригады, а затем в 5-й бригаде⁴². В начале 1944 г. «русская» рота 16-й молодежной бригады «Йожа Влахович» была передана в Жумберкско-Посавский партизанский отряд⁴³.

Многие «русские» формирования в связи с укрупнением, переформированием, переходом в другие части изменяли свои первоначальные названия.

Все эти обстоятельства обусловили тот факт, что в работах советских и югославских исследователей приводятся различные обобщающие данные о количестве сформированных в НОАЮ «русских» подразделений. Так, например, М. И. Семиряга пишет о 8-и формированиях из советских людей, В. В. Зеленин и В. И. Клоков — о 10-и, И. Д. Очак — о 15-и⁴⁴. Югославский историк Й. Вуйошевич упоминает 8 «русских» батальонов и рот⁴⁵, В. Стругар — 6 батальонов, хотя подчеркивает, что в НОАЮ существовали и более мелкие подразделения⁴⁶.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные дают возможность говорить о 29 формированиях из советских людей, действовавших в составе НОАЮ

³⁹ Так, например, бывший участник освободительной войны в Словении А. И. Алексеев прислал в Институт военной истории подробные воспоминания о своих встречах с бойцами еще одного формирования из советских людей — «русского» батальона, сражавшегося в 13-й ударной бригаде «Мирко Брачич».

⁴⁰ S. Petelin. Gradnikovci. Beograd, 1970, s. 85.

⁴¹ V. Valjan. Ibid., s. 166.

⁴² См. «Советское славяноведение», 1965, № 6, стр. 36.

⁴³ J. Vujosević. Ruski bataljoni.

⁴⁴ Эти данные были приведены И. Д. Очаком на Международном симпозиуме в городе Охриде в 1969 г. См. «Vojnoistorijski glasnik», 1969, № 3.

⁴⁵ J. Vujosević. Ruski bataljoni.

⁴⁶ V. Stugar. Jugoslavija 1941—1945. Beograd, 1969, s. 317.

в годы второй мировой войны. Удалось также установить, что советские люди небольшими группами или в одиночку сражались в составе более 165-и югославских частей, соединений и партизанских отрядов. Вполне вероятно (это покажут дальнейшие исследования), что и в этих формированиях существовали пока еще не известные «русские» подразделения.

Командный состав «русских» воинских формирований НОАЮ был как смешанным (советско-югославским), так и полностью советским. Причем командирами большинства «русских» подразделений были в основном офицеры, прошедшие боевую школу в рядах Советской Армии или имевшие опыт партизанской борьбы. Так, А. И. Дьяченко — командир 1-й «русской» ударной бригады в НОАЮ — окончил специальную школу, принимал активное участие в партизанском движении на Украине, командуя диверсионной группой партизанского отряда. Командиром «русского» батальона 7-й Воеводинской бригады был капитан Советской Армии П. М. Оранский, участвовавший в обороне Одессы и Севастополя. Командир «русской» роты 8-й Крайнской бригады А. А. Болотов сражался с фашистскими захватчиками на Украине в рядах 311-го кавалерийского полка ⁴⁷.

Югославские офицеры были в «русских» воинских формированиях комиссарами, иногда начальниками штабов. Так, заместителем командира «русского» (5-го) батальона 9-й Словенской бригады был Яка Вукелич ⁴⁸; комиссаром «русской» роты 3-й Словенской бригады «Иван Градник» — Винко Вилхнар ⁴⁹; комиссаром «русского» (4-го) батальона — Мирослав Демирович ⁵⁰; комиссаром «русской» роты 1-й бригады 33-й дивизии — Франьо Жиц ⁵¹.

Многие командиры «русских» формирований привлекались для работы в штабах частей НОАЮ. Так, А. И. Дьяченко работал в штабе 2-го батальона 18-й бригады (до создания «русского» подразделения), затем был назначен заместителем командира 18-й бригады, а в мае 1945 г. в течение некоторого времени командовал 18-й бригадой. В штабе 6-й и 7-й Воеводинских бригад работал капитан Советской Армии П. М. Оранский, в штабе 3-го батальона 2-й Македонской бригады — лейтенант Советской Армии — И. В. Барсуков ⁵².

Характерным был постоянный численный рост всех подразделений в НОАЮ, состоявших из советских людей. Это объясняется, с одной стороны, увеличением количества советских людей, бежавших из фашистской неволи, а с другой стороны, постоянным сосредоточением и консолидацией в отдельных формированиях всех советских людей, сражавшихся в определенных районах или в воинских частях, где уже действовали «русские» подразделения.

Количественный состав «русских» батальонов, рот, взводов и отделений на протяжении всей войны изменялся и в среднем насчитывал соответственно: 150—280, 50—120, 20—50, 10—15 человек. В связи с постоянным увеличением числа советских людей в Югославии и сосредоточением их в самостоятельные формирования для «русских» подразделений был характерен процесс укрупнения: отделения разворачивались во взводы; взводы — в роты; роты — в батальоны. Так, исходной ячейкой самого крупного «русского» соединения в НОАЮ — 1-й «русской» ударной бригады, на-

⁴⁷ Архив Института военной истории МО СССР.

⁴⁸ «Zbornik dokumenata i podataka...», t. 6, knj. 12, 1966, s. 89.

⁴⁹ По материалам, присланным в Институт военной истории бывшим командиром «русской» роты 3-й Словенской бригады Д. А. Акимовым.

⁵⁰ Н. Т о м и ћ. Пера Рус — сремски партизан. «Комунист», 1971, № 721.

⁵¹ «Zbornik dokumenata i podataka...», t. 5, knj. 33, 1964, s. 188.

⁵² «Zbornik dokumenata i podataka...», t. 7, knj. 3, 1954, s. 249.

считывавшей до 600 человек ⁵³, явилось отделение из советских бойцов, созданное в 1943 г. в Словении.

На базе «русских» взводов, насчитывавших по 40 человек каждый, в 13-й Пролетарской народно-освободительной бригаде, 3-й Словенской бригаде «Иван Градник», в Ибарском и Посавском партизанских отрядах были созданы «русские» роты по 75—80 бойцов ⁵⁴. «Русская» рота Осиекской бригады была развернута в батальон, насчитывавший в августе 1944 г. — 167, в ноябре — 244, а в декабре — 343 бойца ⁵⁵. Из 170 советских бойцов состоял батальон в 5-й Македонской бригаде, основой для которого послужила рота в 30 человек ⁵⁶, перешедшая из 13-й бригады ЭЛАС (Греция).

Среди личного состава формирований из советских людей в НОАЮ около 65% были воинами Советской Армии, а остальные — гражданскими лицами, угнанными оккупантами с временно захваченной территории СССР на принудительные работы ⁵⁷.

Так, в составе 1-й «русской» ударной бригады 13% бойцов были офицерами, 22 — сержантами и старшинами, 40% — рядовыми Советской Армии. 25% бригады составляли угнанные на принудительные работы гражданские лица ⁵⁸. Почти 80% личного состава «русских» формирований 5-й Македонской бригады ⁵⁹, 3-й Словенской бригады «Иван Градник» ⁶⁰, 7-й Воеводинской бригады ⁶¹ составляли воины Советской Армии.

Они передавали свой боевой опыт еще не участвовавшим в боях советским людям, оказывали помощь в овладении боевым мастерством своим югославским товарищам.

Многие советские бойцы в НОАЮ были коммунистами и комсомольцами. Их деятельность служила образцом выполнения воинского долга, примером высокой сознательности и стойкости. Так, М. Апостолски в своих воспоминаниях о «русской» роте в 1-й Македонско-Косовской бригаде пишет: «Как командующий НОА и ПО Македонии, я совершил смотр русской роты... Беседуя с командирами и бойцами, я убедился в их высокой боевой готовности. Большинство бойцов роты были красноармейцами, некоторые — коммунистами и комсомольцами» ⁶².

В «русских» подразделениях сражалось много молодежи, в том числе и подростки 14—16 лет, угнанные гитлеровцами с оккупированных территорий Советского Союза и бежавшие из лагерей принудительного труда. Так, в 1-й «русской» ударной бригаде почти половину бойцов составляла молодежь комсомольского возраста. Примерно таким же был возрастной состав «русских» формирований в 7-й Воеводинской, 14-й Сербской бригадах, в Пожаревацком, Посавском партизанских отрядах и во многих других частях НОАЮ.

⁵³ Подсчитано по материалам и документам, переданным в Институт военной истории МО СССР бывшим пропагандистом 1-й «русской» ударной бригады Г. А. Жилевым.

⁵⁴ «Trinaesta proleterska u narodnooslobodilačkoj borbi», s. 304—308; «Zbornik dokumenata i podataka...», t. 1, knj. 19, s. 683.

⁵⁵ «Zbornik dokumenata i podataka...», t. 5, knj. 31, 1964, s. 12—13; Ibid., knj. 36, 1968, s. 13.

⁵⁶ И. В. Барсуков. Русская рота. В сб. О чем не говорилось в сводках. М., Политиздат, 1962, стр. 238.

⁵⁷ Подсчитано автором по спискам личных составов «русских» формирований.

⁵⁸ Подсчеты произведены на основании материалов и документов Г. А. Жилева.

⁵⁹ Из материалов, переданных в Институт военной истории бывшим командиром «русского» батальона И. В. Барсуковым.

⁶⁰ S. P e t e l i n. Ibid., s. 82.

⁶¹ Архив МО СССР, ф. 68, оп. 17536, д. 2, л. 283.

⁶² Архив Института военной истории МО СССР.

В составе «русских» батальонов, рот были рабочие, колхозники, представители интеллигенции, студенты, учащиеся школ и ремесленных училищ. Среди них было немало женщин.

Многие «русские» формирования состояли только из советских людей, состав других был смешанным. Так, в 1-й «русской» ударной бригаде четыре батальона были смешанными, а два — полностью югославскими⁶³. «Русский» батальон в Осиекской бригаде имел две роты, укомплектованные советскими бойцами, а одну — югославскими. Две «русские» роты в 1-м и 2-м батальонах бригады «Франьо Огулинац Сельо»⁶⁴ и «русский» батальон 7-й Воеводинской бригады⁶⁵ также состояли в основном из советских граждан.

Все «русские» формирования в НОАЮ были многонациональными и даже интернациональными. В их рядах сражались представители более 30 народов Советского Союза, всех народов Югославии и девяти народов других стран⁶⁶. Только в рядах 1-й «русской» ударной бригады были представители 26 национальностей СССР — 190 русских, 70 казахов, 60 украинцев, 50 азербайджанцев, 15 белорусов, 25 узбеков, 10 туркмен, 5 киргизов, 7 таджиков и др. В составе бригады действовали словенцы, сербы, поляки, румыны, чехи, австриец и англичанин⁶⁷. Представителей 10 народов Советского Союза и трех народов Югославии объединил в своем составе «русский» (1-й) батальон 5-й Македонской бригады⁶⁸.

Приведенные данные о численности и составе «русских» формирований НОАЮ показывают, что участие советских людей в освободительной борьбе народов Югославии — одна из активных форм советско-югославского боевого содружества в борьбе с фашизмом в годы второй мировой войны.

Это содружество, скрепленное совместно пролитой кровью в борьбе против общего врага, является незыблемым фундаментом дружбы двух братских народов, идущих ныне по пути строительства новой жизни.

⁶³ М. И. Семиряга. Там же, стр. 126.

⁶⁴ V. Valjan. Ibid, s. 166.

⁶⁵ Архив МО СССР, ф. 68, оп. 17536, д. 2, л. 283.

⁶⁶ Подсчитано автором.

⁶⁷ Подсчеты произведены на основании материалов и документов Г. А. Жилиева.

⁶⁸ Из материалов И. В. Барсукова.

ИССЛЕДОВАНИЕ В. И. ПИЧЕТОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ 1557 ГОДА

Почетное место в советской исторической науке принадлежит академику В. И. Пичете. Обладая большим талантом, блестящей научной эрудицией, В. И. Пичета создал десятки научных работ, посвященных различным проблемам исторического развития России и Украины, Белоруссии и Литвы, Польши и Чехии. Список опубликованных им научных работ включает около 500 названий. Но главной темой его исследований всегда оставалась история социально-экономического развития Великого княжества Литовского, точнее Белоруссии и Литвы. Первостепенное внимание в этой проблеме В. И. Пичета уделял аграрным отношениям в XVI—XVII вв. В данной статье мы остановимся на освещении В. И. Пичетой аграрной реформы 1557 г. Этому вопросу он посвятил ряд работ.

В 1910 г. в книге «Русская история в очерках и статьях» (том второй) В. И. Пичета опубликовал статью «Литовско-Русское государство», где он впервые дал характеристику аграрной реформы 1557 г. В феврале 1917 г. в книге «Сборник статей в честь М. К. Любавского» появилась работа В. И. Пичеты «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа и литовско-русская шляхта». В 1917—1918 гг. вышла в свет его двухтомная монография «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве». В русской исторической литературе нет другой монографии, где бы так подробно освещался этот вопрос. В той или иной степени аграрной реформы 1557 г. В. И. Пичета касался во многих работах: «Курс белоруссоведения» (М., 1918—1920); «История Литовского государства до Люблинской унии» (Вильно, 1924); «Введение в русскую историю» (М., 1922).

В 1922—1925 гг. В. И. Пичета выступил с шестью интересными статьями, связанными с аграрной реформой 1557 г.: «Проверка прав на землю во владениях королевы Боны» («Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову», Пг., 1922); «Волочная устава королевы Боны и Устава на волоки» (Труды Белорусского гос. университета в Минске, 1922, № 1; глава из задуманного третьего тома работы «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве»); «Наказ старостам и державцам и волочная устава» (Труды Белорусского гос. университета в Минске, 1922, № 2—3); «Состав паселения в господарских дворах и волостях западной части Белоруссии в пореформенную эпоху» (Труды Белорусского гос. университета, 1923, т. 4—5; 1925, т. 6—7); «Эпоха городского хозяйства в Белоруссии» («Полымя», 1925, № 6); «Литовско-Русское государство» (Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат, 1925, т. 27). Большое внимание этой проблеме В. И. Пичета уделил в таких трудах, как «История Белоруссии», часть первая, М.—Л., Госиздат, 1924; «Господарские (великокняжеские) дворы в западных волостях Белоруссии после реформы Сигизмунда-Августа» (Гістарычна архео-

лёгичны зборнік, № 1, Минск, 1927); «История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии», ч. 1 (до конца XVI в.) (Минск, 1927); «Крестьяне тяглые во второй половине XVI в. в Великом княжестве Литовском» (в юбилейном сборнике, посвященном академику М. С. Грушевскому, Киев, 1928); «Юридическое положение сельского населения на частновладельческих землях ко времени издания Литовского статута 1529 г.» («Записки Аддзелу гуманітарных навук Інстытуту Беларускай культуры», кн. 3, т. II, Минск, 1928, кн. 8, т. IV, 1929).

В 1928 г. во время «Недели русских историков», организованной в Берлине Немецким обществом по изучению Восточной Европы, В. И. Пичета прочитал доклад на тему «Аграрные реформы в восточных областях Литовско-Русского государства во второй половине XVI в. и в начале XVII в.» Этот доклад был впервые напечатан на немецком языке в 1929 г. и только значительно позже переведен на русский язык.

В 30—40-е годы В. И. Пичета участвовал в написании учебников по истории СССР. В разделах, посвященных Великому княжеству Литовскому, он подробно рассматривает аграрную реформу 1557 г.: «Великое княжество Литовское в XIII—XVI веках» в учебнике «История СССР», т. I. С древнейших времен до конца XVIII в. (для исторических факультетов). Под ред. акад. Б. Д. Грекова и других. М., 1939; «Великое княжество Литовское в конце XIV—XVI веках» (до Люблинской унии 1569 г.) в учебнике «История СССР», т. I. Под ред. В. И. Пичеты (для неисторических факультетов), М., 1941; «Великое княжество Литовское в XIII—XVI веках» в учебнике «История СССР» (для исторических факультетов), изд. 2-е, т. I, М., 1947.

В этот же период появляются его статьи: «Труды Ю. В. Готье по истории Литвы, Белоруссии, Украины и славянских народов» (1945 г.); «Институт холопства в Великом княжестве Литовском» («Исторические записки», т. XX, 1946); рецензия на статьи Д. Л. Похилевича «От Торунского статута к Уставе на волоки» и «О реакционном характере аграрной реформы Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве».

В журнале «Вопросы истории» № 8 за 1947 г. опубликовано сообщение об обсуждении книги академика Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.». Во время обсуждения В. И. Пичета высказал интересную мысль о роли внутреннего рынка, которую он доказывал на польском материале.

В 1951 г., через четыре года после смерти В. И. Пичеты в IV томе «Ученых записок Института славяноведения» была напечатана его статья «Феодальное поместье в XV—XVI веках в Великом княжестве Литовском», где рассматриваются вопросы, непосредственно связанные с аграрной реформой 1557 г.

Таким образом, В. И. Пичета посвятил исследованию аграрной реформы около 40 лет. Следует отметить, что трактовка им аграрной реформы 1557 г. и отдельных ее сторон претерпела определенные изменения. Последнее объясняется рядом обстоятельств, которые мы попытаемся рассмотреть в настоящей статье.

При освещении аграрной реформы 1557 г. В. И. Пичета использовал множество источников. Наиболее значительным среди них была Литовская Метрика, где в шестой книге «Публичных дел» находится главный документ, на который опирается В. И. Пичета — «Устава на волоки» великого князя литовского Сигизмунда-Августа, датированная 1 апреля 1557 г.

Другим важным и еще более полным источником, на котором построены исследования В. И. Пичеты, являются «Писцовые книги» и «Ревизии», содержащие подробное описание проведения реформы, в том числе земле-

устроительных работ и кадастра в крупнейших государственных поместьях Белоруссии, Литвы и Украины.

Из других источников, которыми пользовался В. И. Пичета, следует назвать «Люстрации», «Ординации» и «Инвентари» поместий как государственных, так и частных лиц, налоговые универсалы.

Кроме того, В. И. Пичета использовал решения сеймов 1507, 1522, 1529, 1534, 1540, 1542, 1547, 1551, 1554, 1563, 1565, 1566, 1568 гг., привилеи 1387, 1432, 1440, 1447, 1506, 1511 гг., уставную королевскую грамоту Могилеву от 20 февраля 1561 г., Свислоцкой волости от 19 июля 1540 г., сохранившиеся отрывки Бобруйской устави 1639 г., льготную грамоту, данную русским волостям в октябре 1511 г. и т. д.

В. И. Пичета тщательно ознакомился также с сотнями челобитных, жалоб и просьб представителей шляхты, мещанства, крестьянства, духовенства и других категорий населения господарю, вызванных проведением «Уставы на волоки».

Первая исследовательская попытка В. И. Пичеты в данном вопросе относится к тому периоду, когда сам исследователь находился на позициях так называемой государственно-юридической школы. Принципы этого направления определили взгляды В. И. Пичеты на причины и сущность реформы. Вот почему исходной точкой в объяснении причин, вызвавших реформу, В. И. Пичета считает в своей статье «Литовско-Русское государство» (1910 г.) потребности и нужды скарба. Вместе с тем, он ищет причину реформы в рыночной ситуации. По его мнению, возросший в середине XVI в. в Западной Европе спрос на сельскохозяйственные продукты явился побудительным мотивом для аграрных преобразований в Великом княжестве Литовском.

В монографии «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа и литовско-русская шляхта» В. И. Пичета объясняет проведение реформы обострением политических противоречий с Московским государством. Последнее обстоятельство особенно остро поставило вопрос о расширении доходов казны, необходимых для покрытия военных расходов.

В. И. Пичета подчеркивает, что затруднительное внешнее положение весьма тяжело отражалось на фондах господарского скарба. С его (В. И. Пичеты) точки зрения экономические преобразования внутри страны были вызваны *внешнеполитическими отношениями с Московским государством. Внутренним же причинам* В. И. Пичета в то время уделял немного внимания (курсив мой. — Э. И.).

В своей монографии «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» В. И. Пичета пришел к выводу, что после неудачной попытки увеличить доходность господарских дворов и волостей при условии неприкосновенности старой системы хозяйства и прежнего земельного строя, правительство задумало грандиозную аграрную реформу, осуществление которой было вполне возможным, так как на внешнем рынке создавались весьма благоприятные условия для экспорта сырья из Литовско-Русского государства¹.

В монографии В. И. Пичеты дана характеристика устав первой половины XVI в. (1514 г., 1529 г. и «Наказа» 1547 г.). Он писал, что в «Наказе» 1547 г. все ведение хозяйства носит ярко выраженный централизованный характер. Недостатки и отставание данного «Наказа» от требований жизни определили необходимость реформы аграрного строя и изменения повинностных отношений населения к господарскому скарбу.

¹ В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958, стр. 35.

В трудах В. И. Пичеты середины 20-х годов XX в. чувствуется влияние школы экономического материализма, с которой он был знаком еще до революции. В книге «История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии» В. И. Пичета писал, что хозяйственные уставы первой половины XVI в. были рассчитаны не столько на то, чтобы дать дворовому хозяйству новую организацию, сколько на то, чтобы поставить хозяйство под контроль правительства и, путем указаний из центра и учета рабочей силы в имениях, поднять производительность дворового хозяйства. Развивавшийся торговый капитал, постепенно проникавший вглубь территории Великого княжества Литовского и начинавший ставить в экономическую от себя зависимость даже отдаленные области, настоятельно требовал реорганизации всего сельского хозяйства. Интересы торгового капитала, по мнению В. И. Пичеты, требовали организации хозяйства на совершенно новых началах, что послужило одной из причин аграрной реформы 1557 г. Среди факторов, обусловивших необходимость реформы, В. И. Пичета называл и ослабление великокняжеской власти и усиление самовластья феодалов².

Во втором издании учебника «История СССР» В. И. Пичета дает уже более полный перечень причин, вызвавших реформу. Он отметил, что рост внутреннего рынка и развитие торговых отношений с Западом увеличили спрос на литовское сельскохозяйственное сырье, что в свою очередь потребовало перестройки сельского хозяйства.

Интересно вспомнить, что М. К. Любавский выдвигал в качестве единственной важной причины проведения аграрной реформы стремление к поднятию доходности господарских имений. М. В. Довнар-Запольский рассматривал реформу лишь как налоговое мероприятие и даже пытался представить ее как стремление господаря защитить крестьян от злоупотреблений своей поместной администрации.

В. И. Пичета в своих научных работах указывает на следующие причины аграрной реформы 1557 г.³:

- 1) неэффективность мер по эксплуатации поместья, проводимых правительством в западных областях в первой трети XVI в.;
- 2) развитие внешнеполитических противоречий и рост в связи с этим военных расходов;
- 3) тяжелое финансовое положение скарба;
- 4) рост спроса на сельскохозяйственное сырье в странах Западной Европы;
- 5) положительный результат землеустроительной политики королевы Боны;
- 6) ослабление великокняжеской власти и усиление самовластья феодалов;
- 7) рост внутреннего рынка.

В. И. Пичета таким образом дал самую полную оценку причин аграрной реформы в нашей историографии.

Важно подчеркнуть, что В. И. Пичета стремился акцентировать внимание на значении для аграрной реформы 1557 г. процесса роста внутреннего рынка. В этом нашел отражение отход В. И. Пичеты от государственно-юридической школы, преодоление влияния школы М. Н. Покровского и возрастающее значение для всего его исследовательского творчества марксистско-ленинской методологии.

² «История Белоруссии в советской историографии». В кн. «Двадцать пять лет исторической науки в СССР». Изд. АН СССР, М.—Л., 1942.

³ Причины реформы, сформулированные В. И. Пичетой, перечислены здесь в той последовательности, с которой они сформулированы в различных по времени изданиях работ автора.

В 1910 г. В. И. Пичета писал: «Сущность реформы заключалась в более точном определении размеров крестьянских участков, равномерном их распределении между крестьянами, при условии фиксации платежей и повинностей»⁴.

Значительно шире вопрос о сущности реформы рассматривается им в двухтомной монографии «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве». Здесь он характеризует Уставу на волоки — с одной стороны, как экономический трактат, с другой — как практическое хозяйственное руководство. В. И. Пичета ушел далеко вперед по сравнению со своими предшественниками в оценке сущности реформы, высказав мысль, что аграрная реформа — это попытка введения трехпольного севооборота, принудительная интенсификация сельского хозяйства, предпринятая правительством с полным учетом всех экономических выгод, из нее вытекающих. Но воспользовалась этим шляхта, а не правительство, постепенно растерявшее государственный земельный фонд. Вследствие этого и шляхетское хозяйство становится предпринимательским, втягивается в круговорот западноевропейских торговых отношений.

Через 10 лет В. И. Пичета в книге «История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии» подчеркивал, что аграрная реформа сводилась к повсеместному введению новой земельной единицы — волоки, точной фиксации денежных поступлений за повинности и платы, которую сельское население было обязано уплачивать в господарский скарб, точному учету рабочей силы и рациональной ее эксплуатации, распространению фольварочного хозяйства там, где для этого имелись благоприятные природные и хозяйственные возможности. Осуществление всех этих мероприятий должно было привести к поднятию доходности господарских имений.

В 1928 г., выступая на конференции историков в Берлине, В. И. Пичета отметил, что аграрная реформа второй половины XVI в. целиком отвечала требованиям экономической жизни.

В 1941 г. в учебнике «История СССР» В. И. Пичета писал, что новая землеустроительная политика прикрепила к земле великокняжеских крестьян. Челядь «невольная» была посажена на земельные участки. Инициатива организации барщинно-крепостного хозяйства на новых началах принадлежала крупному землевладельцу — великому князю, примеру которого следовали и частные землевладельцы. В этом же учебнике В. И. Пичета указывал, что волочное измерение было проведено в западных районах барщинно-крепостного хозяйства. Восточная Белоруссия не была им затронута; здесь в господарских волостях ограничили пока заменой натуральных повинностей денежным оброком.

В статье «Институт холопства в Великом княжестве Литовском в XV—XVI вв.» В. И. Пичета подчеркивал, что хозяйственные мероприятия сначала вводились в великокняжеских дворах Западной Белоруссии и Литвы, поскольку западная часть Великого княжества Литовского была уже крепкими нитями связана с западноевропейскими рынками, предъявлявшими наибольший спрос на сельскохозяйственные продукты феодального поместья.

По словам В. И. Пичеты, «феодалы в результате аграрной реформы, преследуя предпринимательские цели, принимали меры к организации своего поместного хозяйства на барщинно-крепостном труде»⁵.

По вопросу о социально-экономической сущности реформы 1557 г. возникла полемика между В. И. Пичетой и Д. Л. Похилевичем.

⁴ «Русская история в очерках и статьях», т. II. М., 1910, стр. 408.

⁵ «Исторические записки», т. 20, 1946, стр. 58.

В своей монографии В. И. Пичета писал, что аграрная реформа была встречена литовско-русской шляхтой в высшей степени враждебно, так как она задевала ее материальные интересы. Ту же мысль высказал он и в «Истории сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии».

В 1946 г. в рецензии на статью Д. Л. Похилевича «О реакционном характере аграрной реформы Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» В. И. Пичета повторяет эту мысль, отмечая, что «автор не понял сущности „Уставы на волоки“. Он рассматривает „Уставу“ как победу шляхты, тогда как в действительности она была направлена против шляхты, так как сопровождалась редукцией — возвращением земель, захваченных шляхтой.

... Землеустроительная политика Сигизмунда-Августа была неизбежной в тогдашних экономических условиях и отвечала классовым интересам землевладельцев»⁶ (курсив мой. — Э. И.).

Замечания В. И. Пичеты были оспорены Д. Л. Похилевичем, который в статье «Землеустройство и поземельный кадастр в Белоруссии, Литве и Украине в XVI—XVII веках» писал: «... ошибка В. И. Пичеты состоит в трактовке реформы как антишляхетской, а не антикрестьянской».

Реформа резко отделила шляхетское сословие от крестьянской верхушки, некоторые элементы которой стремились пользоваться шляхетскими привилегиями. Тем самым реформа способствовала конституированию шляхетского сословия, что, безусловно, было ему только на пользу.

Однако реформа была шляхетской не только по своим результатам, но и по своему внутреннему содержанию. Расширяя фольварочное хозяйство на барщинном труде, господа облегчили шляхте наступление на крестьянство, поддержал ее хозяйственную линию.

Реформа усилила закрепощение крестьянства, его обезземеливание, отягощение повинностями и платежами, чем весьма способствовала усилению крепостнического режима в целом и в шляхетских имениях — в частности, способствовала наступлению шляхты на крестьянство.

Эту сторону реформы признавал и В. И. Пичета. Он писал, что реформа «отвечала классовым интересам землевладельцев, т. е. шляхты», а раз так, то она не была антишляхетской⁷ (курсив мой. — Э. И.).

Д. Л. Похилевич совершенно верно подметил формальное противоречие в высказываниях В. И. Пичеты о сущности реформы. Последний фактически признавал, что аграрная реформа 1557 г. проводилась в общем в интересах господствующего класса землевладельцев, а это значит, шляхты, что не исключает того, что она могла задевать частные интересы отдельных групп шляхты. Кстати сказать, Д. Л. Похилевич напрасно не подчеркнул мысль В. И. Пичеты, высказанную им еще в 1945 г. в статье «Труды Ю. В. Готье по истории Литвы, Белоруссии, Украины и славянских народов», что земельная реформа XVI в. носила феодально-крепостнический характер. Правда, сам В. И. Пичета упустил из виду это свое положение, когда полемизировал с Д. Л. Похилевичем.

Исследуя аграрные отношения в XVI в., В. И. Пичета заинтересовался вопросом о судьбах феодального поместья в Белоруссии и Литве. Первая попытка охарактеризовать черты феодального поместья относится к 1927—1928 гг. В статьях, написанных в эти годы, В. И. Пичета констатирует возникновение на великокняжеских землях в итоге аграрной реформы 1557 г. фольварков и устанавливает принципы их социальной и экономической организации. Под социальной организацией он подразумевал осуществле-

⁶ «Вопросы истории», 1946, № 10, стр. 122.

⁷ «Материалы по истории земледелия в СССР», Изд-во АН СССР, 1952, стр. 343—344.

ние всех работ в поместье феодально-зависимым крестьянством; под экономической — создание фольварка как хозяйства, охватывающего все виды сельскохозяйственного производства в то время, применение трехпольной системы, реализация произведенного в фольварке зерна главным образом на внешнем рынке и незначительный удельный вес товарности остальных сельскохозяйственных продуктов, производившихся в поместье.

Более обстоятельно проблема феодального поместья рассматривается в статьях «Институт холопства в Великом княжестве Литовском» и «Феодальное поместье в XV—XVI вв. в Великом княжестве Литовском». В первой из этих статей В. И. Пичета отмечает, что процесс складывания феодального поместья в Великом княжестве Литовском относится к концу XV в. и он заметно продвинулся вперед уже в самом начале XVI в., о чем свидетельствует, по его мнению, устава 1514 г. Уже это аграрное мероприятие было направлено к укреплению барщинно-крепостнического хозяйства и способствовало массовому закреплению крестьянского населения в пределах великокняжеских владений. Последующие уставы первой половины XVI в. преследовали те цели, которые нашли наиболее полное выражение в самой аграрной реформе 1557 г. В. И. Пичета подчеркивает, что в первой четверти XVI в. в положении челяди невольной при господарских дворах намечались серьезные изменения. Феодальное поместье втягивалось в рыночные отношения, и великий князь был заинтересован в поднятии производительности и доходности своего феодального поместья. Он отмечает, что во второй половине XVI в. феодальное поместье было связано с внутренним и внешним рынком, что аграрная реформа 1557 г. явилась важным этапом в развитии феодального поместья. Великокняжеское и частновладельческое хозяйства перестраивались по принципам землеустроительной политики Сигизмунда-Августа.

Феодальное поместье должно было стать главным предметом исследования в статье «Феодальное поместье в XV—XVI веках в Великом княжестве Литовском».

Как отмечает В. Д. Королюк, эту статью В. И. Пичета задумал как часть большой монографии «Феодальное поместье в XV—XVI веках в Великом княжестве Литовском», над которой он работал в 1947 г., последние месяцы своей жизни. Работа эта вместе с тем должна была явиться продолжением двухтомной монографии «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве». К сожалению, задуманная работа не была закончена. Ее опубликованная часть представляет собой фрагмент, в котором рассматриваются вопросы, подводившие автора к освещению главной темы. Поэтому трудно выяснить на основе этого фрагмента, как намерен был решать В. И. Пичета всю проблему феодального поместья.

Из опубликованного текста ясно видно, что само развитие феодального поместья В. И. Пичета ставит в прямую связь не только и даже не столько с состоянием внешнего рынка, сколько с развитием внутреннего рынка. Подчеркивая этот исходный принцип, В. И. Пичета писал: «Изучение землеустроительной политики Сигизмунда-Августа ставит перед исследователем вопрос о том, что же собой представляло феодальное поместье в Великом княжестве Литовском в период, предшествовавший аграрной реформе... Развитие феодального поместья в XV—XVI вв. объяснялось главным образом в связи с ростом емкости внешнего рынка, что в методологическом отношении было явно ошибочным, поскольку не был учтен внутренний рынок... Это пренебрежение внутренним рынком препятствовало правильному пониманию развития феодального поместья и организации в нем рабочей силы.

В период феодальной раздробленности в Великом княжестве Литовском естественно не мог образоваться „вселитовский рынок“, формирование ко-

торого можно относить ко второй половине XVI в. Наличие местных рынков определяло развитие и организацию феодального поместья. В период феодальной раздробленности экономическое развитие Великого княжества Литовского было не одинаковым в отдельных частях его территории. Западная часть его была более развитой по сравнению с восточной, и это необходимо учитывать при изучении феодального поместья и его организации. Только в первой четверти XVII в. начинается перестройка феодального поместья в восточных областях Великого княжества в сторону сближения его организации с феодальным поместьем западных областей»⁸.

В. И. Пичета отмечает необходимость изучения организации феодального поместья в тесной связи с общим экономическим и социально-политическим развитием страны. Он указывает, что экономическое и политическое усиление крупной земельной прослойки класса феодалов, державшей в своих руках все нити управления Великим княжеством Литовским, объясняется развитием феодального поместья, ростом его торговых связей с внутренним и внешним рынками.

В разделе «Великое княжество Литовское в XIII—XVI веках» В. И. Пичета рассматривает развитие феодального поместья. Он пишет, что в «Уставе на волоки» давались указания относительно организации фольварочного хозяйства на новых началах. Фольварочное хозяйство в условиях феодальной эпохи могло быть организовано только на базе крепостного права. Вся земля того или другого господарского двора измерялась и разделялась на одинаковые земельные участки — волоки в трех полях, величиной в 19—20 гектаров. Часть волок отводилась под господарский фольварк, а остальные распределялись между отдельными крестьянскими дворами⁹.

В своих исследованиях о влиянии аграрной реформы на развитие феодального поместья В. И. Пичета опирался, главным образом, на труды М. К. Любавского, М. В. Довнар-Запольского, Н. А. Максимейко, В. И. Леонтовича, В. Ф. Владимирского-Буданова. Но работы В. И. Пичеты выгодно отличаются от работ его предшественников и современников обилием новых фактов, источников и качественно новыми выводами и положениями. Кроме того, принципиально важно отметить, что В. И. Пичета по-новому подходил ко всей проблеме, пытался ее решить с позиции марксистско-ленинского понимания феодального способа производства.

В отличие от всех историков, исследовавших до него аграрную реформу 1557 г., В. И. Пичета уделил огромное внимание положению крестьянских масс накануне и после реформы. Уже в своей первой работе, написанной в 1910 г., В. И. Пичета отмечал, что введение устава сопровождалось бегством крестьян, не желавших примириться с новыми аграрными отношениями. Волочная помера не прикрепила крестьянина к земле; и теперь он мог уйти, посадив на свое место другое лицо; но фактически это было невозможно, так что количество «вольных» все более и более сокращалось. Крестьянин оставался на своем участке, полностью находясь под опекой администрации. «Последняя же блюла не только интересы фиска, но и свои собственные. Благодаря этому экономическое положение крестьянства только ухудшалось, а свобода ухода сменилась крепостной неволей»¹⁰ (курсив мой.— Э. И.).

В 1917 г. в своей монографии «Аграрная реформа...» В. И. Пичета подчеркивал, что аграрная реформа тяжело ударила по крестьянину, лишила его старинных форм землепользования и землевладения. Захват угодий и

⁸ «Феодальное поместье XV—XVI веков», стр. 244.

⁹ Эти мысли развиты им и во втором издании учебника. См. «История СССР», т. I, М., 1939, стр. 277; «История СССР» т. I, М., 1941, стр. 129.

¹⁰ «Русская история в очерках и статьях», стр. 409.

земли шляхтой изменил и юридическое и экономическое положение подданных. Он привел к резкому ухудшению материального и правового положения крестьянских масс. Особенно заметным этот процесс становится в конце XVI и начале XVII в., когда основная масса крестьян превратилась в крепостных.

Оценивая результаты аграрной реформы для крестьянства, В. И. Пичета в «Истории Белоруссии» писал, что реформа способствовала слиянию рабов и свободных крестьян в одном крепостном состоянии.

В своей «Истории сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии» В. И. Пичета характеризует реформу как средство феодального наступления на крестьянство. Устава на волюки требует полного учета всей рабочей силы для рационального ее хозяйственного использования в интересах поместья. Вместе с тем аграрные мероприятия ударили по крестьянскому самоуправлению. Оно было по существу ликвидировано и заменено властью великокняжеской администрации и местных феодалов. В описании Бобруйского староства, составленном в 30-х годах XVII столетия, имеются указания на какие-то бунты тамошнего крестьянства. По мнению В. И. Пичеты, эти волнения возникали на почве аграрных мероприятий правительства (стр. 167—168).

В 1928 г. в докладе, прочитанном во время «Недели русских историков», организованном в Берлине Немецким обществом по изучению Восточной Европы, В. И. Пичета сказал: «Положение населения, несомненно, значительно ухудшилось как в отношении общей суммы платежей, так и в отношении размера тягла. В конце XVI века возросло как то, так и другое ... В отдельных поместьях в конце XVI века крестьяне должны были отрабатывать барщину по 3 дня в неделю. Если аграрные преобразования частично предусматривали повышение доходности фольварочного хозяйства, то это достигалось за счет эксплуатации сельского населения»¹¹. В. И. Пичета доказывает, что аграрная реформа постепенно уничтожила общину, была начальным пунктом в обезземеливании крестьян, устанавливала для части крестьян барщину и вводила чинш и что, несомненно, она ухудшила положение крестьян¹².

В 1939 г. в учебнике «История СССР», В. И. Пичета дает марксистско-ленинскую характеристику положения крестьянских масс в результате аграрной реформы 1557 г. Он пишет, что фольварочное хозяйство в условиях феодальной эпохи могло быть организовано только на базе крепостного права. Реформа изменяла экономическое и юридическое положение крестьянства и уничтожала сельскую общину. Челядь невольно осаживалась на земельных участках и сливалась с остальным крестьянством. Крестьяне потеряли право распоряжаться своими земельными участками и оставлять свой участок без согласия управляющего имением или державцы. Волочная помера повлекла за собой обнищание сельского господарского населения. Введение волочной померы сопровождалось выступлениями со стороны крестьян, не желавших отдавать свои земли и разорять свое хозяйство. Крестьянское хозяйство, сохраняя свой натуральный характер, подрывалось необходимостью выбрасывать на рынок значительную часть своей сельскохозяйственной продукции для уплаты чинша и опутывалось все более жестокой феодально-крепостнической системой эксплуатации.

В учебнике «История СССР» (для неисторических факультетов), вышедшем в 1941 г. под редакцией В. И. Пичеты, помещен написанный им же раздел. Здесь автор обращает внимание на то, что размеры наделов

¹¹ В. И. П и ч е т а. Белоруссия и Литва в XV—XVI вв. Изд-во АН СССР, 1961, стр. 122—124.

¹² «Вопросы истории», 1946, № 10, стр. 122.

частновладельческого крестьянства были ниже, чем великокняжеского, но повинности выше.

Много внимания уделяет В. И. Пичета положению «челяди невольной». Так, в статье «Институт холопства в Великом княжестве Литовском в XV—XVI вв.» он указывает, что частновладельческое хозяйство также перестраивалось по принципам землеустроительной политики Сигизмунда-Августа. Организация барщинно-крепостного хозяйства требовала увеличения барщинного труда. Осаживание челяди невольной становилось неизбежным и приводило к слиянию челяди невольной с крепостным населением. Так окончательно сформировалось единое крепостное сословие.

Исследование В. И. Пичетой аграрной реформы 1557 г. получило высокую оценку у советских и зарубежных историков, на страницах периодических изданий.

Рекомендуя профессора В. И. Пичету на кафедру истории Белорусского университета, В. П. Волгин писал в 1921 г.: «Диссертация Владимира Ивановича Пичеты „Аграрная реформа Сигизмунда-Августа“ одна может служить достаточным основанием для признания его прав на занятие кафедры истории...»¹³.

Характеризуя многочисленные работы В. И. Пичеты по истории Литвы и Белоруссии, связанные с аграрной реформой 1557 г., которые появились в 1920-х годах, выдающийся советский историк академик Б. Д. Греков писал, что, в отличие от своих предшественников, он понял феодализм как систему производственных отношений, в его работах вся проблема поставлена по-новому и сделан большой шаг вперед по пути ее разрешения¹⁴.

Высоко оценили работы В. И. Пичеты по аграрной реформе 1557 г. и другие советские историки — С. В. Бахрушин, Д. Л. Похилевич¹⁵.

Двухтомная монография В. И. Пичеты нашла достойную оценку в коллективных трудах советских историков. В одном из этих обобщающих трудов, говорится, что работа В. И. Пичеты «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» выгодно отличается от работ историков государственно-юридической школы тем, что в ней в центре внимания стоит положение крестьян¹⁶.

Труды В. И. Пичеты высоко оценены и белорусскими советскими историками¹⁷.

Все исследования В. И. Пичеты построены на фундаментальной источниковедческой базе. Отличительной чертой решения В. И. Пичетой проблем аграрной реформы 1557 г. является углубление исследовательского поиска, преодоление ошибочных концепций и разработка всех ключевых вопросов с позиций марксистско-ленинской методологии. Именно поэтому исследование В. И. Пичетой аграрной реформы 1557 г. является значительным вкладом в советскую историческую науку.

¹³ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства БССР, ф. 205, оп. 3, ед. хр. 6335, л. 2.

¹⁴ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.—Л., 1946, стр. 430.

¹⁵ «Материалы по истории земледелия в СССР», сб. I, Изд-во АН СССР, М., 1952, стр. 383.

¹⁶ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II. Изд-во АН СССР, 1963, стр. 666.

¹⁷ З. Ю. Каныскі, А. М. Карпачоў, И. С. Краўчанка, І. Я. Марчанка, А. Г. Мітрафанаў. Беларускае гістарычнае навук. В кн. «Навука БССР за 50 год», Мінск, 1969, стар. 56.

«КНЯЗЬ» МАКИАВЕЛЛИ И «ОСМАН» ГУНДУЛИЧА

В числе великих борцов с феодализмом, представителей плеяды «титанов» эпохи Возрождения, Фридрих Энгельс называет имя Никколо Макиавелли (1469—1527), который был «государственным деятелем, историком, поэтом и, кроме того, первым достойным упоминания военным писателем нового времени»¹.

Личность необыкновенно сложная, Макиавелли дал повод и самым разноречивым толкам о себе. Его называли «диавольским сосудом преступлений», «писателем нечестивым и безбожным», между тем история признала в нем автора ряда ценных мыслей, связанных с теорией диктатуры и государства². С одной стороны, известно, что в 1559 г. папа Павел IV внес сочинения Макиавелли в индекс запрещенных книг и Тридентский собор в 1563 г. санкционировал этот запрет, считая, что для христианского чтения произведения Макиавелли неприличны; с другой — английский историк и литературный критик Маколей, например, утверждает, что мы «знаем не много сочинений, представляющих столько возвышенности чувства, такое чистое и горячее рвение к общественному благу»³, как сочинения Макиавелли, а А. С. Пушкин называл автора трактата «Князь» «бессмертным флорентинцем»⁴.

Конечно, нельзя было ожидать, чтобы защитники феодализма и феодально-католической реакции благосклонно относились к человеку, который был врагом феодального строя и сторонником политической свободы⁵. Едва ли мы вправе рассчитывать на одобрение жизненной позиции человека, писавшего: «Люблю свою родину больше, чем душу», со стороны тех, кто видел в этой родине только поприще для приложения своих честолюбивых страстей и корыстных стремлений. Макиавелли, разделивший с Боккаччо мысль о том, что «нет жертвы более угодной богу, чем кровь тирана», не мог ожидать благословения своим трудам от служителей светского или духовного престола. Разумеется, имя Макиавелли на протяжении столетий было ненавистно всем тем, которые, взбираясь на трон, должны были поневоле утруждать свои мозги подысканием соответствующих лживых лозунгов, чтобы обмануть собственные народы. В то же время «зоркий глаз автора „Коммунистического манифеста“ разглядел в рассуждениях и за-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, М., 1961, стр. 346.

² См. об этом статью В. Максимова в кн. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 4, М.—Л., 1929, стр. 332—351.

³ Маколей. Полн. собр. соч., т. I, СПб., 1865, стр. 52.

⁴ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. VII, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 514.

⁵ Об этом см. В. Максимовский. Идеи диктатуры у Макиавелли. «Историк марксист», т. XIII, М., 1929, стр. 59.

метках флорентинского секретаря зачатки теории классовой борьбы, свободное от всякого мистицизма и идеализма проникновение в сущность государства и борьбы за власть, великолепную реалистическую картину современных автору политических отношений»⁶.

Макиавелли был гуманистом, проявившим, в отличие от своих современников-гуманистов, глубокий интерес к человеку не только как к личности и некоему морально-этическому единству; для него человек в первую очередь был общественной единицей, «существом общежительным». В своих связях с человеческим коллективом индивидуум проявляет все свои внутренние потенции. Макиавелли строит целую цепь категорий проявления человеческой личности: индивидуум, коллектив; жизнь организованного коллектива и борьба общественных ассоциаций в нем; возникновение категории власти и личность властителя; государство во взаимодействии с другими государственными образованиями; война как форма этого взаимодействия⁷.

Теоретические воззрения Макиавелли формировались отнюдь не в отрыве от конкретно-исторических условий его эпохи. «Великий флорентинец» был человеком практического склада, озабоченным прежде всего судьбами своего родного города. Ему многое пришлось увидеть и испытать. Еще при его жизни начался заключительный этап борьбы за Флорентийскую республику, завершившийся победой монархии, этой «дрянной формы правления (*trista forma*)», как о ней говорил Макиавелли, «тирании, надменной и низкой, жестокой и слабой, изуверной и распутной» — по словам Маколея⁸.

Феодално-католическая реакция расширяла сферу своего воздействия. Орден иезуитов и реорганизованная в 1542 г. инквизиция, узаконенная в 1545—1563 гг. Тридентским собором, были главными средствами реакции. Очень быстро контрреформация распространилась на Южную Германию и Австрию. Из славянских стран в сферу ее влияния попали Польша и Далмация⁹.

Популярность Макиавелли увеличивалась. Особенно он был обязан ею своему трактату «Князь» («*Il Principe*»), увидевшему впервые свет в 1532 г., через пять лет после смерти автора. Издание было одобрено папой Климентом VII, но папское благословение простирало свою силу не далеко во времени: уже в 40-е годы имя Макиавелли стало объектом поношения.

Труды Макиавелли были известны и на адриатическом побережье Балканского полуострова. Их знал столетие спустя великий хорватский поэт, дубровчанин, автор знаменитой эпической поэмы «Осман» Иван Гундулич (1588—1638). Судя по содержанию поэмы, Гундулич читал трактат Макиавелли «Князь». Там, где поэт касался вопросов, связанных с государственностью и искусством управления, политикой, его мысли в ряде случаев перекликаются с мыслями автора «Князя». Разница в понимании этих вопросов была обусловлена главным образом тем, что Макиавелли — целиком фигура Ренессанса, а Гундулич уже испытал воздействие идей, методов и приемов контрреформации. Наша задача — выявить элементы сходства и различия в понимании концепции государственной власти в трактате «Князь» и в эпической поэме «Осман».

Макиавелли трактовал государство прежде всего как политический и военный аппарат, необходимый для отражения вражеских угроз, для

⁶ См. предисловие к кн. Никколо Макиавелли. Соч., т. I. М.—Л., 1934, стр. 13.

⁷ См. об этом в кн. Никколо Макиавелли. Соч., т. I, стр. 52.

⁸ Маколей. Там же, стр. 88.

⁹ См. об этом: Д. Е. Мухомович. Очерки по истории католической реакции (иезуиты), изд. 2, М., 1955, стр. 147—171.

осуществления завоеваний на внешней арене, а также для подавления внутренних недовольств политикой правителя, князя. Подобное представление у него сложилось в результате знания дел великих людей, приобретенного «долгим опытом дел нашего времени и постоянным чтением древних»¹⁰. В своих «Рассуждениях по поводу первой декады Тита Ливия», «Об искусстве войны» и «Истории Флоренции» Макиавелли создал проект свободного демократического государства, описал тот строй, который он желал бы видеть в Италии, а в трактате «Князь» разработал ряд вопросов политической стратегии: как должно быть организовано это государство, как захватить и удержать в нем власть, как отстоять государство от внешних врагов и внутренних феодальных сил. Напомним, что история Италии времен Макиавелли была насыщена войнами и переворотами. Ее общественная жизнь находилась в состоянии непрерывных потрясений¹¹. Италии постоянно угрожали иноземные захватчики.

Государство (*stato*), по Макиавелли, — это в первую очередь создание человеческого искусства, но отнюдь не какое-либо учреждение божественного, социального или естественного происхождения. Желанный порядок в стране обеспечивает республика, основанная не на формальной демократии, а на смешанной форме правления, совмещающей полномочия выборного князя, влияние знати и участие в государственных делах народа¹². Особую, отрицательную роль в государстве играет церковь, вносящая в него разлад и раздробленность. В «Рассуждениях» (*Discorsi*) говорится, что если в Италии отсутствует единство, то причиной этого является только католическая церковь¹³. Папство квалифицируется здесь как единственный источник униженного состояния и раздробленности этой страны. Известно, что в этом отношении у Макиавелли был предшественник — Джироламо Савонарола (1452—1498), требовавший преобразования римской церкви, вызвавший тем самым гнев папы Александра VI и погибший на костре.

Государство, по Макиавелли, как правило, создается из покоренных земель, приобретаемых «чужим или своим оружием, милостью судьбы или собственной силой»¹⁴. Завоеватель, желающий эти земли удержать, должен в первую очередь истребить род прежнего правителя. Коварство, преступность, эгоизм суть неперемennые качества сильного правителя, тактика и политика которого предопределена природой самого государства, как понимал ее Макиавелли.

Человек, ставший правителем страны вопреки народу и по милости знати, должен привлечь к себе симпатии народа, с каковой целью должен взять народ под свою защиту и объявить себя добрым отцом и попечителем его. Высказывая эти мысли, Макиавелли опровергает поговорку: «Кто народу верит, на болоте строит». С одной стороны, он считает, что «народ по природе своей непостоянен, легко убедить его в чем-нибудь, но трудно утвердить в этом убеждении», с другой — «цели у народа более правые, чем у знати. Она хочет угнетать, а народ — не быть угнетенным». Масса (*la moltitudine*) более умна и более постоянна, чем государь¹⁵. Автор трактата, очень тонко знавший хитросплетения государственной политики, напоминает правителю: оградить себя от враждебного народа нельзя, так как его слишком много; от знати же обезопасить свой трон легче, поскольку ее мало. Поэтому правителю остается политика «кнута и пряника»: он «волен

¹⁰ См. Никколо Макиавелли. Там же, стр. 211.

¹¹ См. В. Максимовский. Идеи диктатуры у Макиавелли, стр. 57—58.

¹² «Discorsi», l. 1, cap. II.

¹³ Ibid., l. 1, cap. XII.

¹⁴ Никколо Макиавелли. Там же, стр. 213.

¹⁵ «Discorsi», l. 1, cap. LVIII.

каждый день жаловать и лишать знатности, возвышать или низводить... как ему угодно»¹⁶. Причем, возвышая «сильных мира» в виде компенсации за нанесенный им ущерб, князь должен помнить, что «сильные мира ради давних услуг» едва ли забудут старые обиды. Поэтому их следует постоянно опасаться, а лучше — просто истреблять их.

Не следует князю увлекаться переменами и новшествами в политике: «За давностью и непрерывностью господства исчезает даже воспоминание о бывших когда-то переворотах и об их причинах; всякая же перемена, раз происшедшая, всегда и неизбежно влечет за собой другую».

Правитель должен ограждать свой трон стеною войск и страха. Более надежны отечественные войска, «без собственных войск ни одно княжество не находится в безопасности», ибо «наемные и вспомогательные бесполезны и опасны». «Войска эти (наемные и вспомогательные. — В. З.) в разладе между собой, тщеславны и распущенны, неверны, отважны против друзей, жалки против врагов, без страха божия, без чести перед людьми». Нельзя также допускать в страну иноземные войска, спешащие якобы на помощь князю против других иноземцев.

Князю, заботящемуся о несменяемости своего правления, нельзя полагаться на фортуна, ибо она изменчива, как вообще изменчивы «дела этого мира». В трактате «Князь» глава XXV так и названа: «Что значит в человеческих делах судьба и как с ней можно бороться». Макиавелли пишет: «Многие держались и держатся мнения, будто дела мира так направляются судьбой и богом, что люди, с их умом, ничего изменить в этом не могут, а наоборот, совершенно беспомощны». Между тем, «судьба распоряжается половиной наших поступков, но управлять другой половиной или около того она предоставляет нам самим»¹⁷. Правителю «лучше быть смелым, чем осторожным».

Сердца солдат лучше всего завоевываются щедростью правителя и конкретной перспективой грабежа чужих земель, т. е. великодушием за чужой счет, сказали бы мы. «Если (Князь) захочет сохранить славу щедрости, (он) будет вынужден невероятно обременить народ, выжимать налоги и идти на все, что можно, лишь бы добыть денег»¹⁸. «Князю, идущему в поход с войсками, живущему добычей, грабежом, поборами, чужим добром..., щедрость необходима, иначе за ним не пошли бы его солдаты... Расхищение чужого имущества не уменьшает твоей (Князя. — В. З.) известности, даже кой-что прибавляет к ней, вредит только расточение своего».

Значительное место в своих рассуждениях о личности правителя Макиавелли отводит таким его индивидуальным качествам, как осторожность и осмотрительность: «Князь должен быть осмотрителен в своей доверчивости и поступках..., действовать не торопясь, с мудростью и честолюбием, чтобы излишняя доверчивость не привела к неосторожности, а слишком большая подозрительность не сделала его невыносимым». «Князя презирают, если считают его непостоянным, легкомысленным, изнеженным, малодушным, нерешительным».

Большая роль отводится фактору религиозно-идеологическому в оправдании жестоких дел. Отсюда — остроумное и парадоксальное выражение Макиавелли: «благочестивая жестокость»¹⁹.

Трактат «Князь» имеет форму дидактического произведения. Но дидактика в нем выступает не только как прикрытие и маска сатиры; она имеет своей задачей не скрыть разоблачительный характер сочинения, а подчеркнуть его. Многие тираны, проклиная Макиавелли явно, в тайне делали его

¹⁶ Н и к к о л о М а к и а в е л л и. Там же, стр. 253.

¹⁷ Там же, стр. 320.

¹⁸ Там же, стр. 279.

¹⁹ Там же, стр. 309—310.

сочинение своей настольной книгой и руководством в повседневной государственной практике. Они прекрасно понимали, что трактат флорентинца — это исполненное острого сарказма разоблачение их собственной политики. Под видом советов Князю автор просто описывал практику правления всех тиранов, т. е. указывал не то, что «должно быть», а «как есть на самом деле». Объявляя Макиавелли изобретателем «макиавеллизма», тираны стремились свалить с большой головы на здоровую и таким путем отомстить своему обличителю.

Кратко рассмотрев основные положения сочинения «Князь», обратимся к эпической поэме Ивана Гундулича «Осман».

Если Макиавелли, будучи ренессансным гуманистом, в своем толковании «провидения», «судьбы» отходит от христианских представлений и остается «насквозь язычником» («paganissimo»), то автор «Османа» целиком находится в рамках контрреформационной идеологии, когда говорит: «Если небо безучастно, все творенья быстротечны: без него и власть безвластна, царства сильные не вечны. А фортуна беспрестанно колесо свое вращает: свергнет этого нежданно, а другого возвышает. Днесь на саблю корона, завтра — сабля на короне, ныне царь лишился трона, завтра — раб сидит на троне»²⁰.

В политике, как и в природе, все быстротечно и непостоянно: «Вечно смена происходит, а судьба людьми играет: то царя в рабы низводит, то раба на трон сажает» (VII, 197). О военных успехах говорится: «...удача непрестанно быть на месте не желает, ведь она непостоянна: то блеснет, то угасает» (XI, 645). На счастье полагаться нельзя (XVII, 435).

Если успехи властителя Гундулич относит на счет «неба», то неудачи приписывает только одному властителю. В уста султана Османа II поэт вкладывает слова: «В нас, царях, ищи виновных, в нас причина поражений» (I, 269).

Отрицательным образцом государственности для Гундулича является монархия типа турецкой. Престол властителя — олицетворение порочности и насилия: «Трон из крови возникает» (I, 22). Взаимоотношения монарха и подданных превосходно выражены в словах: «Тот, пред кем весь люд трепещет, страх и сам претерпевает» (I, 23), Трон, как правило, держится на страхе и жертвах (XVII, 69—76, 193). Различие между властителем и его подданными различно и условно. Советник в поэме говорит султану: «Ты прости, но нет различья меж тобой и подчиненным: пред людьми твое величье лишь в приказе, данном тронном» (XVII, 104). Сила престола — в армии (XVII, 105, 121, 149—168, 273, 349, 369, 389). Врагов, претендующих на трон, следует уничтожать (XVII, 235—240, 679; II, 209—220). Данное положение прямо перекликается с мыслью Макиавелли: «Кто создает республику и не убивает сыновей Брута, продержится недолго»²¹. Ради достижения власти можно пожертвовать всеми принципами, забыв о вере, законе и правде (XVII, 725; II, 185—192). Для того, чтобы осуществить мечту о завоевании трона, не следует стесняться в средствах: рекомендуется сорить и бунтовать подданных, веря лишь в силу и власть обмана, поклоняясь всем кумирам, стараясь, когда нужно, одеваться в одежды святости (XVII, 705).

Простой народ в монархии — это чернь, на которую властителю трудно опираться: «Чернь слепа и своевольна, свет от тьмы не различает, ложь за истину невольно без разбора принимает, не поймет своих желаний: что

²⁰ И. Гундулич. Осман. Пер. В. К. Зайцева. Минск, 1969 (песнь I, стихи, 9—20). В дальнейшем для краткости будем указывать римской цифрой номер песни, арабской — стиха.

²¹ «Discorsi», I, III, cap. 3.

хотеть, любить сердечно? Люд пуглив, ленив, восстаний, смут и бунтов жаждет вечно. То войны, то мира чаёт, жаждет вечно перемены, то тирана возвышает, то благому ждёт замены» (XVI, 29—40). Отсюда Гундулич делает вывод: «Ждать от черни одобренья в сложном деле — труд напрасный» (XVI, 51). Для того, чтобы чернь привести в движение, подбить на бунт, нужен «сильный дух», который сумеет ее «возбудить» (XVI, 45). Феодално-аристократическая точка зрения автора «Османа» на народ значительно отличается от взгляда Макиавелли. Разница эта объясняется тем, что Гундулич имел в виду турецкую монархию, а флорентинец говорил об итальянских городах-республиках.

Монарх должен обладать выдающимися способностями, чтобы оправдать свое звание и предназначение. Согласно Гундуличу, жизнь властителя отнюдь не сладка, поскольку ему приходится постоянно быть в горниле различных человеческих страстей и претензий: «Средь тревог, печалей вечных (монархи) бдят за тех, кто спит ночами, и пекутся за беспечных, а за праздных мыслят сами. Кто силен, их ненавидит, никогда ни в чем не верит; тот, кто слаб, когда их видит, притворяясь лицемерит. Сила трона непрестанно им завистников рождает: ведь и счастье, как ни странно, в людях злобу вызывает. Коль (монархи) жестокость презирают, с нравом кротким, отчужденным, их, как слабых, отсылают прясть куделю к слабым женам. Коль они за правду бьются, по заслугам наказуя, то тиранами зовутся: им не жаль-де кровь чужую. Если блага сберегают, люди их зовут скупыми; если челядь одаряют, расточители им имя» (XVII, 5—28).

Турецкий султан Осман II, главный герой поэмы Гундулича, представляет собой отрицательный образец властителя. Он как раз воплотил в себе черты, которые, с позиций Макиавелли, являются нежелательными в образе правителя. Осман неосмотрителен, неосторожен, «своеволен в стремлениях», «не знает дней грядущих», в его решениях нет силы, его «мысль незрела», он неопытен, молод «для дела», не бережется бед, не страшится коварства, безрассуден (II, 31—48). Султан изнежен, наивен, не знает боевых трудов (X, 141—164). Он «проворен на расправу», «непристойен» в обращении с воинами, шпионит за ними, плохо платит за военную службу (XVI, 101—120; XVIII, 69—76), легко меняет решения (XVII, 630). Но он все-таки понимает, что его армия утратила свою былую боеспособность, а порядки в империи изменились к худшему (I, 117—264, 269—288). Поэтому после Хотинского поражения 1621 г. он намерен реорганизовать вооруженные силы и навести порядок в стране (I, 309—340). Осман не против того, чтобы «прикрыть боголюбием» свои планы (I, 361—372), как это делал и Фердинанд Арагонский, предававшийся «благочестивой жестокости».

Султан силен своими советниками, их умом и откровенностью. Обращаясь к ним, он подчеркивает им свое доверие: «Жду правдивого ответа; вам я верю. Всякий знает: ищет кто в себе совета — без совета погибает» (XVII, 49). Осман это все понимает. Поэтому каждый «страж державной обороны» на совете открыто заявляет свое отношение к планам Османа и проводимым им меропрятиям, рекомендуя категорически шаги к упрочению престола (II, 101—220, 225—372, 375—460).

Гундулич, вкладывая в уста турецкого посланца целую речь, высказываемую тем перед престолом Сигизмунда III, отрицательно относится к идее обращения за помощью к иноземцам, справедливо полагая, что чужие войска будут соблюдать свои собственные интересы, но не интересы Польши и польского престола. «Бойся силы иностранной, что войдет в страну и грады... Человек разумный знает, что с державой приключится, если он в страну сзывает, ей на помощь, сильных биться» (XI, 731—740). Эта сентенция звучит совсем в духе Макиавелли.

Осман II, в отличие от Князя Макиавелли, забыл, что возвращенного из опалы вельможу следует опасаться, так как последний, даже осыпанный новыми милостями, не забудет старой обиды (XVII, 557—592). Султан, изображенный Гундуличем, настолько мягок, что в самую опасную для себя и своего престола минуту не может решиться на жестокие действия, какие ему рекомендуют некоторые советники (XVII, 409—420). Если Князь Макиавелли «больше смел, чем осторожен», то султан Гундулича безрассудно неосторожен и неосмотрителен (XVI, 413; XVII, 489). Зато люди, окружающие его, знают цену хитрости, ловкости, искусству козней и уловок (XII, 529—540; II, 501—516). Когда один из них доказывает своему повелителю, что прежде чем начать осуществление новых военных замыслов, следует обеспечить безопасность империи от Польши, что «враз владеть двумя мечами сможет ли одна десница? Мчаться в земли за морями, бросив царство, не годится», — слышатся отчетливые реминисценции из трактата Макиавелли. «Мудрость так вещает: прежде надлежит свое покоить, после — вдаль спешить в надежде блага новые присвоить» (II, 385—396) — звучит по смыслу и духу схоже с мыслями автора «Князя».

Тщательный сравнительный анализ «Османа» и «Князя» мог бы показать, что великий дубровчанин хорошо знал политическую и государственную концепцию, изложенную в трактате великого флорентинца. Европейски известное произведение Макиавелли могло быть одним из источников вдохновения для Гундулича. Но не больше. Автор «Османа» искусно преломил идеи Макиавелли применительно к совсем другой обстановке и среде: в его мысленном представлении была не итальянская коммуна, а турецкая империя эпохи начинающегося ее упадка. Кроме того, сказывалась и временная дистанция, обусловившая значительную разницу политических взглядов двух авторов: один из них целиком принадлежал Ренессансу, другой — вынужден был примирять в себе противоречия Возрождения и контрреформации.

А. Д. ДУЛИЧЕНКО

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РУСИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ЮГОСЛАВИИ

1. Одна из актуальнейших проблем современного языкознания — проблема формирования и развития литературных языков — на протяжении уже нескольких десятилетий успешно разрабатывается нашей наукой. Однако, как указывал В. В. Виноградов, «совсем особенное и своеобразное место в ряду проблем и задач изучения развития национальных литературных языков занимает вопрос о наличии или отсутствии локальных (областных) литературных языков»¹. Не случайно поэтому на проходившей в 1969 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР научной конференции «Славянские литературные языки в донациональный период» значительное внимание было уделено проблеме развития и функционирования славянских региональных (локальных, областных) литературных языков².

Настоящая работа ставит своей целью осветить пути формирования и развития современного русинского литературного языка в Югославии — одного из самых молодых славянских литературных языков регионального характера, до сих пор не подвергавшегося всестороннему описанию в славистической литературе.

2. Русины (самоназвание — «Руснаци», «Руснаки») — небольшая этническая общность славянского происхождения, сложившаяся в силу особых причин исторического характера и в настоящее время проживающая в некоторых районах Воеводины (Бачка, Срем) и Хорватии (Славония). Численность русинского населения в современной Югославии определяется приблизительно в 30 000 человек.

Как известно, наиболее интенсивные миграционные процессы в Австро-Венгерской империи проходили вскоре после поражения Турции в битве под Веной (1683 г.) и заключения в 1699 г. Карловицкого мира, по которому к габсбургской монархии отошли земли Венгерского королевства, в том числе Бачка, Бараня и частично Срем³. Опустошенные длительным

¹ В. В. Виноградов. Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи. М., 1963, стр. 32.

² См., например, доклад Н. И. Толстого «Славянские региональные литературные языки и их функции в современный и донациональный период». Сб. «Славянские литературные языки в донациональный период. (Тезисы докладов)», М., 1969, стр. 14—16.

³ «История Югославии», т. I, М., 1963, стр. 209, 262—264; см. об этом подробнее главу «Колонизација Војводине» в кн. Д. Поповић. Срби у Војводини. Књ. II. Од Карловачког мира 1699 до Темишварског сабора 1790. Нови Сад, 1959, стр. 23—45.

турецким господством просторы нынешней Воеводины указами М. Терезии, а позже и ее сына Иосифа II с начала XVIII в. стали заселяться (с целью развития экономики этого района) немцами, венграми, румынами, болгарями, чехами, словаками, а позднее и русинами⁴.

Русины вышли из Земплинского и Шаришского комитатов (Восточная Словакия), где они приняли униатскую веру (их называли поэтому греко-католиками в отличие от евангелических словаков). Колонизация ими Бачки, Срема и Славонии (или, как принято в исторической литературе, «Нижней земли» — словац. *Dolná zem*, венг. *Alföld*) проходила не сразу, а постепенно, поэтапно. Покинув в самом начале XVIII в. указанные районы Восточной Словакии, русины-переселенцы осели на некоторое время в северо-восточной части Венгрии в районе Макова (Мако́), Мишкольца (Miskolc), а также Герембеля (Görgömböly) и Мучоня (Mucsony)⁵. Лишь в 40-х годах, получив заверение властей о том, что им будут предоставлены земельные наделы, а также целый ряд привилегий как колонистам, первые группы русин заселили сначала (1744—1751) пустовавшее сербское селение Керестур (Крстур), потом (1765—1768) Коцур (Куцура)⁶.

Несколько позднее в упомянутые районы прибыли также группы переселенцев непосредственно из юго-западной части Земплина, а также Шаришского, Боршодского и некоторых других комитатов.

В последней трети XVIII в. и до середины XIX в. проходила внутренняя миграция русин — по тем или иным причинам часть их переселилась в Нови Сад, а затем в некоторые районы Срема и Славонии (Шид, Джурджево, Вербас, Петровцы, Миклушевцы, Беркасово, Бачинцы и др.)⁷. Необходимо отметить, что принявшая в XIX в. массовый характер эмиграция из стран Европы в Америку коснулась и русин Югославии.

3. В литературе первые достоверные сведения о русинах-переселенцах стали появляться приблизительно в начале XIX в. Так, в книге Й. Эймана (1822 г.) о немецких поселениях в Бачкском комитате во времена Иосифа II уже сообщаются некоторые сведения о расселении русин, их религии и языке⁸. Несколько строк посвятил русинам Бачки П. И. Шафарик (1842). В дальнейшем краткие сведения о русинах-переселенцах можно найти в работах историко-этнографического и статистического характера периода габсбургской монархии, написанных такими авторами, как Я. Головацкий (1848), К. Ф. Черниг (1857, 1861), Х. Бидерман (1862—1867),

⁴ B. J a n k u l o v. Pregled kolonizaciji Vojvodine u XVIII i XIX veku («Matica Srpska. Posebna izdanja»). Novi Sad, 1961; J. S i r á c k y. St'ahovanie Slovákov na Dolnú zem v 18 a 19 storočí. Bratislava, 1966.

⁵ Ср. поразительно близкое сходство основных черт языка русин Югославии и диалекта проживающих доньше в отмеченных районах Венгрии выходцев из Восточной Словакии. См. J. S t o l c. Nárečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku. (Slováci v Maďarsku. Sväzok 1). Bratislava, 1949, s. 300—305, 394—431.

⁶ A. P e t r o v. Príspevky k historickej demografii Slovenska v XVIII—XIX storočí. Praha, 1928, s. 242.

⁷ Существует иное толкование миграционных процессов у русин, которое представляется нам недостаточно научно обоснованным ввиду того, что в нем смешиваются собственно русинская миграция середины XVIII в. с переселением украинцев из Галиции в Боснию и Славонию в конце XIX — начале XX в. См. M. S e n o a. Doseljivanje tuđinasa u Srijem. «Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti» (Zagreb), knj. 201, 1914, s. 7—8. О. Т и м к о. Насельоване Коцура. «Народни календар за црсти 1963 рок». Ред. Д. Варга. Руски Керестур, 1962, стр. 123—124; е го же. Населенци Керестура и Коцура. «Шветлосц» (Нови Сад), 1969, № 2, стр. 143—163.

⁸ J. E i m a n n. Der deutsche Kolonist oder die deutsche Ansiedlung unter Keiser Josef II in der Jahren 1783 bis 1787 besonders in Königreich Ungarn in dem Batschen Komitat. Pest, 1882. Книга эта переиздана в Мюнхене в 1966 г.

А. Фикер (1869), В. Якшич (1873), Ф. Тамаш (1878), Ф. Штельтцер (1883), В. Лукич (1887), И. Иваньи (1889), Э. Лейпен (1896) и др.

Во второй половине XIX в. сведения информативного характера (порой, правда, противоречивые) о русинах Бачки появляются в журнале «Вестникъ для русинов Австрийской державы» (Вена, 1852), в карпато-русских периодических изданиях — «Правда» (1878), «Зоря Галицка» (1880), «Дело» (1881), «Листок» (1898), а также в «Киевской старине» (1881 и 1883), «Вестнике славянства» (1893).

4. Однако истинное открытие бачкских русин для науки относится к рубежу XIX—XX вв., когда в «Записках» Научного общества им. Шевченко появилась полемическая работа украинского этнографа и фольклориста В. Гнатюка «Русские поселения в Бачке»⁹. В ней В. Гнатюк высказал мысль об украинском происхождении русин Бачки, а язык переселенцев отнес к юго-западному диалекту украинского языка¹⁰. Позже им был опубликован богатый материал по фольклору бачкских русин¹¹.

Статья «Русские поселения в Бачке» В. Гнатюка послужила поводом для острой полемики по вопросу о национальной и языковой принадлежности бачкско-сремских русин.

Против мнения В. Гнатюка выступил чешский лингвист Ф. Пастрнек, который, основываясь на языковом анализе опубликованного В. Гнатюком фольклорного материала, заявил, что русины являются словаками, а их язык относится к цотацкому говору восточнословацкого диалекта¹². В поддержку словацкой теории высказался вскоре и А. И. Соболевский¹³, затем И. Шкультеты¹⁴. Чешский лингвист Й. Пата, признавая язык русин восточнословацким диалектом, считал, тем не менее, что причислять русин Бачки к словакам нет оснований¹⁵. Норвежский лингвист О. Брок, доказавший восточнословацкий характер говора деревень Фолкушовцы и Дубравка в Восточной Словакии, пришел к выводу, что бачкские русины

⁹ В. Г н а т ю к. Руські оселі в Бачці. «Записки Наукового товариства ім. Шевченка» (Львів), т. XXII, кн. 2, 1898, стор. 1—58.

¹⁰ Это мнение нашло подкрепление и в последующих работах В. Гнатюка: Словаки чи Русини? (Причинки до вяснення спору про національність західних Русинів). «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. XLII, кн. 4, 1901, стор. 1—81; Поетичний талант між бачванськими Русинами. «Літературно-науковий вістник» (Львів), 1904, кн. VI, стор. 175—188; Чи бачванський говір словацький? «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. LXIII, кн. 1, 1905, стор. 8—12.

¹¹ Русинський фольклор составив три тома «Етнографічних матеріалів з Угорської Русі» В. Гнатюка: Пісні Бач-Бодрогеського комітату. «Етнографічний збірник НТШ», т. IX, ч. II, Львів, 1900, стор. 117—277; Казки з Бачки. «Етнографічний збірник НТШ», т. XXIX, 1910, 318 стор.; Байки, легенди, історичні перекази, новели, анекдоти з Бачки. «Етнографічний збірник НТШ», т. XXX, 1911, 356 стр.

¹² См. его рецензию на работу В. Гнатюка «Руські оселі в Бачці» в журнале «Listy filologické» (Praha), 1898, roč. XXV, seš. 5, s. 404—406; е г о ж е. Z nejv, chodnějších nářečí uherskoslovenských. «Národopisny sborník československý», sv. 3, Praha, 1898, s. 65—66; е г о ж е. Rusíni jazyka slovenského. (Odpoved' panu Vlad. Hnat'jukovi). Сб. «Статьи по славяноведению», вып. II, СПб., 1906, стр. 60—78.

¹³ А. И. С о б о л е в с к и й. Не русские, а словаки! «Этнографическое обозрение», 1898, кн. XXXIX, № 4, стр. 147—149. Следует заметить, что в одной из последующих работ А. И. Соболевский модифицировал свою точку зрения: русин он уже не называл словаками, однако их язык решительно отнес к одному из словацких диалектов (см. А. И. С о б о л е в с к и й. Заметки в области русской диалектологии. «Русский филологический вестник», 1906, т. VI, № 3—4, стр. 232—233).

¹⁴ J. Š k u l t é t y. Odkiaľ sú «ruski» obyvatelia báčského Kerestúra a Kocúra?. «Slovenské pohľady», 1899, roč. XIX, soš. 9, s. 552—557.

¹⁵ См. его рецензии на работу Ф. Пастрнека «Rusíni jazyka slovenského» в журнале: «Listy filologické», 1907, roč. 34, s. 309—312 и «Národopisný věstník československý», roč. III, 1908, № 1, s. 12.

говорят на том же, т. е. восточнословацком, диалекте¹⁶. Подобного же мнения придерживался, в конечном счете, и словацкий диалектолог С. Цамбел¹⁷, хотя не следует упускать из вида его противоречивое объяснение происхождения восточнословацких говоров.

Не ставя себе целью дать здесь более детальный анализ этой полемики, отметим лишь, что полемизировавшие стороны часто не проводили четкой границы между языком и национальностью (особенно это характерно для первоначального этапа полемики), считая, что для определения национальной принадлежности народа достаточно лишь языкового материала. Не было четкости и в понимании процесса «словакизации» западноукраинских говоров, что объяснимо, как нам думается, недостаточной разработанностью в ту пору вопросов диалектологии восточнословацко-закарпатско-украинского ареала и сложностью этнического состава указанного района¹⁸. Дискуссия не привела ее участников к единому мнению. До настоящего времени этнический и лингвистический аспекты русинской проблемы освещаются в духе «украинской» или «словацкой» теорий начала нашего века¹⁹.

В последнее время Н. И. Толстым была высказана мысль о том, что русинский язык образовался «на основе западного карпатско-украинского диалекта, близкого к восточнословацким говорам»²⁰. Действительно, анализ фонетического, грамматического и лексического материала языка русин Югославии позволяет выделить в нем черты, роднящие этот язык с цотацким говором восточнословацкого диалекта, с одной стороны, и западноукраинскими говорами, с другой.

5. Оставляя вопрос о происхождении языка русин Югославии для специального исследования, отметим, что в настоящее время русины в Югославии имеют вполне сформировавшийся литературный язык регионального характера²¹.

Еще в начале нашего века некоторые исследователи считали возможным называть диалект бачкских русин самостоятельным языком. Так, В. Францев, внимательно следивший за разгоревшейся полемикой, считал язык

¹⁶ O. B r o s h. Aus der ungarischen Slavenwelt. «Archiv für slavische Philologie», 1899, Bd. XXI, H. 1—2, S. 49—61.

¹⁷ S. C z a m b e l. Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. I odd.: Osnovy a iný materiál rečový. (I. čiastka: Východoslovenské nárečie). Turč. sv. Martin, 1906, s. 62—63, 126—129.

¹⁸ Очень метко языковую и этническую ситуацию рассматриваемого района определил историк А. Петров: «Близкое соседство, перепутанность поселений, разнообразие смешанных, переходных, взаимно друг на друга влияющих говоров, прочно укоренившиеся у униатов сознание себя русскими — все это в высшей степени затрудняет решение вопроса о границах русского (т. е. карпатско-украинского. — А. Д.) и словацкого языков с точки зрения чисто лингвистической, оставляя в стороне вопрос о национальности, в определении которой язык играет, правда, важную роль, но не может быть признан единственным критерием. Прибавим к этому еще и действительное существование более или менее ословаченных русских и возможное существование обруселых словаков» («Материалы для истории Угорской Руси», IV. СПб., 1906, стр. 2).

¹⁹ О последующих работах в этом направлении см. в наших «Материалах к библиографии русин Югославии». Сб. «Исследования по русскому и славянскому языкознанию», вып. II. Самарканд, 1969, стр. 144—148.

²⁰ Н. И. Т о л с т о й. Там же, стр. 14.

²¹ Думается, что для обозначения языка русин наиболее удобен термин «русинский язык». Термин «русски язык», которым русины Югославии называют свой язык, может ассоциироваться с собственно русским языком, называемым русинами как «велькоруски язык». Встречающиеся в русинских изданиях названия «бачваньско-руска бешеда», «бачваньско-сримски руски литературни язык (бешеда)», «руска бешеда», «бачваньско-сримска бешеда» и т. д. не представляются нам удобными. Принятый нами термин для обозначения языка бачкско-сремских русин используется в настоящее время в большинстве югославских изданий («русински језик»).

бачкских переселенцев «вполне сложившимся языком»²². Аналогичное мнение высказал и С. Томашевский, охарактеризовав его как «самостоятельное явление среди славянских диалектов»²³.

В 20—30-х годах среди русинской интеллигенции нередко можно было слышать и такое высказывание: «Ми себе зробели язык, котри вещей не припада нікому лем нам самим»²⁴, т. е. «мы создали себе язык, который не принадлежит более никому, кроме нас самих».

Действительно, оторванные от своей прародины более чем двухвековым периодом, русины, несмотря на свою малочисленность, сумели уберечь себя от насильственной ассимиляции в период Австро-Венгерской империи, сохранили свой язык и сознание этнической автономности. Сохранению и развитию русинского языка в первую очередь способствовал, как нам кажется, такой объективный фактор, как южнославянское окружение (сербское — в Бачке и Среме и хорватское — в Славонии), в котором русины Воеводины проживают до настоящего времени.

6. Литературный язык русин Югославии образовался не сразу, он имеет свою историю. На основании имеющегося в нашем распоряжении материала, мы выделяем три основных этапа в его формировании.

Первый, долитературный, этап (с момента заселения и до начала XX в.) характеризуется тем, что в качестве литературного языка среди бачкско-сремских русин в различной степени и каждый в своей сфере выступают церковнославянский язык и искусственное «язычие» (западноукраинский литературно-письменный язык XIX — начала XX в.), в то время как народная речь используется лишь в семейно-бытовом кругу, в личной переписке и частично в школе. Так, церковнославянский используется прежде всего как язык религиозного культа²⁵. Среди набожного населения и всех тех, кто мог читать и писать, были распространены рукописи религиозного содержания — всевозможные духовные песни, сказания и пр., написанные по-церковнославянски. Большое количество их было собрано В. Гнатюком во время посещения Бачки²⁶. Для нас эти рукописи представляют интерес с той точки зрения, что при переписывании их в тексты вкрадывалось значительное количество диалектных элементов из живой речи. Изучение этих инноваций могло бы пролить некоторый свет на генезис языка югославских русин.

Приблизительно в последней трети XIX в. церковнославянский язык частично проникает в литературу (вернее — в первые литературные пробы представителей русинской народности). Так, М. Томко упоминает Михайла Тимко и Йована Москаля, малоизвестных поэтов (вероятнее всего,

²² В. Францев. Обзор важнейших изучений Угорской Руси. «Русский филологический вестник», 1901, т. XLV, № 1—2, стр. 169.

²³ См. его обзор журнала «Літературно-науковий вістник» за 1904 г. в «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», 1905, т. LXVI, кн. 4, стор. 5.

²⁴ Р. Јереміћ. Бачки Руси (Русьаци, Русини). «Прилози Летопису Матице Српске», 1928, год. I, кн. 1, св. 2, стр. 52 (в изд. «Летопис Матице Српске» (Нови Сад), 1928 кн. 316, св. 1).

²⁵ Первая русинская церковь была построена в Руском Керестуре в 1753 г., в Копуре церковь начали строить в 1792 г., несколько позже — в Нови Саде, а затем также в Ст. Вербасе и Джорджеве. Бачкские священники получали образование в Collegium ruthenicum в Риме, в грекокатолической семинарии в Загребе, а также во Львове, Пряшеве, Ужгороде и Травнике. См. Р. Јереміћ. Там же, стр. 54; см. также Ю. Павич. Русини у Новим Саду. «Руски календар за јужно-славянских Русинох на простирок 1929». Нови Сад, 1928, стр. 14—19.

²⁶ Часть этих рукописей В. Гнатюк предоставил И. Франко, который опубликовал их в сборнике «Апокрифи і легенди з українських рукописів» (в серии «Памятки українсько-русської мови і літератури», т. II, Львів, 1899). Другая часть рукописей была помещена В. Гнатюком в его сб. «Угроруські духовні вірші» (см. «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», 1902, т. XLVI, кн. 2; т. XLVII, кн. 3; т. XLIX, кн. 5).

религиозных служителей в русинских церквах), которые писали «на смешанном церковнославянско-русинском языке», и приводит названия (по-сербски) двух произведений религиозного содержания М. Тимко — «Сан мајке Божје» и «Муке Христове»²⁷.

Основными проводниками «язычия» были также священнослужители, а позже и студенты, обучавшиеся во Львове, Пряшеве и Ужгороде. В школах, в которых обучались дети русин, использовались учебники, изданные западноукраинским обществом «Просвета» на искусственном «угро-русском» наречии²⁸. Представители интеллигенции, поддерживавшие контакт с общественными и культурными деятелями и сотрудничавшие в периодических изданиях Угорской Руси, считали себя обязанными писать на «язычии». В этом отношении показательно письмо М. Губаша, опубликованное в упомянутой работе М. Павлика. В нем коцурский учитель просит извинить за то, что пишет народным языком, т. е. собственно бачкско-русинским диалектом.

«Язычие» как литературно-письменный язык удерживался среди русин Югославии вплоть до начала XX в. Именно «язычием» написаны произведения первого русинского поэта Петро Кузмяка (1816—1900), впервые опубликованные М. А. Врабелем в 1890 г. в сборнике угрорусских песен²⁹. По мнению составителей «Антологии поэзии бачкско-сремских русинских писателей», П. Кузмяк имел последователей, создававших произведения на западноукраинском литературном языке³⁰.

Для второго этапа истории русинского литературного языка (1904—1923 гг.) характерна постепенная «сдача позиций» церковнославянским языком и «язычием». В этот период проявляется усиленное внимание к народному языку, на котором создается молодая русинская литература³¹. Этому в немалой степени содействовал проявленный в научном мире интерес к русинской проблеме (см. полемику конца XIX — начала XX в.) и опубликование В. Гнатюком основного количества произведений народного творчества.

В 1904 г. появляется первая книга на русинском языке — поэтический сборник Г. Костельника «Из моего села»³², положивший начало русинской литературе — одной из самых молодых славянских литератур³³. Появле-

²⁷ М. Т о м к о. Неколико података о животу бачванских Русина. «Српски књижевни гласник» (Београд), Нова серија, књ. XXXIV, бр. 1, стр. 73.

²⁸ Ср. высказывание об этом М. Губаша, учителя из Коцура (переведенное на украинский язык): «Свого письменства [русский нарід] не має і в школах народних користує ся книжочками підкарпатських Угро-Русинів». В кн. М. П а в л и к. Про русько-українські народні читальні, «Наукова бібліотека», Львів, кн. 2—3, 1887, стор. 126—129.

²⁹ Русскій соловей. «Народная лира» или собраніе народныхъ пѣсней на разныхъ угро-русскихъ нарѣчіяхъ. Книгопечатня «Келеть» въ Унгарѣ, 1890.

³⁰ Антологія поезії бачванско-сремских руских писательох. Одв. ред. Д. Варга. Руски Керестур, 1963, стр. 12.

³¹ Необходимо подчеркнуть, что рост национального самосознания у русин в рассматриваемый период совпал с интенсивной мадьяризацией национальных меньшинств Угорской Руси и Бачки. Об устрашающих масштабах мадьяризации югославских русин, продолжавшейся вплоть до падения Австро-Венгерской монархии в 1918 г., писал еще В. Гнатюк в статье «Руські оселі в Бачці» (стор. 9—10). Любопытные факты содержатся также в статье М. К о в а ч а «Просвітни живот Русинох у Югославії» («Руски календар за Русинох у Югославії на прости рок 1939», Руски Керестур, 1938, стр. 40—42) и в кн. Д. К и р и л о в и ћ. Помађаривање у бившој Угарској (Прилог историји српских школа). Нови Сад, 1935.

³² Г. К о с т е л ь н и к. З моего валала. Жовква, 1904.

³³ На языке бачкских русин создавались литературные произведения и ранее, однако большого распространения они не получили, за исключением, может быть, произведений народного поэта-песенника А. Горняка и некоторых безымянных авторов. Впервые их произведения собрал и опубликовал М. А. Врабель в упоминавшемся

ние этого сборника дало повод некоторым исследователям считать началом литературного языка югославских русин именно 1904 г.³⁴ Здесь, как нам кажется, неправомерно ставится в прямую зависимость факт создания литературного языка от появления литературы на языке данного народа, что ведет к недооценке нормы как центрального, по выражению В. В. Виноградова, признака литературного языка³⁵.

О том, что на данном этапе литературный русинский язык еще только начинает складываться, говорит ряд фактов. Так, в рассматриваемый период преобладает практически полная анархия в области орфографии. Ярким примером этого может служить высказывание Д. Биндаса — председателя «Русинского народного просветительного общества»: «Каждый писал своим правописанием: одни хорватско-сербским, другие украинским или русским»³⁶. Г. Костельник, первый применивший украинскую разновидность кириллической графики (так называемую «желехівку») к языку русин Югославии, сам был далеко не всегда последовательным в вопросах правописания³⁷. Далее, наблюдается большой разницей в использовании лексических единиц и грамматических форм. Особенно показательны в этом отношении издания религиозного содержания, язык которых иначе не назовешь, как макароническим, т. е. смесью народной русинской речи с церковнославянскими и, в определенной степени, сербско-хорватскими элементами³⁸.

Третий этап в истории формирования русинского литературного языка связан с появлением в 1923 г. первой «Грамматики бачкско-русинского языка» Г. Костельника³⁹, установившей основные фонетические, лексические и грамматические нормы, а также закрепившей более или менее стабильную систему правописания русинского языка. Именно с этого периода, как нам думается, и можно говорить уже о нормированном, т. е. литературном русинском языке. В рассматриваемый период «язычие» практически исчезает, а сфера использования макаронического языка ограничивается исключительно текстами религиозного характера⁴⁰.

Появлению «Грамматики» Г. Костельника предшествовала большая подготовительная и организационная работа русинской интеллигенции, основанной на следующий год после образования Югославского государства «Русинское народное просветительное общество» («Руске Народне Просвитне Дружтво»; далее — РНПД), целью которого стало распространение просвещения среди всех русин Воеводины и Славонии, а также развитие куль-

---

сборнике «Рускій соловей» в разделе «Народныя пѣсни на бачванскомъ и земплинскомъ русскомъ діалектѣ». Позднее часть песен из этого раздела была помещена в кн. Е. С а б о в. Хрестоматія церковно-славянских и угро-русских литературных памятников с прибавлением угро-русских народных сказок на подлинных наречиях. В Унгваре, 1893, стр. 229 и далее. О народных поэтах-песенниках см. Д. П а п г а р г а і. Заобидзени драгокази Михайла Врабеля. «Шветлосц», 1968, № 2, стр. 82—84.

³⁴ Ф. Т и х и. Габор Костельник як поет родзеной жемі. «Руски календар за јужнославянских Русинох на прости рок 1937». Ср. Карловци, 1936, стр. 32; М. М. К о ч и ш. Мацеринска бешета. Граматика за VIII класу основней школи. Нови Сад, 1968, стр. 83; Й. Дзендзелівський. Сторінка з історії вивчення говорів та літератури бачванських українців. «Шветлосц», 1969, № 3, стр. 248.

³⁵ В. В. В и н о г р а д о в. Там же, стр. 26.

³⁶ См. «Руски календар... на 1935 рок». Ср. Карловци, 1934, стр. 381.

³⁷ Более подробно об этом см. Г. Наћ. О знаку «ѣ» у првој штампаној књизи на језику војвођанских Русина. «Зборник за филологију и лингвистику», Нови Сад, 1957, 1, стр. 185—188.

³⁸ Например, книга епископа Крижевацкой епархии Д. Няради «Правди католицкеј вѣри» (Жовква, 1912) и др.

³⁹ Г. К о с т е л ь н и к. Граматика бачванско-рускеј бешеди. Ср. Карловци, 1923.

⁴⁰ См., например, Ю. П а в и ч. Християнска наука за руски дзеци. Жовква, 1924; Д. Н я р а д и. Житіе св. Кирила и Меодія. Нови Сад, 1927; Молитвенік за руски дзеци. Зложел Д. Биндас. Руски Керестур, 1938 и некоторые другие.

туры и языка⁴¹. С 1920 г. РНПД выпускает ежегодник «Руски календар», с 1924 г. — газету «Руски новини», а с 1937 г. — журнал для детей «Наша заградка». Сразу же после выхода «Грамматики» Г. Костельника, в 1924 г., появляются первые учебники для начальных школ, где преподавание велось уже на литературном русинском языке⁴².

Этот период в истории русинского литературного языка характеризуется также интенсивным развитием литературно-художественного творчества. Так, уже в 1924 г. вышла поэтическая трагедия Г. Костельника «Дочь Эфтая»⁴³. Вместе с Г. Костельником развитию молодой русинской литературы способствовали М. Надь (1896—1962), М. Винай (род. в 1898), О. Костельник (1903—1936). Основоположником детской русинской литературы явился поэт Я. Фейса (род. в 1904), выпустивший в 1929 г. первый поэтический сборник для детей⁴⁴. Большим событием в литературной жизни югославских русин был вышедший в 1936 г. «Русинско-украинский альманах бачско-сремских писателей»⁴⁵, в котором помещены наиболее значительные произведения русинских писателей и поэтов.

7. После установления в Югославии народной власти общественные функции русинского литературного языка значительно расширились. Оставаясь языком регионального значения, русинский язык, помимо использования в семейно-бытовом кругу, обслуживает общественные и культурные потребности русинской народности. Так, уже в 1945 г. начала выходить газета «Руске слово» тиражом в 800 экз.; в 1970 г. ее тираж достиг 2400 экз. Несколько позже стали издаваться детский журнал «Пионирска заградка» и первый литературно-художественный журнал «Шветлосц». Одно время выходил также «Билтен Клуба писателюх-аматерох у Коцуре». Сразу же после войны возобновляется издание ежегодника «Народни календар».

Современная русинская литература, у истоков которой мы находим лишь поэтические и прозаические произведения короткого жанра, выросла в наши дни до создания произведений крупного масштаба — повестей и романов⁴⁶. Все лучшее, что было создано русинскими писателями и поэтами в до- и послевоенные годы собрано в прекрасно изданных антологиях и сборниках⁴⁷. Традиции устного народного творчества бережно сохраняются и развиваются активно действующими в различных русинских поселениях культурно-просветительными обществами, кружками, любительскими театрами и ансамблями. Об этом же свидетельствует и регулярное переиздание фольклорных произведений⁴⁸.

⁴¹ Д. Б и н д а с. XX-рочница РНПД (1919—1939). «Руски календар за Русинох у Югославиї на прости рок 1939». Руски Керестур, 1938, стр. 35—39.

⁴² М. П о л и в к а, М. М у д р и. Буквар за южно-руски основни школи. Ср. Карловци, 1924; М. П о л и в к а. Читанка за III и IV класу южно-русских основних школах. Ср. Карловци, 1924 и др.

⁴³ Г. К о с т е л ь н и к. Ефтайова дзивка. Трагедия на V акти. Ср. Карловци, 1924. («Библиотека РНПД», № 1).

⁴⁴ Я. Ф е й с а. Пуиче. (Зборник писнюх за дзеци). Ср. Карловци, 1929.

⁴⁵ Руско-українски алманах бачванско-сримских писателюх. Руски Керестур, 1936.

⁴⁶ Например, самые первые произведения этого рода в русинской литературе: В. К о с т е л ь н и к. Жемі моя. Роман. У трох часцох. Руски Керестур, 1967; Е. М. К о ч и ш. Осушени слизи. Ляд на гарадичох. Нови Сад, 1968.

⁴⁷ «Антология поезиї бачванско-сримских руских писателюх. Руски Керестур, 1963, 342 с.; «Антология дзецинской поезиї бачванско-сримских руских писателюх». Руски Керестур, 1964, 198 с.; «Одгук з ровниї». Зборник приповедкох. 1944—1961. Руски Керестур, 1961, 183 с.

⁴⁸ См., например, О. Т и м к о. Наша писня. Зборник народних и популярних писнюх югославских Русинох. Кн. I. Руски Керестур, 1953, XXII + 96 с.; кн. II, 1954, XXXIII + LVI + 94 с.; кн. III, 1954, LVII + CXI + 99с.; сб. «Народни приповедки бачванских Русинох. (По етнографичних материялох Вол. Гнатюка)». Ред. Д. Лаяк. Руски Керестур, 1967, 326 с.

О расширении общественных функций русинского языка говорит и тот факт, что с 1949 г. радио Нови Сада транслирует еженедельные передачи для русинского населения всей Югославии. Значительно больше появилось школ и классов, в которых преподавание всех или отдельных предметов ведется на русинском языке. Так, за первое послевоенное десятилетие число таких школ увеличилось с 3 до 13⁴⁹. По данным «Статистического ежегодника Югославии» в 1967—1968 гг. русинских школ было уже 4, а в 35 школах существовали классы; общее число учащихся в них достигло 1057 человек⁵⁰. В 1970 г. в Руском Керестуре была открыта первая гимназия, где все предметы преподаются на русинском языке.

Развитию современного русинского литературного языка и расширению его общественных функций будет способствовать созданное в декабре 1970 г. в Нови Саде «Общество русинского языка» («Дружтво за руски јазик»), председателем которого избран автор ряда учебников для русинских школ, писатель и поэт М. М. Кочич⁵¹.

8. В основу русинского литературного языка легла диалектная разновидность, на которой говорят в Руском Керестуре — общественном и культурном центре всех русин Югославии. Здесь необходимо отметить, что различия между керестурской диалектной разновидностью и той, на которой говорят в Коцуре, незначительны. Они касаются прежде всего фонетической и лексической сторон языка. Так, например, в Коцуре говорят «мягче», чем в Керестуре, что особенно наглядно можно продемонстрировать на таких примерах: *гуторелі, робелі, вони* (керестурская и соответственно литературная норма — *гуторели, робели, вони*). В Коцуре говорят *ещи, криштал, штрамбац, стредок, стригац*, а в Керестуре соответственно *ище, кристал, штрамбац, штредок, штригац*. Имя *Владо* коцурцы произносят как *Влада*, что ведет соответственно к иной парадигме склонения этого имени.

Наблюдаются некоторые лексические различия: керест. *гар* 'пепел' соответствует коцур. *пирня* (также говорят и в Беркасове), керест. *бетеліна* 'клевер' — коцур. *требиконіна*, керест. *чарапи* 'туфли' — коцур. *шуфи*, керест. *хлоп* 'муж' — коцур. *муж*, керест. *охабени* 'оставленный, разведенный' — коцур. *разведзени* и др.⁵²

Смешанный характер языка югославских русин объясняется прежде всего историческими условиями, в которых они проживали до и после переселения в Бачку, Срем и Славонию. Близкое соседство с родственными и неродственными по языку народами самым непосредственным образом отразилось и на составе и на оформлении языковых элементов.

Так, например, лексический состав современного русинского литературного языка характеризуется неоднородностью. Основной словарный фонд его находит параллели, с одной стороны, с восточнословацким диалектом, а с другой, с карпатско-украинским, а часто и с тем и другим⁵³. Имен-

⁴⁹ N. V u č e n o v. Prosveta i školstvo. «Deset godina nove Jugoslavije». Beograd, 1955, s. 390.

⁵⁰ «Statistički godišnjak Jugoslavije. 1969». Beograd, 1969, s. 288.

⁵¹ Об учреждении Общества, его руководящем составе, а так же целях и задачах см. И. Б е с е р м и н і. Корупа нужней потреби. «Руске слово» (Нови Сад), № 50 (1327) от 11 XII 1970, стр. 6.

⁵² Небольшой материал о лексических различиях в разных селах Бачки, Срема и Славонии содержится в работе: О. Г о р б а ч. Лексика говірки бачвансько-срїмських українців. «Науковий збірник Музею української культури в Свиднику», № 4, кн. 1. Прашів, 1969, стр. 311—312.

⁵³ Некоторое число лексем, общих для русинского языка и восточнословацко-западноукраинско-польского ареала отражено в кн. И. О. Д з е н д з е л і в с ь к и й. Українсько-західнослов'янські лексичні паралелі. Київ, 1969.

но по этой причине в некоторых исследованиях отсутствует четкая классификация лексем основного фонда русинского языка с точки зрения его происхождения⁵⁴.

В разное время русинская лексика подвергалась влиянию различных языков окружающего населения. Например, значительное число заимствований из венгерского языка проникло в язык русин еще до переселения в Бачку и другие районы нынешней Югославии, однако этот процесс продолжается и на новой родине русин, особенно в период насильственной мадьяризации русинского населения со стороны венгерских наместников. Заимствования из немецкого языка так же раннего периода. Тюркские лексические элементы проникли в речь русин непосредственно еще в период их проживания на территории нынешней Восточной Словакии (они имеют параллели в восточнословацком и западноукраинском диалектах и венгерском языке), а позже — через посредство сербско-хорватского языка⁵⁵.

В настоящее время на язык русин активно воздействует сербско-хорватский язык как язык основного населения, в окружении которого живут переселенцы. Общность экономической и социальной жизни народов, населяющих Автономную область Воеводину, привела к тому, что носители русинского языка в настоящее время являются уже билингвами. Необходимость овладения сербско-хорватским языком диктуется также и тем, что дети русин посещают сербские и хорватские школы и продолжают учебу в университетах, где преподавание ведется на сербско-хорватском языке; на этом же языке они слушают трансляции радио, смотрят передачи телевидения и кино. Билингвизм, таким образом, является важной жизненной необходимостью для русинского населения Югославии.

В силу этого, а также ряда факторов социально-экономического характера в настоящее время, помимо лексики локального назначения, в русинский язык через посредство сербско-хорватского языка проникает международная терминология из области науки, политики, общественной жизни и культуры.

Примерно с начала XX в. в язык югославских русин по разным причинам проникает и лексика из украинского литературного языка⁵⁶.

9. В заключение отметим некоторые характерные тенденции развития современного русинского литературного языка.

В области фонетики можно отметить следующие явления. Так, в связи с заимствованиями из сербско-хорватского языка появляется беглый гласный *a* (причем, в собственно русинских словах зафиксированы только беглые *o* и *e*): *комунизам* — *комунизма*, *Пожаревац* — *Пожаревца*, *саям* — *сайма* и т. д. В некоторых позициях под влиянием сербско-хорватского языка появляется эпентетический *j*: *радио* — *радия* (род. п. ед. ч.), *студио* — *студия* (род. п. ед. ч.) и др. Отметим также активизацию фонемы *z* в современном русинском языке, вызванную тоже иноязычным влиянием.

Живые процессы особенно ярко обнаруживаются в грамматике. Так, в грамматической системе современного русинского литературного языка некоторые категории до сих пор не установились окончательно, что приводит к появлению вариантных форм и возможности их факультативного использования. Вариантные формы, как свидетельство эволюционных процессов, происходящих внутри грамматических категорий, вызываются

⁵⁴ О. Г о р б а ч. Там же, стр. 336—347.

⁵⁵ А. Д. Д у л и ч е н к о. Тюркизмы в языке русин Югославии. Сб. «Тюркские лексические элементы в восточных и западных славянских языках. (Тезисы докладов второго симпозиума)». Минск, 1969, стр. 21—22.

⁵⁶ Перечень заимствований из указанных и румынского языков в языке русин Югославии (кроме тюркизмов) см. О. Г о р б а ч. Там же, стр. 320—336.

прежде всего внутренним развитием грамматического строя русинского языка, а также воздействием сербско-хорватского языка. Наблюдаются, например, колебания в роде некоторых имен существительных: *програм* (муж. род.) — *програма* (жен. р.), *систем* — *система*, *телеграм* — *телеграма* и др. В целом ряде имен существительных мужского рода еще не установилась единая норма, например, им. п. ед. ч. *поет* и *поета*, *социалист* и *социалиста* и пр. Есть основание говорить о наметившейся тенденции к утрате родовой дифференциации у русинских фамилий: *Ирена Планчак* (вместо *Ирена Планчакова*), *Любка Будински*, *Гелена Стойков* и т. д. В падежной системе в результате воздействия сербско-хорватского языка наряду с собственно русинскими формами предложного падежа существительных мужского рода появились новые формы с флексией *-у*: *у Београде* — *у Београду*, *у романе* — *у роману* и т. д. Флексия мн. ч. твор. п. прилагательных (а также некоторых местоимений и числительных) *-има* (*-їма*) в разговорной речи начинает распространяться также на существительные в соответствующем падеже, хотя процесс этот (опять-таки не без иноязычного влияния) далек от своего завершения⁵⁷. В употреблении преобладающим становится в настоящее время суффикс *-ов* у некоторых притяжательных прилагательных: *мацеров*, *шестров*; вариантная форма на *-ин* (*мацерин*, *шестрин*) постепенно исчезает.

Под влиянием сербско-хорватского языка более активно используется сложная форма прошедшего времени (*писал сом*) по сравнению с простой (*я писал*). По этой же причине частица *ше* может удаляться на большую «дистанцию» от глагола, к которому она относится, что, например, в восточно-словацких говорах допустимо лишь при определенных условиях.

Особо следует отметить активизацию употребления союза *да*, который практически очень часто может вытеснять собственно русинский союз *же* в той же функции. Так, в рассказе современного молодого прозаика О. Кочиша «Спреведаци плач»⁵⁸ почти 40% придаточных предложений введены союзом *да*. О том, насколько широко используется союз *да* не только в устной разговорной речи, но и в художественной литературе, свидетельствует также тот факт, что посредством этого союза вводятся различные типы придаточных предложений, например: дополнительное (Гварела ми *да ю уж охабим...*), определительное (Чувствовал сом нужноц *да будзем сам*), цели (Розказали вина и пили, пили — *да забуду цо було...*), условное (А як би було добре, *да сом ше нігда не стретнул зоз ню!*) и др.

В последние годы среди русинской интеллигенции наметилась тенденция к сближению русинского литературного языка с украинским литературным языком. Надо отметить, что пути этого сближения теоретически еще не разработаны⁵⁹, но первые практические шаги в этом направлении уже сделаны. Так, наблюдается замена суффиксов словацкого типа украинскими. До 4 ноября 1966 г. еженедельная газета «Руске слово» выходила под грифом «Орган Социалистического Союза рабочего народа Сербии за Войводину»; с 11 ноября этого же года и по сей день газета продолжает издаваться как «Орган Социалистического Союза...». Аналогично были проведены замены и в других словах: *комунистицки* → *комунистични*, *физицки* → *физични*, *натуралистицки* → *натуралистични* и пр.

⁵⁷ М. М. К о ч и ш. Мацеринска бешета. Ч. I. Нови Сад, 1965, стр. 61.

⁵⁸ В сборнике рассказов «Одгук з ровніни. Зборник приповедахо. 1941—1961». Руски Керестур, 1961, стр. 160—176.

⁵⁹ В этой связи примечательна дискуссия, проходившая в начале 1970 г. на страницах газеты «Дневник» (Нови Сад). Сущность ее красноречиво выражена в заголовках самих статей: «Да ли су Русини и Украјинци засебно народности?» (28 II 1970, стр. 8); «Термин „Русин-Украјинац“ никада није усвојен од југословенских Русина» (7 IV 1970, стр. 9) и др.

Указанная тенденция определенным образом отражается также на оформлении русинских имен и фамилий, порождая тем самым антропонимическую вариантность. Так, имена *Владимир*, *Михал*, *Евген* могут теперь иметь формы: *Володимир*, *Михайло*, *Евгѣний* и т. д.

Наконец, грамматическая терминология пополняется прямыми заимствованиями из украинского литературного языка или же калькированием украинских терминов. Приведем несколько примеров, взятых из упомянутых выше школьных грамматик М. М. Кочиша для русинских основных школ: *дієприкметнік* (укр. *дієприкметник*), *збирни числовніки* (укр. *збірні числівники*), *знак питања* (укр. *знак питання*), *присловнік* (укр. *прислівник*), *словозлучене* (укр. *словосполучення*), *синтаксични одношеня* (укр. *синтаксичні відношення*) и др.

П р и л о ж е н и е

Образец фольклорного текста

Як Рускинї бешедовали по мадярски

Були два куми Рускинї. Зберали ше на вашар. Питала ше една другой же як купя на вашаре чижми кед не знаю по мадярски. А друга одповедла: «А я, кумо, знам добре по мадярски!» Пошли на вашар до шатру дзе чижмар предавал чижми. Тота кума цо ше обецала же зна по мадярски, питала ше чижмарови: «Годь ярара чижмарара?» Майстор то не розумел, та ше питал: «Мит, руска, мит?» Гевта друга кума ше питала: «Цо, кумо, гутори майстор?» Гевта ей одповедла: «Поведа же зме украдли мидло. Но, лем ми отамаль бегайме». Видзел майстор же иду гет, та им гуторел: «О, не саладь, руска, не саладь!» Питала ше гевта кума: «А цо ище поведа?»—«Поведа же зме и садло украдли!» Но, та так цериши Русини знали по мадярски. Кед Мадяр питал «визет» (води), вони думали же би ше вожел.

[Из сб. «Народни приповедки бачванских Русинох (По етнографичних материялох Вол. Гнатюка)». Руски Керестур, 1967, стр. 154]

Образец поэтического текста

Шніг завее з густих хмарох,—зрадую ше дзеци.
През облак вше патра, крича: гей, шніг пада, леци!
А вон пада як кед би ше мотилї роєли
и зоз билима кридлами мило трепецели.

Пада, пада и напада скоро до колена,
цали швет ци една плахта било обилена.
Лем хижочки, древа голи над ню вистирчели
и под билу шапку неми на биле патрели.

Перша ноц за першим шнігом хижки барз прибрала:
цоплї длуги ягод швички стрехом повишала
и облаки зос кветами красним' розквитала,
води бистри лядом гладким позамарзовала.

Аж спод хмарки на жем жимну шкорванчка здрилела
и пищочка його гласни немо онемела.
А прешилку зос класатих зарнох вируцела,
охабиц тот край мушела, та ше одселела.

[Г. Костельник. З мойого валала. Сб. «Антология поезии бачванско-сримских руских писателюх». Руски Керестур, 1963, стр. 18]

Образец современного прозаического текста

Недзеля пополадню. Слунко наяр, по длугой твардей жими, вше дзечне привитани госц', упарло пред Барнову хижку. Ковари двох ягодох, медзи хторима лавочка, ублажую тото шветло, виписую по билей поверхосци щита и чола Миколо-

вей хижи смужки, а младш, ледво розвити лісца, руцаю помедзи тоти смужки весели платки котри танцюю на муре як таркасти баранчата на торини. То витрик кеди — некеди зацагне з улічки цо ведзе на яраш, та кива лісточка и борика Миколови тоти били власи цо и у старосци стирча якошик упрекосно... Шедзи на лавочки и кури цигар. Ката, жена му, шедзи коло нього и хто зна по хтори раз шмее ше з нього и пригваря:

— Пале, дїдо! Док бул младши та курел на пипку, а тераз остарел та, ниа — цигар.

[М. К о в а ч. Одлука. Сб. «Одгук з ровніни. Зборник приповедкох. 1944—1961». Руски Керестур, 1961, стр. 97]

Образец общественно-политического текста

Предстояци попис жителюх порушал, як цо познате, велї питаня о котрих сама статистика не могла повесц конечне слово. Прето ше праве велї з нїх и нашли на дньових шорох форумох и органах дружтвено-политичних організаційох. Нешка, медзитим, шицки политични питаня од значносци при попису у Войводини — як гварене пондзелок на схадзки Председательства и Вивершного одбору Покраїнскей конференції Социалистичного союзу — розришени и ведей нет двоеня.

О яких ше то двоенюх робело?

Насампредз, то були питаня вязани за националне опредзельоване. Медзи иншим, були порушани — а актуални и у Войводини — тоти питаня: Як третировац тих цо ше вияшня як Югославяне? Як, поведземе, третировац тих цо поведза же су Буневци? Чи розликовац Руснакох и Українцох? Итд.

[Комментарий из газеты «Руске слово», № 3 (1332) 15 I 1971, стр. 3]

Г. М. ДИМИТРОВ О В. И. ЛЕНИНЕ

В 1972 г. исполняется 90 лет со дня рождения Георгия Димитрова, видного деятеля болгарского и международного рабочего движения. Особое место в жизни и деятельности Г. М. Димитрова занимает все, что связано с В. И. Лениным.

В начале 1921 г., когда Г. М. Димитров впервые приехал в Советскую Россию осуществилась его заветная мечта встретиться с В. И. Лениным. В своих воспоминаниях об этой памятной для него встрече, во время которой Владимир Ильич живо интересовался положением в Болгарии, Г. М. Димитров писал: «Завязалась беседа, очень важная для нашей партии, которая продолжалась больше часа»¹. Эта беседа оставила неизгладимый след в жизни великого сына болгарского народа.

В январе 1924 г., в один из следующих приездов Димитрова в Страну Советов в связи с обсуждением болгарского вопроса в Исполкоме Коминтерна, он узнал печальную весть о кончине В. И. Ленина. В составе делегации ИККИ Г. М. Димитров сопровождал траурный поезд из Горок в Москву, а затем в качестве гостя присутствовал на траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов в Большом театре.

В эти дни в своих статьях и беседах Г. М. Димитров неоднократно обращался к образу великого вождя, к значению его идейного наследия для международного и болгарского рабочего и революционного движения.

Ниже публикуются две статьи и интервью Г. М. Димитрова, посвященные ленинской теме. Ни один из этих трех малоизвестных документов не включался после их первой публикации в издания произведений Г. М. Димитрова.

Первый из публикуемых материалов — статья «Ленин и профсоюзы» — увидел свет в органе ЦК Союза рабочих железнодорожного транспорта СССР — газете «Гудок» — 27 января 1924 г. В этой статье Г. Димитров, в течение многих лет возглавлявший болгарские революционные профсоюзы и являвшийся одним из создателей и виднейших руководителей Красного Интернационала профсоюзов, отмечает роль В. И. Ленина в разработке теории и практики профсоюзного движения.

Беседа с Г. М. Димитровым, которую провел сотрудник центрального органа ВЦСПС — газеты «Труд» — С. Гальперин, была опубликована в этой газете 1 февраля 1924 г. под названием «Болгарские рабочие и Ленин». Г. М. Димитров подчеркивает тесную связь революционного рабочего движения Болгарии с В. И. Лениным и его учением, отмечает, что после победы Октября В. И. Ленин стал для трудящихся Болгарии «признанным учителем и вождем, и самое имя его стало для них знаменем революционной борьбы».

Публикуемая впервые на русском языке статья Г. Димитрова «Без Ленина — с ленинизмом» была помещена в связи с третьей годовщиной со дня смерти В. И. Ленина в органе Центрального болгарского бюро при ЦК КП(б)У — газете «Съветско село» (Харьков) 14 февраля 1927 г. Г. Димитров особенно подчеркивает важнейшую задачу коммунистических партий — овладение теорией и практикой ленинизма. Он призывает хранить как зеницу ока ленинское единство международного коммунистического движения, пресекать все попытки к его подрыву, постоянно укреплять сплоченность его рядов.

В. А. Кузько, Ю. А. Львоуни

¹ «Правда», 1966, 12 ноября.

ЛЕНИН И ПРОФСОЮЗЫ

Наш любимый и незабвенный Владимир Ильич Ленин был в истинном смысле слова великим вождем пролетариата.

Никто лучше Ленина не понимал огромного значения профдвижения для дела пролетарской революции и для подготовки масс к полному осуществлению коммунизма. Но зато реформизм (соглашательство) в профдвижении, как и все прочее, отклоняющееся к нему в той или иной форме (идеи нейтралитета, независимости и пр.), не имело никогда более яростного и непримиримого врага, чем т. Ленин.

Своей гениальной прозорливостью наш великий учитель пошел дальше Маркса по вопросу о профдвижении, определив совершенно точно место профсоюзов в общей классовой борьбе пролетариата и указав на задачи их, как до занятия политической власти, так и в переходном периоде под режимом пролетарской диктатуры.

То, что в м а р к с и з м е не было достаточно ясно и вполне сформулировано относительно исторической роли и задач профдвижения, мы находим в л е н и н и з м е — в этой революционной школе, которую Ленин, гениальный теоретик и практик классовой борьбы, создал.

Невыразима наша скорбь по Ленину. Страшна потеря, которую мировой пролетариат понес вместе с преждевременной смертью своего незаменимого учителя и вождя. Но мы можем все-таки иметь одно утешение: Ленин нас покинул, указав ясно на основные направления нашей дальнейшей борьбы. Его заветы и в области профдвижения, как красный маяк в бурном море, будут освещать путь в окончательной победе над капитализмом во всем мире.

Г. Димитров

«Гудок», 1924, 27 января

БОЛГАРСКИЕ РАБОЧИЕ И ЛЕНИН

(Беседа с генеральным секретарем Балканской федерации профсоюзов тов. Димитровым)

Наш сотрудник имел беседу с членом ЦК Коммунистической партии Болгарии и генеральным секретарем Балканской федерации профсоюзов тов. Димитровым. Тов. Димитров подробно остановился на влиянии учения Ленина в Болгарии и, в частности, на значении его идей для болгарского профдвижения.

— Революционное рабочее движение Болгарии,— сказал тов. Димитров,— тесно связано с Лениным и его учением. Еще в начале мировой войны Ленин привлек к себе симпатии болгарских рабочих своей непримиримой борьбой против империализма и против социал-патриотических сторонников войны до победного конца. Болгарские рабочие с величайшим вниманием отнеслись к основной идее Ленина о том, что революционные партии должны положить конец империалистической войне войной гражданской и установлением диктатуры пролетариата.

После победы Октябрьской революции, блестящим олицетворением которой является именно тов. Ленин, он сделался для болгарских рабочих и крестьян их признанным учителем и вождем, и самое имя его стало для них знаменем революционной борьбы. Все сказанное и написанное им воспринималось трудящимися массами, как великое откровение революции. Его классические сочинения: «Государство и революция», «Импери-

ализм, как высшая стадия капитализма», «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» и др. были переведены на болгарский язык и не только получили широкое распространение во множестве тысяч экземпляров в маленькой Болгарии, но и сделались настоящими настольными книгами для всех сознательных болгарских рабочих.

В сентябрьском восстании 1923 года боровшиеся массы трудящихся были воодушевлены именно идеей Ленина о создании союза рабочих и крестьян, о создании рабоче-крестьянской власти. Восстание это окончилось поражением, но рабочие и крестьяне Болгарии, следуя заветам Ленина, не впадают в уныние и отчаяние, а готовятся к тому, чтобы довести свое освободительное движение до окончательной победы. И как во время восстания, так и после него идеи Ленина остаются путеводной звездой для всех трудящихся масс Болгарии. Именно благодаря строгому соблюдению ленинских заветов Болгарская коммунистическая партия успела очень быстро оправиться после поражения, в корне пресечь появившиеся кое-где ликвидаторские стремления и остаться подлинной боевой секцией основанного Лениным Коммунистического Интернационала.

Точно так же и профессиональное движение Болгарии, выросшее в борьбе с оппортунизмом, было и остается глубоко проникнутым основными идеями Ленина о нераздельности экономической и политической борьбы пролетариата, о подчинении всех групповых и цеховых интересов общим интересам рабочего класса и о революционных по существу целях классовых задач профдвижения.

Несмотря на разгром, которому подверглись после сентябрьского поражения профессиональные союзы, они уже сейчас находятся на пути к восстановлению. Правда, руководящие кадры профработников сильно поредели. Одни убиты, другие в тюрьмах, третьи в вынужденном изгнании. Но болгарские рабочие, прошедшие хорошую л е н и н с к у ю школу, выдвигают из своей среды новые молодые силы, которые с честью несут красное знамя революционного рабочего движения. Мало-помалу союзы выходят из подполья, в которое загнала их существующая реакция. Уже снова появляются рабочие профессиональные газеты. Вместо запрещенного «Труда», вышло «Работническо единство». Стали выходить газеты транспортников, банковских и торговых служащих, учителей, официантов и т. д.

Так называемые «широкие» социалисты, участвующие в правительственном контрреволюционном блоке, рассчитывали использовать поражение восстания для оживления созданных ими реформистских союзов. Но последние так и остались мертворожденными. Предательская роль, которую социалисты сыграли во время восстания рабочих и крестьян, навсегда убила даже тень их влияния среди трудящихся масс, и никакие силы реакции не смогут толкнуть в их сторону пролетарские организации.

Оживление забастовочного движения за последнее время, готовность рабочих давать отпор перешедшим в наступление капиталистам свидетельствуют о том, что боевой дух болгарских рабочих не убит. Решительный бой для них еще впереди, и пример русских большевиков, под руководством Ленина одержавших окончательную победу над своей буржуазией, по-прежнему воодушевляет рабочих и крестьян Болгарии.

С. Гин

«Труд», 1924, 1 февраля

БЕЗ ЛЕНИНА — С ЛЕНИНИЗМА *

Три години — без гениалния вдъхновител, организатор и стратег на победоносната Октомврийска революция; три години без общепризнатия и незаменим вожд на международния революционен пролетариат, три години — без великия любим и незабравим учител на пролетарията, на трудящите се селяни и угнетяваните от империализма народи.

Изминатият път през тоя тригодишен период от Ленинската партия и от целия Комунистически Интернационал, без непосредственото ръководство на самия Ленин, — период тежък и изпълнен с колосални трудности и опасности — се яви не само крайно поучителен, но в същото време представлява едно неопровержимо доказателство за могъществото на Л е н и н и з м а, това велико наследство, оставено нам от великия вожд.

Преди три години, в деня на смъртта на Ленина, когато милиони пролетарии, трудящи се селяни и национално угнетени маси във всички части на света бидоха потопени в неизразима скърб — капиталистическия мир, всички врагове на Съветския Съюз, на комунизма и на международната пролетарска революция, подло тържествуваха. Знаейки добре изключителната роля на Ленина в большевишката партия, в победата на Октомврийската революция, в укрепването на Съветската власт и социалистическото строителство и в основаването и развитието на Комунистическия Интернационал, те очакваха, че с неговата смърт неизбежно трябва да настъпи «началото на края» — разпадането на болшевишката партия и ръководената от нея пролетарска диктатура, разпадането на Комунистическия Интернационал и отстранение опасността за капитализма от мировата пролетарска революция.

В противовес обаче на тия злостни очаквания на враговете смъртта на гениалния вожд сплоти още повече редовете на Ленинската партия и на Коминтерна. Липсата, именно на Ленина увеличи стократно чувството на отговорността у партийната маса и в целия пролетариат за съдбата на партията и на Октомврийската революция, на диктатурата на пролетарията и на международното пролетарско движение. Останали без непосредственото ръководство на своя вожд, те проявиха неподражаема активност, самопожертвователност и напрежение на сили и толкова поупорито продължиха да вървят по начертания от Ленина път и в изпълнение на неговите завети — запазване Ленинското единство и железна дисциплина на партията — укрепване диктатурата на пролетарията, съхранение на съюза между пролетарията и селяните, неуморно строителство на социализма, непоколебимо вървене напред към окончателната революционна победа в миров мащаб. Дълбоката и безгранична скърб по изгубения вожд и учител се превърна в стихийен подем и твърда увереност, че с помощта на Л е н и н и з м а и под ръководството на единната и монолитна партия на Ленина, всички трудности и опасности ще бъдат преодоленни, социализмът ще бъде построен и окончателната победа над буржуазията ще бъде завоювана.

Настъпилите нови големи трудности по пътя на строителството на социализма и временната затайжка в развитието на международната пролетарска революция, предизвикаха отново колебания и съмнения в средата на ония елементи в партията, даже всред старата болшевишка гвардия, които и друг път, при особено трудни и сложни ситуации, бяха проявили колебание и неверие в силите на пролетарията. В своето фракционно озлоб-

* Статията на др. Димитров, членна ЦК БКП и ИККИ е написана по случай тригодишнината от смъртта на Ленина, ние късно я получихме в редакцията, но тя и сега не е загубила своето значение (Редакцията).

ление те сега помислиха, че могат да използват отсъствието на Ленина, за да отклонят партията от нейния Ленински път. Така нареченият опозиционен блок си позволи да предприеме един нечувано дързък атентат срещу единството на Ленинската партия и на Коминтерна, както цялата история на болшевизма не познава. Нещо повече — разбит в собствената си партия, тоя блок се опита да противопостави Коминтерна на неговия авангард — ВКП.

Още веднаж след смъртта на Ленина враговете на пролетарската революция — от бесните руски белогвардейци и крайни империалисти до лицемерните социалпатриоти — бидоха обладани от неопишуема радост. Още една стъпка — си мислеха те — и монолитната единна ленинска партия ще бъде разцепена на две враждуващи партии, стихията на гражданската война в Съветския Съюз ще се разрази, пролетарската диктатура из основа ще се поколебае, «многоглавата червена хидра» ще бъде смазана и пътеводната звезда на международния пролетариат и угнетените от империализма източни народи ще угасне.

Но и тоя път — без Ленина, но с Ленинизма — болшевишката партия и Комунистическият Интернационал победиха опасността. Радостта на враговете бе твърде кратковременна. Тя се замени с една достигаща до неуравновесеност лудост и ненавист против Съветския Съюз.

Опозицията си разби главата в железната ленинска сплотеност на Всесъюзната Компартия и Комунистическия Интернационал. Самозабравилите се водители на опозиционния блок получиха такъв оглушителен урок от масите на партията и от целия Коминтерн, който за дълго не ще забравят. И тоя път Ленинизмът издържа бляскава победа. Осветлявана и въодушевявана от него милионната ленинска партия и заедно с нея целият Комунистически Интернационал вървят с още по-голяма сплотеност и увереност и водят широките маси по пътя на строителството на социализма в Съветския Съюз и на обезпечаване победата на мировата пролетарска революция.

Днес, в деня на тригодишнината от смъртта на Ленина, международният капитализъм продължава усилено своето настъпление. Неговият бес против Съветския Съюз толкова повече расте, колкото по-ясно става за него, че е д и н с т в о т о на Ленинската партия е несъкрушимо, че не могат да се възлагат никакви сериозни надежди на разложителната дейност, на разните опозиционери, че партията е напълно способна, опирайки се на съюза на пролетарията и селяните в Съветския Съюз и имайки политическата подкрепа на международния пролетариат, да преодолее всички вътрешни трудности и да доведе до успешен край извършващото се в страната строителство на социализма. Бесът на международния капитализъм се увеличава още повече, когато всекидневно на практика той се убеждава, че строителството на социализма в Съветския Съюз е един от най-могъщите фактори за окончателната победа над буржуазията в мирови мащаб. Фашистките преврати се редят един след друг. След Италия — България. След Полша — Литва. Сега се подготвя подобен преврат в Латвия и другите прибалтийски страни. Усилено се фашизира Ромъния. Международният капитализъм на чело с английския империализъм полага всячески усилия да стяга обръча около Съветския Съюз. Опасността от военно нападение срещу Съветския Съюз все повече се приближава. Нови изпитания за страната на пролетарската диктатура и за международния пролетариат се подготвяват.

Тежко, трудно, мъчително е без Ленина в тая обстановка. Трудно е за ВКП, трудно е за целия Комунистически Интернационал без гениалния вожд и стратег, знаят това враговете. Въпреки досегашните си разочарования те все още ще искат да разчитат на тоя факт. Но тъкмо за това пък

толкова по-грижливо ще трябва да се пази, като зеницата на окото, единството, ленинското единство на Комунистическия Интернационал и на неговия член отряд ВКП. Толкова по-безпощадно трябва да се смазват всякакви опити за подкопаване на това единство и да се ликвидират още в самия си зародиш проявяващите се антиленински уклони. Толкова по-уверено трябва да се върви напред, винаги добре въоръжени с ленинизма.

Всесъюзната Комунистическа Партия и Комунистическият Интернационал за жалост без Ленина, но за щастие с неговото могъщо оръжие ленинизма ще могат да посрещнат достойно новите трудности и надигащите се военни опасности.

По волята на съдбата корабът на пролетарската революция ще трябва да премине през всички Сцили и Харидби (теснини и подводни скали) на класовата война между пролетарията и буржуазията без гениалното полководство на Ленина.

И той ще ги премине благополучно за да изведе трудящото се човечество на спасителния бряг, благодарение на оставения от Ленина верени изпитан компас — Ленинизма.

Г. Димитров

«Съветско село», 14 II 1927

БЕЗ ЛЕНИНА — С ЛЕНИНИЗМОМ

Три года — без гениального вдохновителя, организатора и стратега победоносной Октябрьской революции, три года — без общепризнанного и незаменимого вождя международного революционного пролетариата, три года — без великого, любимого и незабываемого учителя пролетариата, трудящегося крестьянства и угнетаемых империализмом народов.

Путь, пройденный Ленинской партией и всем Коммунистическим Интернационалом без непосредственного руководства самого Ленина за этот трехлетний период — период тяжелый и наполненный колоссальными трудностями и опасностями — не только является весьма поучительным, но в то же время представляет собой неопровержимое доказательство могущества ленинизма, этого великого наследия, оставленного нам великим вождем.

Три года назад, в день смерти Ленина, когда миллионы пролетариев, трудящихся крестьян и национально угнетенные массы во всех частях света были объаты невыразимой скорбью, капиталистический мир, все враги Советского Союза, коммунизма и международной пролетарской революции подло торжествовали. Хорошо зная исключительную роль Ленина в большевистской партии, в победе Октябрьской революции, укреплении Советской власти и социалистическом строительстве и в основании и развитии Коммунистического Интернационала, они ожидали, что с его смертью наступит «начало конца» — начнется распад большевистской партии и руководимой ею пролетарской диктатуры, распад Коммунистического Интернационала и исчезнет опасность для капитализма от мировой пролетарской революции.

Однако, вопреки этим злостным ожиданиям врагов, смерть гениального вождя еще больше сплотила ряды ленинской партии и Коминтерна. Именно отсутствие Ленина во сто крат увеличило у партийной массы и у всего пролетариата чувство ответственности за судьбу партии, Октябрьской революции, диктатуры пролетариата и международного пролетарского движения. Оставшись без непосредственного руководства своего вождя, они проявили беспримерную активность, самопожертвование и напряже-

ние сил и еще упорнее продолжали идти по начертанному Лениным пути, выполнять его заветы — хранить по-ленински единство и железную дисциплину партии, укреплять диктатуру пролетариата, крепить союз между пролетариатом и крестьянством, неутомимо строить социализм, непоколебимо идти вперед к окончательной победе революции в мировом масштабе. Глубокая и безграничная скорбь по потерянному вождю и учителю превратилась в стихийный подъем и твердую уверенность, что с помощью л е н и н и з м а и под руководством единой и монолитной партии Ленина все трудности и опасности будут преодолены, социализм будет построен и окончательная победа над буржуазией будет завоевана.

Наступившие новые большие трудности на пути строительства социализма и временная задержка в развитии международной пролетарской революции вновь вызвали колебания и сомнения в среде определенных элементов в партии, даже в рядах старой большевистской гвардии, которые и раньше при особенно трудных и сложных ситуациях проявляли колебание и неверие в силы пролетариата. В своем фракционном озлоблении они теперь решили, что могут использовать отсутствие Ленина, чтобы склонить партию с ее ленинского пути. Так называемый оппозиционный блок попытался предпринять такое неслыханно дерзкое покушение на единство ленинской партии и Коминтерна, какого не знала вся история большевизма. Более того, разгромленный в собственной партии, этот блок попытался противопоставить Коминтерну его авангарду — ВКП.

После смерти Ленина враги пролетарской революции — от злобствующих русских белогвардейцев и махровых империалистов до лицемерных социал-патриотов еще раз испытали чувство неописуемой радости. Еще один шаг, — думали они, — и монолитная единая ленинская партия будет расколота на две враждующие между собой партии, в Советском Союзе вспыхнет гражданская война, будут поколеблены основы диктатуры пролетариата, «многоглавая красная гидра» будет уничтожена и угаснет п у т е в о д н а я з в е з д а международного пролетариата и угнетенных империализмом восточных народов.

Но и на этот раз — без Ленина, но с ленинизмом — большевистская партия и Коммунистический Интернационал победили опасность. Но радость врагов была весьма кратковременной. Она сменилась безумной яростью и ненавистью против Советского Союза.

Оппозиция разбила себе голову о железную ленинскую сплоченность Всесоюзной компартии и Коммунистического Интернационала. Зарвавшиеся вожаки оппозиционного блока получили ошеломляющий урок от партийной массы и от всего Коминтерна, которого они долго не забудут. И на этот раз ленинизм одержал блестящую победу. Направляемая и воодушевляемая им многомиллионная ленинская партия и вместе с ней весь Коммунистический Интернационал идут вперед с еще большей сплоченностью и уверенностью и ведут широкие массы по пути строительства социализма в Советском Союзе и к обеспечению победы мировой пролетарской революции.

Сегодня, в день третьей годовщины со дня смерти Ленина, международный капитализм усиленно продолжает свое наступление. Его ненависть к Советскому Союзу тем более возрастает, чем яснее становится, что е д и н с т в о ленинской партии несокрушимо, что нельзя возлагать никаких серьезных надежд на разлагающую деятельность разного рода оппозиционеров, что партия, опираясь на союз пролетариата и крестьянства в Советском Союзе и пользуясь политической поддержкой международного пролетариата, вполне способна преодолеть все внутренние трудности и успешно довести до конца осуществляющееся в стране строительство социализма. Ярость международного капитализма усиливается еще больше, когда

он ежедневно убеждается на практике, что строительство социализма в Советском Союзе является одним из самых мощных факторов в достижении окончательной победы социализма в мировом масштабе. Фашистские перевороты следуют один за другим. За Италией — Болгария. Вслед за Польшей — Литва. Теперь готовится подобный переворот в Латвии и других прибалтийских странах. Усиленно фашизируется Румыния. Международный капитализм во главе с английским империализмом прилагает всяческие усилия, чтобы стянуть кольцо вокруг Советского Союза. Угроза военного нападения на Советский Союз все более приближается. Страну пролетарской диктатуры и международный пролетариат ожидают новые испытания.

Тяжело, трудно, мучительно без Ленина в этой обстановке. Трудно ВКП, трудно всему Коммунистическому Интернационалу без гениального вождя и стратега, и это знают враги. Вопреки постигшим их разочарованиям, они все еще рассчитывают на это. Вот почему так бережно как зеницу ока надо хранить единство, ленинское единство Коммунистического Интернационала и его передового отряда — ВКП. Тем беспощаднее надо пресекать всякие попытки к подрыву этого единства и ликвидировать еще в самом зародыше проявляющиеся антиленинские уклоны. Тем увереннее надо идти вперед, всегда будучи хорошо вооруженными ленинизмом.

Всесоюзная Коммунистическая партия и Коммунистический Интернационал, к с о ж а л е н и ю , б е з Л е н и н а , н о , к с ч а с т ь ю , с е г о м о г у ч и м о р у ж и е м — л е н и н и з м о м — смогут достойно встретить новые трудности и надвигающиеся военные опасности.

По воле судьбы кораблю пролетарской революции придется миновать все С ц и л л ы и Х а р и б ы (узкие проходы и подводные скалы) классовой войны между пролетариатом и буржуазией без гениального полководческого руководства Ленина.

И он пройдет их благополучно, и выведет трудящееся человечество на спасительный берег, благодаря оставленному Лениным в е р н о м у и и с п ы т а н н о м у к о м п а с у — ленинизму.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

В. А. ДЬЯКОВ

АВТОГРАФЫ Т. Г. ШЕВЧЕНКО В КРАКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ ЧАРТОРЫСКИХ

Письма Т. Г. Шевченко, адресованные Брониславу Залескому и относящиеся к 1853—1859 гг., были известны ранее по копиям, которые еще в 1883 г. опубликовал в «Киевской старине» М. П. Драгоманов¹. О существовании писем М. П. Драгоманов узнал от В. Д. Спасовича и с его помощью получил копии от Игнация Крашевского. К сожалению, копирование было осуществлено недостаточно тщательно и специалисты-текстологи нашли в тексте немало очевидных ошибок и неясностей, которые по мере возможности были устранены ими при подготовке шестого тома полного собрания сочинений Т. Г. Шевченко в 1957 и 1964 гг. Большую помощь при этом оказал подготовленный И. Я. Франко юбилейный сборник, в котором использовался более исправный и тоже не сохранившийся комплект копий, сделанных Бр. Залеским². Что касается оригиналов, то до последнего времени было установлено местонахождение только двух писем, которые хранятся в бумагах Богдана Залеского в рукописном отделе Ягеллонской библиотеки. Ныне в распоряжение исследователей поступили подлинники остальных четырнадцати писем — они обнаружены также в Кракове, но в другом месте (среди материалов Бр. Залеского в рукописном отделе Библиотеки Чарторыских)³.

Сенсационную для шевченковедов находку сделал научный сотрудник библиотеки магистр Збигнев Войнар. В своей статье, рассказывающей об этом открытии, он писал: «Во время упорядочения рукописного наследства Бронислава Залеского мое внимание привлек небольшой пакетик с 14-ю письмами, написанными по-русски. <...> Отсутствие подписи под ними и неразборчивый почерк обусловили то, что до сих пор с письмами никто не познакомился поближе»⁴. Последнее соображение может относиться, собственно, только к работникам библиотеки, так как бумаги Бр. Залеского, пока они не были разобраны, не выдавались исследователям, среди которых, наверное, нашлись бы специалисты, хорошо знающие почерк Т. Г. Шевченко и тексты его сравнительно немногочисленных писем.

Вполне естественно, что известие о находке Зб. Войнара прежде всего привлекло внимание ученых и общественности на Украине. В июне 1970 г. о ней было подробно рассказано на страницах «Литературной Украины»⁵. Любезно высланные из Кракова микрофотокопии писем получил Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР,

¹ М. Т. - о в. Письма Т. Г. Шевченка к Бр. Залескому. «Киевская старина», 1883, № 1—3.

² «Листочки до вінка на могилу Шевченка в XIX роковини його смерті». Львів, 1890.

³ Автору этих строк удалось ознакомиться с ними по микрофильму, полученному благодаря любезности краковского историка Оттона Бейерсдорфа.

⁴ Z b. W o j n a r. Odnalezienie listy Tarasa Szewczenki do Bronisława Zaleskiego. «Dziennik Polski», № 74, 28—30 III 1970, s. 3.

⁵ Є. Г у м е н ю к. Як було знайдено автографи Шевченка. «Літературна Україна», 1970, 12 VI.

который является ведущим центром советского и мирового шевченковедения⁶. Результаты тщательного изучения текста автографов и сопоставления их с последней публикацией писем в полном собрании сочинений изложены в недавно появившейся статье Ангелины Полотай⁷. Подробнейшим образом излагает она историю автографов и тех двух копийных вариантов, из которых один был опубликован в «Киевской старине», а другой обильно цитировался в юбилейном сборнике И. Я. Франко. Затем в статье воспроизводятся разночтения, обнаруженные при сопоставлении оригиналов с опубликованным текстом. Оказывается, что число разночтений весьма значительно, и речь идет не только о мелких поправках в написании отдельных слов и пунктуации, но и о некоторых смысловых расхождениях и существенных пропусках в тексте.

Так в письме, помещенном в академическом издании под № 61, вместо «задумчивые ваши речи» у Т. Г. Шевченко было «задушевные ваши речи», а вместо «хорошо скопировать» — «по[н]проси скопировать». В письме под № 62 пропущена часть фразы, содержащая резкую и довольно выразительную характеристику госпожи Юрасовой для передачи прапорщику К. Е. Поспелову, с которым Т. Г. Шевченко вместе участвовал в Аральской экспедиции⁸. В письме под № 88 фигурировал некий Михайлов, которого по контексту биографы обоснованно идентифицировали с Михаилом Цейзиком⁹. Автограф подтвердил эту версию, обнаружив чисто механическую ошибку переписчика, который вместо «через Михайла» написал «через Михайлова». Выяснилась история и с таинственным Фомой Лазаревским (№ 62): в оригинале речь идет о Ф. (т. е. Федоре) Лазаревском, а в копии инициал был расшифрован ошибочно.

Письма Т. Г. Шевченко к Бр. Залескому изобилуют польскими именами и фамилиями; в них же упоминаются и М. И. Михайлов, и А. Н. Плещеев, и другие деятели русского освободительного движения. Естественно, что эти письма были и остаются важнейшим источником для изучения не только биографии великого Кобзаря, но и литературно-общественных связей народов России, Украины и Польши. Именно поэтому обнаружение краковских автографов важно как для шевченковедов, так и для других исследователей, занимающихся той же эпохой. Совершенно очевидно, что до внесения соответствующих изменений в академическое издание сочинений Т. Г. Шевченко всем тем, кто будет работать с письмами к Бр. Залескому, необходимо будет учитывать дефекты имеющихся публикаций. Упомянутые выше статьи, посвященные краковской находке, в особенности статья Ангелины Полотай, ценны тем, что они дают полное представление о подлинниках писем и позволяют избежать ошибок при использовании их текста.

⁶ Фотокопии автографов хранятся в рукописном отделе Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, ф. 1, № 893—906.

⁷ А. П о л о т а й. Новознайдени автографи листів Т. Г. Шевченка до Броніслава Залеського. «Радянське літературознавство», 1971, № 6, стор. 59—73.

⁸ Подробнее о Поспелове см.: Л. Б о л ь ш а к о в. Літа невольничі. Книжка пошуків і досліджень про Шевченка періоду заслання. Київ, 1971, стор. 343—345.

⁹ Л. Б о л ь ш а к о в. По следам оренбургской зимы. Челябинск, 1968, стр. 39—42.

ИВАН ИВАНОВИЧ

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ ЛЬВА ТОЛСТОГО В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ

Весть о смерти Льва Толстого разнеслась по всему миру. Мировая печать писала о Толстом и его творчестве, состоялись траурные заседания. Босния и Герцеговина присоединились к мировой общественности, достойно отреагировав через свой сабор и печать на смерть Толстого. Факт тем более значительный, если принять во внимание, что страна была аннексирована Австро-Венгерской империей и потому сабор и печать находились в особых и притом тяжелых условиях. Печать подвергалась строгой австро-венгерской цензуре, а сабор зависел от австро-венгерского правительства.

Наряду с этим, венский парламент по ряду причин не был благосклонен к Толстому. Это видно из того, что христианские социалисты энергично воспротивились тому, чтобы по предложению социалистов в венском парламенте состоялось траурное заседание, посвященное его памяти. И не случайно наследник престола Франц Фердинанд вычеркнул фамилию Толстого из списка кандидатов в академики, предложенного Пражской академией.

Венское правительство не могло простить писателю, что он поднял голос против аннексии Боснии и Герцеговины. По этому поводу он опубликовал статью «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии»¹, которая была переведена на немецкий язык. В статье Толстой назвал Австрийскую империю «разбойничьим гнездом».

Но несмотря на все трудности, печать Боснии и Герцеговины (сербские, мусульманские и хорватские газеты) регулярно информировали общественность об уходе, болезни, смерти и похоронах Толстого, а также печатали статьи и высказывания известных писателей и ученых о нем.

На 35-м заседании сабора Боснии и Герцеговины, состоявшемся 23 ноября 1910 г., первый пункт повестки дня носил название «Памяти покойного Льва Николаевича Толстого». На этом заседании, состоявшемся под председательством д-ра Сафета Башагича, от земельного правительства присутствовали заместитель его главы Исидор Бенко, три руководителя департаментов и референт правительства. Однако это ничуть не помешало депутату Косте Майкичу, получив слово, сказать следующее:

«Господа депутаты! В Астапове, в маленьком поселке обширного русского государства, в воскресенье утром, в 6 часов 5 минут отдал свою благородную душу один из величайших людей, который принадлежит своей деятельностью и своими идеалами не только России и славянству, но и всему человечеству; с этим миром расстался человек, сердце которого было огромно, а дух так велик, что охватывал все человечество. Об этом великом человеке скорбит и плачет не только великая русская нация; его смерть вызвала боль и печаль у всех культурных народов, которые могут понять и оценить неизмеримое богатство мысли, которое этот великий человек оставил в своих произведениях грядущим поколениям, чтобы они становились благороднее и возвышались к более чистой и совершенной жизни.

¹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 37. М., 1956, стр. 222—242.

Человек, о котором я говорю и память о котором будет долго и вечно прославлять человечество, — Лев Николаевич Толстой.

И если во всех концах огромного мира оплакивают смерть этого гиганта души, этого борца за права и достоинство человека, сердце которого до последней минуты билось за слабых, несчастных, бедных, униженных и оскорбленных, то присоединимся и мы, господа депутаты, к этой всемирной скорби и словами! „Вечная ему слава“ — воздадим в этом высоком учреждении память великому бессмертному — Льву Николаевичу Толстому!»².

Депутаты встают и восклицают: «Вечная ему слава!»

После этого депутат Шченан Грджич по договоренности с членами Сербского клуба предлагает сабору послать русскому правительству по поводу смерти Льва Толстого соболезнование следующего содержания:

«Президиуму думы. Петроград.

Самый молодой славянский Сабор выражает свое глубокое соболезнование великому русскому народу по случаю смерти великого мыслителя Льва Николаевича Толстого.

Президиум Сабора Боснии и Герцеговины»³.

Депутаты приняли это предложение единогласно.

Земельное правительство в Сараеве в тот же день известило об этом телеграммой объединенное министерство финансов в Вене и сообщило текст соболезнования⁴.

В Вене надлежащие органы заявили, что сабор, направляя соболезнование русскому правительству, нарушил тем самым конституцию. По этому поводу министр Степан Буриан написал 25 ноября 1910 г. письмо барону Бенко, где советует ему при удобном случае, в беседе, обратить внимание президнума сабора на этот факт и предупредить, чтобы в будущем он придерживался конституционных установлений и порядка работы сабора⁵.

Степан Буриан, конечно, видел в этом акте сабора Боснии и Герцеговины выражение славянской солидарности. А если добавить, что газеты «Српска реч» (№ 246, стр. 3) и «Боснише пост» (№ 248, стр. 3) опубликовали соболезнование сабора русской думе и речь Майкича о Толстом, ознакомив с этим, следовательно, и широкую общественность, тогда станет понятным, что это не могло быть по душе австрийским властям.

Подробнее следует сказать о газетных откликах. «Сараевски лист» первый и в то же время дольше других — с 14 ноября по 14 декабря 1910 г. — сообщал о Толстом (№ 271—297). 14 ноября он опубликовал сообщение о том, что Толстой покинул Ясную Поляну, «намереваясь в одиночестве провести свои последние дни», что он оставил письмо, в котором говорит о невозможности продолжать прежнюю жизнь, не соответствующую его идеалам. Сообщалось также, что супруга Толстого дважды пыталась совершить самоубийство (№ 271, стр. 2).

С тех пор, вплоть до 14 декабря почти в каждом номере газеты «Сараевски лист» можно найти сообщения, в ряде случаев весьма подробные и, как правило, полученные из России, о пути Толстого, его болезни (регулярно выходил бюллетень о состоянии его здоровья), смерти и похоронах, о действиях русской церкви и государства, русских студентов и гимназистов в связи с кончиной великого писателя. Интересно, в частности, что на следующий день после смерти Толстого, 21 ноября, в «Сараевском листе» появилась статья Джордже А. Чокорила «Граф Лев Толстой. 1828—1910», в которой он говорит, что в душе Толстого «горела любовь ко всему миру, ко всему человеческому роду», и цитирует некоторые толстовские мысли о жизни.

² Stenografski izvještaji o sjednicama bosansko-hercegovačkog Sabora god. 1910/11. I zasjedanje. Sv. II. Sarajevo, 1911, s. 287—288.

³ Ibid., s. 288.

⁴ Телеграмма областного правительства опубликована в кн.: Н. К а р и д ž и ć. Bosna i Hercegovina pod austrougarskom upravom. Sarajevo, 1968, s. 378.

⁵ Ibid., s. 378—379.

«Сараевски лист» передает заявление профессора Венского университета Ватрoслава Ягича, в котором подчеркивается, что смерть Толстого является невосполнимой утратой для всего цивилизованного мира. Говоря о проникновении произведений Толстого в славянские страны, он констатирует, что этот процесс развивался относительно медленно из-за политической борьбы в этих странах, а также из-за недостатка технических и материальных возможностей (№ 289, стр. 2).

Редакция газеты опубликовала анекдот «Толстой и американка», напечатанный в парижской газете «Фигаро». Здесь говорится об одной неловкой ситуации, в которой оказалась американка перед Толстым. Великий писатель находился в Крыму, поправляя свое здоровье. В это же время в Ялту прибыла группа американцев и выразила пожелание видеть Толстого. Их просьба была удовлетворена таким образом, что Толстой выйдет на балкон, а американцы, не беспокоя его, молча пройдут мимо. Однако одна американка не могла удержаться и крикнула:

— Лев Толстой, все твои произведения оказали большое влияние на мою жизнь, но книга, которая оказала на меня самое сильное впечатление, это ваша книга...

Поскольку американка не могла вспомнить, какая это книга, Толстой нагнулся над балюстрадой своего балкона и шепнул ей, улыбаясь:

— Мертвые души.

— Да, да. Мертвые души! — ответила быстро американка.

— Это книга Гоголя, а не моя, — ответил Толстой, улыбаясь (№ 293, стр. 2).

Первой газетой в Боснии и Герцеговине, которая сообщила о смерти Льва Толстого, причем за день до того как это случилось, была «Српска риеч». В субботу, 19 ноября, на первой полосе газеты было напечатано три материала: на месте передовицы — статья «Граф Лев Толстой», затем «Умер Толстой» и перевод его рассказа, который был в России запрещен цензурой: «Живые и мертвые. Последний рассказ Льва Толстого» В первой статье (без подписи автора) дается обзор крупнейших произведений Толстого, подвергается критике оценка, данная Толстому Максом Нордау и христианским социалистом Белогавлеком; указывается на различия в этических взглядах Ницше и Толстого и обращается внимание на взгляды итальянского историка и социолога Гульельма Ферере (1871—1942), который «видит в сердце России — Москве великую загадку» и глубоко размышляет о том, «является ли Россия обновительницей общеевропейской жизни». Свою статью неизвестный автор заканчивает следующими словами: «Мы, славяне, гордимся, что славянская среда дала такого великого человека, который был титаном среди нынешних литературных пигмеев. Вечная ему слава!»

Во второй статье автор, также неизвестный, после констатации, что со смертью Толстого «Россия потеряла самого славного своего сына, а человечество самого честного своего мыслителя и величайшего поэта», обрисовывает в кратких чертах некоторые философские взгляды Толстого (№ 243, 2).

Думается, что редакция газеты «Српска риеч» ошибочно известила читателей о смерти Толстого ввиду сообщения, полученного из России, в котором говорится, что Толстой умер. Ложное известие было тут же опровергнуто. Эту весть, а также ее опровержение «Сараевски лист» опубликовал 17 ноября (№ 274, стр. 3) под названием «Ошибочное сообщение о смерти Льва Толстого». Вероятно, редакция газеты «Српска риеч» не обратила внимания на этот текст в «Сараевском листе» и поэтому объявила о смерти Толстого на день раньше. Нечто подобное, как сообщает «Сараевски лист», сделал и французский парламент, который, не зная, что сообщение о смерти Толстого опровергнуто, «присоединился... к скорби русского народа» — 18 ноября (№ 275, стр. 2).

Редакция газеты «Српска риеч» в следующем номере не исправила своей ошибки. Но 24 ноября она опубликовала на первой странице статью «Лев Толстой», которая начинается словами: «После стольких волнений и противоречивых сообщений все человечество будто с трудом соглашается верить, что Толстой действительно умер в небольшом монастыре Астапово в воскресенье утром, в 6 часов 5 минут». Этим, следовательно, косвенно указывается, что первое сообщение было неточным.

В номере от 26-го ноября редакция газеты опубликовала материал «Мнения писателей о Толстом» (стр. 2—3). Это высказывания о Толстом немецкого писателя Гер-

харда Гауптмана (1862—1946), итальянского писателя Антонио Фогакаро (1842—1911) и французского романиста Поля Бурже (1852—1935).

Гауптман говорит о Толстом, которого он называет Савонаролой и Христом: «Это был человек, брат наш: в нем горел неугасимый огонь любви и человечности, а Синод принял его за адский огонь. В нем горел дух, которого не может погасить поп своей клеветой... Толстой был реформатором людей».

Фогакаро, роман которого «Святой», напомним кстати, папа внес в список запрещенных книг, говорит наряду со всем прочим, что какой-то внутренний голос приказывает ему отдать последние почести «Великому и Сильному» (т. е. Толстому. — *И. И.*), Толстой для него — «колоссальная фигура из огня и тени», «непревзойденный творец живых душ, непревзойденный поэт их судеб», «голос абсолютной истины» и т. д.

Полю Бурже утверждал, что никто, кроме Толстого, не обладал таким сильным талантом заметить индивидуальность вещей и явлений, проникнуть и изучить внутренний мир человека, определить тончайшие переживания личности. Но Бурже подчеркивает также и то, что Льву Николаевичу не хватало чувства композиции, чтобы организовать огромную «массу документов» в «Войне и мире».

В конце напомним, что редакция газеты «Српска риеч» по случаю смерти Толстого направила русской думе соболезнование следующего содержания:

«Президиуму Русской царской Думы

Петроград

Примите, пожалуйста, искреннее соболезнование горю, которое охватило русский народ со смертью Льва Николаевича Толстого, великого русского и славянина, проповедника свободы и защитника униженных.

Редакция газеты „Српска риеч“.

Ни одна из других редакций в Боснии и Герцеговине, по данным, которыми мы располагаем, не послала своего соболезнования.

2 декабря 1960 г. на второй странице газеты «Освобождение» автор И. К. опубликовал краткую заметку об откликах на смерть Толстого в сараевской печати, но не указал того, что «Српска риеч» дала неточные сведения о дне и месте смерти Толстого и того, что «Глас слободе» также ошибочно сообщал, что Толстой умер в монастыре Астапово (на самом же деле Толстой умер в комнате начальника железнодорожной станции Астапово).

В своей заметке автор указывает, что «Мусават» — орган мусульманского народного землячества — не реагировал на смерть Толстого, а сообщил 19 ноября о том, что Сараевский театр покажет «Воскресенье» Толстого (№ 94, стр. 3). Кстати, «Хрватски дневник» дал то же самое объявление 18 ноября.

В связи с этим спектаклем существует следующее свидетельство: Фадил Куртович писал 25 ноября 1910 г. в газете «Муслиманска слога», что 19 ноября Сараевский театр давал в Общественном доме пьесу Толстого «Воскресенье» перед множеством учащих и что они восклицали в адрес Толстого «Вечная ему слава» (№ 84, стр. 3). Принимая во внимание, что в тот день «Српска риеч» сообщила о смерти Толстого, зрители, конечно, были уверены, что Толстой действительно умер. Потому они, вероятно, и пришли на спектакль в большом количестве, отсюда и возгласы «вечная ему слава!».

«Глас слободе» — орган социал-демократической партии в Боснии и Герцеговине — также откликнулся на смерть Толстого интересными материалами. Так, 23 ноября вышла статья «Лев Толстой» (№ 77, стр. 1—2), в которой подчеркивается, что Толстой, несмотря на то что он не был ни социалистом, ни анархистом, «умел в своих произведениях бичевать недостатки буржуазного общественного строя, в самых правдивых чертах он рисовал несчастье народа, описал в своих книгах беды милого его сердцу русского мужика и сам ушел в деревню и жил как мужик». В статье далее подчеркивается, что Лев Толстой был большим другом несчастных и угнетенных.

7 декабря в газете «Глас слободе» появилась статья «Одно интересное сравнение», в которой автор пишет об откликах на смерть Толстого в России и во всем мире, о его учении, об отлучении от церкви и т. д. По словам автора, Толстого оплакивали во всем мире, кроме Вены (№ 81, стр. 2—3).

Газета «Муслиманска слога» — орган Мусульманской независимой партии — также широко откликнулась на смерть Льва Толстого. Фадил Куртович опубликовал в ней 22 ноября 1910 г. статью под названием «Толстой», где он подчеркивает нравственные и литературные заслуги покойного, осуждая русскую церковную мафию и другие русские круги, преследовавшие Толстого за его учение.

Напомним, кстати, что Куртович сделал в своей статье ошибку, назвав Орлеанскую деву «английской героиней» вместо — французской. В следующем номере газеты эта ошибка была исправлена (№ 84, стр. 2—3).

Журнал «Гайрет» в своем декабрьском номере 1910 г. в статье «Лев Толстой» сообщил о смерти великого писателя (№ 12, стр. 198). Редакция «Гайрета» опубликовала этот текст на видном месте, подчеркнув его жирной черной чертой, чтобы сделать более заметным.

«Хрватски дневник» передавал сообщения, связанные со смертью Толстого, во всех номерах от 265 до 275, затем в № 278, 280, 282, 283, 284, 289. Поэтому сведения автора И. К. в газете «Ослободженье» 2 декабря 1960 г. (стр. 2), что «Хрватски дневник» писал о Толстом только в четырех номерах (270—273), являются неточными.

В газете «Хрватски дневник» в основном выходили телеграфные сведения из России подобно тому, как это было в газете «Сараевски лист». Однако наряду с сообщениями о болезни, смерти и похоронах Толстого, в этой газете опубликовано три текста о Толстом, которых мы не находим в других изданиях. Это следующие материалы: «Толстой — новый Лир» (№ 269, стр. 2), «Толстой и граммофон» (№ 272, стр. 2), «Толстой и парламентаризм» (№ 273, стр. 2).

Первый текст является в сущности статьей, которую опубликовал венгерский писатель Лайош Доци (1845—1919) в венгерской газете. Доци превозносит Толстого: «Этот человек (Толстой. — *И. И*) был князем по своему богатству и силе, а по гениальности и славе был королем более великим, чем Лир, потому что его королевство нельзя ни разделить, ни отнять, ни наследовать. В великой России, — продолжает Доци, — он является величайшим духом, которому издательство предлагает два миллиона рублей за право всегда издавать и переиздавать его произведения, а он отказывается от этого предложения, как отталкивают щепотку нюхательного табака...»

В статье «Толстой и граммофон» говорится, что никому не удалось записать голос Толстого, кроме поэта С. Т. Семенова. Он приехал в Ясную Поляну как представитель Петроградского общества журналистов и уговорил Толстого «говорить в граммофон», обещая ему, что пластинка будет использована только для популяризации его мыслей и знаний в первую очередь в школах и перед большими массами народа. В статье «Толстой и парламентаризм» подвергается критике отрицательное отношение Толстого к государству и парламентаризму.

Газета «Хрватска заедница» — орган Хорватского народного союза для Боснии и Герцеговины — опубликовала два материала о Толстом: «Граф Витте о Толстом» (№ 102, стр. 3) и «Гарден о Толстом» (№ 104, стр. 3). Граф Витте, бывший некогда русским премьер-министром, сделал в Париже заявление, что он отбросил сомнения в справедливости Толстого. «Толстой был справедливым человеком в полном смысле слова», — утверждает Витте. «Сейчас я открыто признаю, что в Толстом ничуть не менее чем в другом каком-либо поэте... была божья искра, которая будет светить многим поколениям и влиять вечно», — заявил бывший министр.

Немецкий публицист Гарден прочитал в Вене 1 декабря 1910 г. лекцию о Льве Толстом. Небольшую часть этой лекции, продолжавшейся три с половиной часа, и опубликовала «Хрватска заедница». Однако здесь нигде не упоминается, что 500 слушателей из 1500 присутствовавших на этой лекции энергично возражали Гардену, который клеветал на Толстого, о чем пишет «Хрватски дневник» (№ 283, стр. 2).

Журнал «Босна», выходявший в Белграде, в 1910 г. сообщал читателям о смерти Льва Толстого. На страницах 367—368 редакция опубликовала статью неизвестного автора «Исповедь Толстого», где цитируется, в частности, заявление Толстого, сделанное им «незадолго до смерти» по поводу упреков великому мыслителю о том, «что он не проводил в своей жизни всех принципов, которые он считал необходимыми для внутреннего обновления и спасения».

«Боснише пост» — орган по вопросам политики и народного хозяйства (выходил в Сараеве на немецком языке) — дал в период с 16 по 30 ноября ряд материалов о Толстом. Вот перечень важнейших из них: 21 ноября 1910 — статьи «Памяти Льва Толстого» (№ 266, стр. 1—2) и «Жизнь Льва Толстого» (№ 266, стр. 2); 22 ноября — обширная передовица «Лев Толстой» (№ 267, стр. 1—2); 25 ноября — небольшая заметка «Как Лев Толстой стал графом» (№ 270, стр. 1); 26 ноября — пять некрологов о Толстом: «Толстой о себе», «Как жил Толстой», «Как работал Толстой», «Человек в крестьянской одежде», «Под надзором»; 28 ноября — «Самоубийство кучера Толстого» (№ 272, стр. 3); 30 ноября — «Завещание Толстого» (№ 274, стр. 3).

Из всего сказанного можно заключить, что смерть Льва Толстого вызвала широкие отклики в саборе и в печати Боснии и Герцеговины, присоединившихся к всеобщему трауру по великому поборнику любви и солидарности между людьми Льву Николаевичу Толстому.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Вопросы истории славян», выпуск III, Воронеж, 1970, 130 стр.

Рецензируемый сборник статей по истории южных и западных славян по характеру научной проблематики, по составу авторского коллектива, и даже по своей структуре несколько отличается от предшествующих выпусков¹. Прежде всего — включенные в сборник работы (за исключением статьи Е. П. Наумова) написаны сотрудниками исторического факультета ВГУ. Это свидетельствует о том, что в Воронеже сложился прочный и постоянный коллектив историков-славистов, которому под силу не только самостоятельное решение сложных вопросов истории славян, но и периодические выпуски сборников их трудов. В сборник введен новый раздел «Наши друзья», который призван знакомить читателей с деятельностью и научными трудами зарубежных историков-славистов, поддерживающих постоянный контакт с историками Воронежа.

Что же касается сборника в целом, то он, с нашей точки зрения, существенно уступает предшествующим выпускам по разнообразию и масштабности рассматриваемых проблем. Об этом свидетельствует даже формальный перечень работ. Если во втором выпуске в разделе «Статьи и сообщения» было опубликовано 17 научно-исследовательских статей (10 — по истории средних веков и 7 — по истории нового и новейшего времени), то в рецензируемом выпуске в соответствующем разделе публикуются всего 7 статей (4 — по истории средних веков и 3 — по истории нового и новейшего времени). Причем все статьи посвящаются только истории южных славян. История западных славян нашла свое отражение только в разделах «Критика и библиография», «Публикации» и «Хроника».

В первом разделе данного выпуска публикуются небольшие по размерам научно-исследовательские статьи, в которых рассматриваются слабо разработанные или мало освещенные в нашей историографии вопросы. В этом, пожалуй, заключается одна из основных отличительных особенностей данного сборника. В этом

разделе прежде всего привлекают внимание те статьи, которые решают близкие по тематике задачи, связанные с выяснением особенностей феодальной собственности, аграрных отношений и положения отдельных категорий крестьян в далматинских городах и Сербии XI—XIV вв. В данной связи важно подчеркнуть, что правильное решение этих вопросов должно способствовать выявлению общих тенденций в развитии феодальной отношений на всей указанной территории.

В статье Н. П. Мананчиковой «Формы землевладения в Дубровнике второй половины XIII в.» анализируются свидетельства статута 1272 г. и аграрных договоров 70—80-х годов XIII в. Собранный автором материал позволил выявить формы землевладения в светских и церковных хозяйствах района Астарап и на прил гающих к ней островах, а также установить факт господства арендных отношений на данной территории. Последнее обстоятельство заслуживает внимания потому, что большинство исследователей прослеживает аренду на землях Дубровника лишь с XIV в. Приведенные Н. П. Мананчиковой факты убедительно показывают, что исполная аренда здесь в 70—80-х годах XIII в. была уже господствующей формой землепользования. Более того, в третьей четверти XIII в. сначала церковь, а затем и частные лица начинают практиковать денежную форму аренды. Но в последнем случае долгосрочная исполная аренда уступала место краткосрочной денежной. В данной связи интересно также наблюдение автора о слабом отражении в статутах и договорах прав арендатора, что в сочетании с другими данными, на наш взгляд, дает основание характеризовать 70—80-е годы как переходный период в эволюции арендных отношений в пределах рассматриваемой территории.

Статья В. В. Захарова «К вопросу о крестьянском землевладении в Задарском дистрикте в XI—XIV вв.» посвящается слабо разработанному, но очень важному вопросу обезземеливания свободных общинников Далматинской Хорватии. Принимая за исходное предложенную Ю. В. Бромлеем примерную цену пол-

¹ «Вопросы истории славян», вып. I, Воронеж, 1963, вып. II, Воронеж, 1966.

ного крестьянского надела, В. В. Захаров исследует акты поземельных сделок и констатирует, что актовый материал XI — начала XII в., как правило, не фиксирует полного обезземеливания крестьян-аллодистов в окрестностях городов Загара и Сплита. В условиях XIII—XIV вв. количество актов об отчуждении крестьянских земель возрастает, но и они не дают основания утверждать о полном обезземеливании крестьян. На основании этих наблюдений автор приходит к выводу, что в период с XI по XIV в. свободные крестьяне-общинники утрачивали лишь часть наделной земли. Оставшаяся в их владении часть земли позволяла им сохранять некоторую хозяйственную самостоятельность. При этом автор не отрицает тех случаев, когда малоземельные крестьяне могли арендовать землю у феодалов или становились их каметами. Не лишены основания и интересные в целом выводы В. В. Захарова в отдельных случаях требуют существенных уточнений относительно степени дифференциации внутри крестьянства и формы феодальной зависимости сельской общины в целом.

Анализируя частноправовые акты второй половины XIV в., относящиеся к территории Которского округа, и статьи Которского и Будванского статутот, Е. П. Наумов («К истории аграрных отношений в Которском округе») констатирует ряд изменений в аграрной политике Которской общины в течение второй половины XIV в. Прослеживая формы землевладения на данной территории, Е. П. Наумов устанавливает, что наиболее распространенной была испольная аренда виноградников, которая из краткосрочной (2—3 года в первой половине XIV в.) к 90-м годам XIV в. становится вечнонаследственной, а крестьянин — фактическим собственником земли. Данные факты автор склонен оценивать как тенденцию к усилению феодальной эксплуатации крестьян.

С конца XIV — начала XV в. Е. П. Наумов прослеживает новую, «во многом необычную» для феодального строя этих районов тенденцию распродажи феодалами своих земель крестьянам с правом наследования (т. е. в баштину).

Свои наблюдения автор заключает обобщением, что к XIV — началу XV в. в рассматриваемом районе сталкиваются две противоположные тенденции: с одной стороны, возрастающее стремление крестьян Которского округа к фактической независимости путем заключения договоров о вечнонаследственной аренде и покупки земли в баштину и — с другой стороны — стремление которских nobilium усилить феодальную эксплуатацию крестьян путем увеличения размеров натуральной ренты и оспаривания прав крестьян на землю. Столкновение этих двух противоречивых тенденций и яви-

лось причиной крестьянских антифеодальных выступлений в конце XIV — начале XV в. Подобные же тенденции, по мнению автора, прослеживаются и в других областях уже распавшегося Сербского государства Неманичей. Но в данном случае Е. П. Наумов должен был бы оговорить, что там эти противоречивые тенденции не вызвали таких крупных и массовых крестьянских волнений (они не зафиксированы ни в одном из сохранившихся источников). Признавая в целом справедливость выводов Е. П. Наумова, хотелось бы отметить и то, что автор статьи при выяснении причин установления вечнонаследственной аренды и особенно распродажи феодалами своих земель крестьянам, оставил без внимания такие немаловажные факторы, как все возрастающая угроза турецкого нашествия и ослабление центральной власти в Сербии в 60-х годах XIV в. Вполне естественно, что в сложившихся условиях монастыри и мелкие феодальные собственники, видевшие свою опору в центральной власти, стремились избавиться от земельных владений, получив за них максимально возможную компенсацию.

В работе «Дечанские сокальнички» С. П. Боброва ставит перед собой сложную задачу найти пути к выяснению положения сокальничков. Используя наблюдения известного югославского историка академика М. Динича, автор сопоставляет данные двух дарственных грамот, выданных в разное время Дечанскому монастырю. Этот анализ позволил С. П. Бобровой установить некоторые изменения в составе дечанских сокальничков и указать наличие дифференциации внутри данной группы. Опираясь на эти наблюдения и предлагая свою, правда не бесспорную, трактовку термина «отес» С. П. Боброва строит рабочую гипотезу, которая, по ее мнению, могла бы внести ясность в статус сокальничков вообще, и объяснить причину их дифференциации в частности. Основные положения гипотезы сводятся к следующему.

Некоторые из сокальничков по усмотрению феодала (в данном случае монастыря) получали в наследственное держание «особо выделенный массив земли» — отес в стороне от домена на окраинах села, где был и дом сокальничка. Подобное выделение давало сокальничку определенную хозяйственную самостоятельность и несколько улучшало его положение. Но такой привилегией пользовалась лишь незначительная часть представителей данной категории. Основная же их масса вместе с мерцохмами жила в селе и разделяла с ними все тяготы поместной жизни. Таким образом, по мнению автора, сокальнички дифференцировались на основе различных земельных держаний и различного сословного происхождения. Поэтому гнет поместной администрации был более сильным по отношению к той

Группе сокальников, которая формировалась из меропхов. К тому же их легче всего можно было вновь возвратить в прежнюю категорию. Подобная дифференциация, по убеждению автора, явилась результатом исторического развития данной категории к 30—40-м годам XIV в. и представляла собой начальный этап ее полной ликвидации. Предложенная С. П. Бобровой гипотеза о путях формирования и развития сербских сокальников представляется нам не безукоризненной, и по ее адресу можно было бы высказать ряд существенных возражений. Но поскольку она действительно позволила автору найти новый подход к решению вопроса, то существование данной рабочей гипотезы можно считать оправданным.

Период нового и новейшего времени представлен статьями, которые не имеют между собой тематического единства. В них поднимаются новые, до сих пор не рассматривавшиеся в нашей историографии вопросы.

В информационной статье «Международный комитет пропаганды и Учительская коммунистическая организация в Болгарии» Н. Т. Сапронова, знакомит читателей с историей создания в начале 20-х годов названных организаций, раскрывает их взаимосвязь и определяет их место в ряду других прогрессивных организаций мира, тесно связанных с рабочим и коммунистическим движением указанного периода. В данной связи подчеркивается, что Учительская коммунистическая организация (УКО) Болгарии, не имевшая до 1921 г. прямых контактов с учительскими организациями Западной Европы, после организации Международного комитета пропаганды устанавливает широкие международные связи и становится одной из наиболее крупных учительских организаций европейских стран. Обращая внимание на крайне слабую разработку проблемы, Н. Т. Сапронова весьма аргументированно убеждает, что данная тема заслуживает более пристального внимания исследователей.

Автор работы «Из истории антифашистского молодежного движения в Вардарской Македонии» И. Г. Яну ставит перед собой задачу осветить один из слабо разработанных в советской историографии вопросов. Привлекая документы, изданные в СФРЮ в 1952, 1958 и 1961 гг., он пытается проследить историю борьбы македонской молодежи в условиях оккупационного режима, выявить различные ее формы (забастовки и массовые выступления учащихся, митинги и демонстрации против фашистского террора в школах и т. д.), установить место и роль различных молодежных организаций в этой борьбе. На этом фоне автор знакомит читателей с историей создания организаций, с их структурой и деятельностью в рядах народно-освободительной армии, в парти-

занских отрядах и трудовых четах. Говоря об организаторской роли македонских коммунистов, автор отмечает, что они смогли противопоставить фашистской тактике разъединения и патривания друг на друга молодежи разных народностей Македонии свою тактику объединения ее в пироккий антифашистский фронт на платформе борьбы прогрессивных сил против оккупантов и их пособников.

Найденное в Центральном архиве Министрства гражданской авиации СССР личное дело известного болгарского летчика, ныне заместителя Министра Народной Обороны НРБ Захария Захариева вдохновило аспиранта-заочника исторического факультета ВГУ летчика Н. А. Петрова написать информационное сообщение «О деятельности Захария Захариева в гражданской авиации СССР». С декабря 1931 г. по 1944 г. Захарий Захариев под псевдонимом В. С. Горанов работал в системе советского гражданского воздушного флота на разных руководящих должностях и как талантливый организатор и воспитатель оказал влияние на формирование значительного числа летчиков.

В раздел «Критика и библиография» включены всего лишь две работы: А. И. Бортникова — «К вопросу о роли декабристов как зачинателей русско-польских революционных связей» и И. Г. Яну — «Из новых сплитских изданий». В последней делается обзор 6-го выпуска «Изданий исторического архива в Сплите», вышедшего еще в 1967 г. Тематика и содержание первой работы данного раздела, с нашей точки зрения, заслуживает более пристального внимания, так как она касается несколько затянувшейся полемики автора статьи с П. Н. Ольшанским. Последний еще в 1959 г. поставил под сомнение вывод А. И. Бортникова о приоритете русских декабристов в установлении русско-польского революционного союза, и высказал мнение, что инициатива исходила от обеих сторон одновременно. Но в более поздней работе 1968 г. П. Н. Ольшанский, по мнению А. И. Бортникова, якобы противоречит своей ранее высказанной точке зрения. Однако при внимательном чтении доводов А. И. Бортникова не трудно заметить, что он в ходе полемики склонен истолковывать точку зрения своего оппонента в нужном ему аспекте и не желает замечать разницы между инициативой при ведении предварительных переговоров, что подчеркивал в свое время П. Н. Ольшанский, и актом действительного заключения соглашения, которого не мог обнаружить и сам А. И. Бортников. Таким образом, внесение элемента простой формальной логики в существо спора, с нашей точки зрения, могло бы значительно сблизить позиции полемизирующих сторон.

В разделе «Наши друзья» В. В. Иванов знакомит читателей с биографией и трудами Димитра Ангелова, особо подчеркивая факт длительного сотрудничества известного болгарского ученого с историком Воронежа.

«Хроника» исчерпывается тремя сообщениями. А. Е. Москаленко рассказывает об организации новой кафедры истории зарубежных славянских народов на историческом факультете ВГУ, акцентируя внимание на процессе обучения студентов, на направлениях научно-исследовательской деятельности преподавателей кафедры и на их связях с научными и учебными учреждениями страны. Из сообщений В. В. Гусева и В. С. Савчука читатель узнает о поездке воронежских ученых в апреле 1969 г. в город Скопле по случаю 20-летнего юбилея первого в Македонии национального университета и о трехнедельной производственно-ознакомительной практике группы студентов исторического факультета ВГУ в Польше в 1967 г.

Раздел «Публикации» представлен двумя разноплановыми, но интересными материалами. А. Е. Москаленко и Е. А. Новикова впервые публикуют текст вступительной лекции известного русского историка конца XIX — начала XX в. В. К. Пискорского к коллективным публичным чтениям в связи с 300-летием со дня рождения Яна Амоса Коменского. Во вступительной статье А. Е. Москален-

ко, знакомящей с жизнью и деятельностью Пискорского, подчеркивается, что лекция эта важна прежде всего для выяснения взглядов прогрессивного ученого на историческую науку вообще и на историю славянских народов в особенности.

Г. И. Липатникова впервые публикует свой перевод на русский язык фрагментов статута факультета искусств Пражского университета, относящихся к периоду с 1366 по 1471 г. Сделанная в учебных целях, публикация сопровождается вступительной статьей и обстоятельным комментарием.

В конце сборника помещен некролог в связи с кончиной известного югославского ученого академика Д. Сп. Радоичича.

Заканчивая обзор выпуска, отметим непропорциональное соотношение научно-исследовательских статей и материалов информативно-популяризаторского характера, которые занимают в нем не менее половины объема. Но в то же время, к сожалению, из поля зрения воронежских историков выпали такие крупные и важные события последних лет, как VI Международный съезд славистов в Праге в 1968 г. и XIII Международный съезд историков в Москве в 1970 г. Вряд ли оправдан отказ от публикации рецензий на наиболее важные монографии и сборники статей по истории славян.

В. П. Грачев

П. М. КАЛЕНИЧЕНКО. *Великий Жовтень і революційний рух у Польщі (листопад 1917 — жовтень 1919)*. «Навукова думка», Київ, 1971, 344 стор.

П. М. КАЛЕНИЧЕНКО. *Великий Октябрь и революционное движение в Польше (ноябрь 1917 — октябрь 1919)*

Исследование П. М. Калениченко посвящено важной научной проблеме — революционному движению в Польше, которое развернулось под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Эта проблема уже в той или иной мере освещалась в историографии. П. М. Калениченко внимательно изучил и использовал работы советских и польских историков, опубликованные источники и документальные материалы многих советских и польских архивов. Ему удалось обнаружить немало новых ценных материалов, позволивших глубже и всестороннее исследовать некоторые вопросы данной проблемы.

В первой части книги рассматривается революционное и национально-освободительное движение в польских землях в период с 1 ноября 1917 по октябрь 1918 г.: положение пролетариата, позиция

СДКПиЛ и ППС-левицы, ППС-фракции и ППСД, рост революционной борьбы рабочего класса, обстановка в деревне, борьба крестьян против помещиков и германских и австрийских оккупантов, роль Октябрьской революции в восстановлении независимости Польши. При этом убедительно показываются условия, благоприятствующие влиянию Октябрьской революции на освободительное движение польского народа, и обстоятельства, затруднявшие развитие революционной борьбы в стране (распыленность пролетариата, раскол рабочего движения, национальные предрассудки и т. п.). Автор подчеркивает значение Октябрьской революции для завоевания польским народом своей независимости, последовательно интернационалистской позиции большевистской партии и Советского правительства в отношении польского народа.

Весьма содержательной является и

вторая часть книги, в которой характеризуется революционная борьба польского народа после образования независимого польского государства, в период с ноября 1918 по октябрь 1919 г. Отмечая подъем рабочего движения, автор уделяет большое внимание вопросу создания КРПП. Он справедливо указывает, что объединение СДКПиЛ и ППС-левицы открыло новый этап в истории революционного рабочего движения в Польше и имело большое значение в жизни польского народа. КРПП унаследовала лучшие традиции своих предшественниц и, используя опыт международного коммунистического движения, шла в авангарде революционной борьбы народа. На деятельности партии, однако, существенно сказывалась ее ошибочная позиция по национальному и крестьянскому вопросам.

Автор раскрывает роль КРПП в развитии классовой борьбы пролетариата, анализирует различные формы революционного движения. Интересны его соображения о численности Советов, их характере и деятельности. В книге показывается реформистская и раскольническая деятельность ППС и буржуазных националистических организаций, выясняются причины, почему Советы не смогли

взять власть в свои руки, превратиться в органы диктатуры пролетариата. Вопрос о Советах рассматривается в особом разделе работы, и это вполне оправдано. Но тематика этого раздела тесно связана с предыдущим, в котором освещается роль КРПП и рабочее движение в период деятельности Советов. Такая структура привела к тому, что несмотря на оговорки, раздел о Советах оказался несколько обедненным. Думается, что возможны и другие варианты изложения этого вопроса.

В книге правильно решается вопрос о соотношении внутреннего и внешнего факторов в революционном движении трудящихся масс. В отдельных случаях, однако, такая связь не раскрывается. Разумеется, что не все выступления трудящихся были следствием внешнего воздействия; очевидно, что и это воздействие по разному проявлялось в различных случаях.

С выходом книги П. М. Каленченко наша историография обогатилась оригинальным обобщающим исследованием по весьма актуальной проблеме.

И. Костюшко

КНИГА О БОРЬБЕ ТЕКСТИЛЬЩИКОВ БОЛГАРИИ

В 1970 г. кабинет истории профсоюзного движения Болгарии опубликовал очерк развития организаций и борьбы болгарских текстильщиков¹. При подготовке книги использованы разнообразные источники — материалы партийных и государственных архивов, как центральных, так и местных, пресса, статистические и другие официальные публикации, воспоминания активных участников борьбы, документально-мемуарные фонды Кабинета истории профсоюзного движения и учтена обширная историческая и экономическая литература.

Работа состоит из пяти глав. Каждая из них посвящена отдельному крупному этапу в развитии рабочего движения. В качестве хронологических рамок с полным основанием избраны 1903/1904, 1917/1918, 1923 и 1934 гг. Некоторая нечеткость имеется только в определении границы между третьей и четвертой главами. В заголовке определен период 1918—1923 гг. (стр. 138), изложение же доводится до конца 1924 г. (стр. 180).

¹ В. Василев, М. Червендинаева, М. Ерейска, П. Цанев. Текстилци. Организация и борба на текстилните работници в България. 1878—1944. София, 1970, 365 стр.

Главы начинаются с характеристики развития текстильной промышленности соответствующего периода. Приводятся и анализируются данные о количестве предприятий по отдельным видам текстильного производства, состоянии их технической базы, рыночной конъюнктуре, формировании и развитии пролетариата, об условиях труда и жизни рабочих. Этот анализ, особенно глубокий в четвертой главе (периоды частичной стабилизации капитализма и экономического кризиса), является бесспорным вкладом в исследование новейшей экономической истории Болгарии. Авторы показали своеобразие развития текстильной промышленности в годы кризиса, доказали, что ряд ее отраслей кризисом не был затронут или быстро из него вышел. Это, в свою очередь, позволяет точнее определить причины и характер стачечного подъема в данный период.

Однако в главе, посвященной борьбе текстильщиков в период послевоенного революционного кризиса, вопрос об экономическом состоянии текстильного производства не получил освещения.

Весьма интересные и в большинстве случаев новые сведения приводят авторы о возникновении и развитии профессиональных организаций текстильщиков.

Авторы подробно прослеживают деятельность революционных профсоюзов текстильных рабочих, начиная от первого, относительно прочного объединения, созданного в Сливене в 1904 г. Характеризуется изменение форм профессиональной организации текстильщиков, как и других отрядов пролетариата, в зависимости от конкретных условий классовой борьбы на том или ином этапе.

В работе дана объективная характеристика тех трудностей (состав рабочих, конъюнктурные колебания в экономике), которые приходилось преодолевать организациям текстильщиков. Террор властей, особенно после подавления Сентябрьского восстания 1923 г., оппортунистическая деятельность обшедельцев, анархо-либералов, амстердамцев также весьма затрудняли работу подлинно классовых профорганизаций. Приводимая в книге таблица рельефно показывает этапы как подъема, так и спада профдвижения текстильщиков. Подробно выясняются причины спадов, имевших место после окончания первой мировой войны, в начале периода частичной капиталистической стабилизации и др.

Авторы убедительно показывают процесс роста, организационного и политического укрепления профсоюзов текстильщиков, особенно ярко проявившийся в 1907—1908, 1912, 1919—1920, 1931—1933 гг.

В работе обращается внимание на связи профорганизаций болгарских текстильных рабочих с международным рабочим движением, причем подчеркивается, что это был один из первых отрядов национального пролетариата, вышедших на международную арену. В этом смысле представляют интерес материалы об участии Рабочего текстильного союза (РТС) в деятельности Международного рабочего текстильного союза и о соглашении РТС с братским союзом в Сербии, подписанном в 1909 г. Этот неизвестный до последнего времени документ содержал взаимное обязательство координировать действия в защиту классовых интересов рабочих (стр. 125). Авторы прослеживают участие РТС в международном профдвижении и в следующих разделах, хотя и не выделяя этот вопрос в самостоятельные параграфы. Приведены, в частности, данные об участии РТС в создании Красного Интернационала профсоюзов (стр. 157—158). В книге рассказывается о первых примитивных актах сопротивления капиталистической эксплуатации — бунтах в 80-х годах XIX в., о постепенном росте организованности в выступлениях. Стачка текстильщиков в Сливене — крупнейшей в стране центре данной отрасли, — происшедшая в 1896 г., расценивается в книге как первая массовая и организованная забастовка болгарских рабочих вообще (стр. 27—30). Сливен и в дальнейшем является главным очагом выступле-

ний текстильных рабочих, и стачкам в этом городе уделяется должное внимание, подчас в специальных параграфах (стр. 80—93, 201—210, 238—241 и др.). Особое внимание уделено в книге героической забастовке пролетариев города в 1929 г., когда впервые после фашистского переворота 1923 г. открыто были выдвинуты политические лозунги БКП. Рассматриваются подробно и другие забастовки, причем в каждом случае анализируются причины неудачи и значение стачки. Вместе с тем, мы должны отметить, что в работе чувствуется нехватка итоговых данных о забастовочных боях. Общий подсчет стачек с учетом отдельно оборонительных, наступательных и контр-наступательных, успешных и безуспешных выступлений, а также закончившихся частичной победой рабочих, количества стачечников осуществлен авторами только в отдельных случаях, неполно и в масштабах 1—2 лет (стр. 252, 266). Бесспорно, важно было бы дать общий анализ стачечного движения в рамках крупных периодов в развитии страны, чего авторы, к сожалению, не сделали. Следует сказать также, что данные о количестве стачек по годам, приводимые в приложении, не могут считаться окончательными. Автор настоящей рецензии, например, в своем исследовании рабочего движения Болгарии в 1925—1929 гг. установил несколько большее число стачек текстильщиков в 1929 г., чем приводится в книге.

Уделяя основное внимание профорганизациям и стачечной борьбе, авторский коллектив, вместе с тем, не оставил без внимания и участие текстильщиков в политических выступлениях. В книге можно встретить интересные материалы о предвыборной борьбе в центрах текстильной промышленности, о праздновании Первого мая. Подробно рассказывается о руководящей роли партии тесных социалистов, а позже БКП, в движении текстильных рабочих, о внимании к нему руководящих деятелей партии, в частности Г. Киркова, В. Коларова, Г. Димитрова, о парламентских выступлениях тесных социалистов и коммунистов в поддержку бастующих текстильщиков и т. д. В специальном разделе последней главы рассматривается участие текстильных рабочих в вооруженной борьбе народа против германского и болгарского фашизма в 1941—1944 гг. Авторы привели много данных, в том числе ранее неизвестных, о саботаже и диверсиях на предприятиях, демонстрациях, деятельности боевых групп, о текстильщиках партизанах и ятках (помощниках партизан), о подготовке и проведении вооруженного восстания 9 сентября 1944 г. в текстильных центрах.

Творческое и интересное исследование болгарских историков не лишено некоторых недостатков. Об отдельных из них

уже говорилось выше. Помимо этого, следует обратить внимание на несколько более низкий уровень первой главы, охватывающей сложную проблему зарождения организаций и борьбы текстильщиков до 1903 г., по сравнению со следующими. Правда, во введении (стр. 4) делается оговорка, что из-за отсутствия архивных материалов при написании главы использованы, в основном, существующая литература и рабочая печать. Но и рабочая печать привлечена мало. В книге отсутствует заключение, которое подвело бы общие итоги исследования. Небольшой заключительный абзац (стр. 355) заме-

нить его не может. Встречаются отдельные повторения. О фабрике «Принц Борис» почти в одних и тех же выражениях говорится трижды (стр. 15, 33, 37).

Но, разумеется, не эти частные недостатки и погрешности определяют лицо книги. Болгарские историки выпустили ценное исследование, посвященное развитию одного из наиболее организованных и боевых отрядов пролетариата, и этим внесли свой вклад в болгарскую историографию нового и новейшего времени.

Г. И. Чернявский

Uprzemysłowanie ziem polskich w XIX i XX wieku. Studia i materiały. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1970, 876 s.

Индустриализация польских земель в XIX и XX вв. Исследования и материалы

Рецензируемая работа является фундаментальным исследованием по истории индустриализации Польши в XIX и XX в. Она написана группой историков под редакцией проф. И. Петшак-Павловской, известной читателю своими монографиями по экономической истории Польши в эпоху раннего империализма.

Рассматриваемый труд состоит из трех частей, семнадцати разделов, резюме на русском, английском и французском языках, приложений и богатой библиографии по истории народного хозяйства Польши.

Первая часть — «Индустриализация польских земель в 1815—1918 гг.» — имеет пять разделов. Значительное внимание уделено здесь анализу статистических источников и их сопоставимости в различных частях Польши. Авторы раздела I (И. Игнатович и Ю. Лукаевич) дали всесторонний обзор имеющихся статистических материалов, собранных государственными и общественными организациями по истории промышленности в трех частях Польши. Анализируя методы сбора данных статистическими ведомствами в трех частях Польши, авторы пришли к выводу, что собранный ими сырой материал более ценный, чем обработанный, то-есть сгруппированный материал. В результате этого сопоставимость статистических данных, относящихся к небольшим административным единицам, выше, чем суммарная статистика, охватывающая целые провинции или районы.

Чтобы повысить сопоставимость и достоверность опубликованных материалов по промышленности, авторы предлагают ввести оценочные коррективы по данным и разработать единый индекс промышленного производства для трех аннексированных частей Польши.

Большой интерес представляет раздел II, посвященный промышленному перевороту в Польше. Автор раздела (И. Петшак-Павловская) утверждает, что начало индустриализации в Польше относится к первой половине XIX в. Промышленный переворот во всей Польше, по мнению автора, был завершен в эпоху капитализма и в начальный период империализма (стр. 73—75).

Однако, если согласиться с критерием Ю. Лукаевича, по которому победа фабрики над мануфактурой наступает лишь тогда, когда механизированные предприятия дают более 50% валовой продукции (этот показатель принят и И. Петшак-Павловской), то завершение промышленного переворота в отдельных областях польских земель следует относить к 50-м годам XX в. Известно, что в легкой и пищевой промышленности Галиции, например, до 1939 г. доминирующую роль играли мануфактурные и кустарные предприятия.

В III—V разделах авторы показывают развитие горнодобывающей, металлургической, текстильной и пищевой промышленности с 1815 до 1918 г., анализируют структурные преобразования, технологию и организацию производственных процессов, общественно-экономические отношения, происхождение и структуру капиталов, структуру производства, направление сбыта и т. д.

Вторая часть книги посвящена индустриализации Польши в межвоенный период. В независимой Польше (после 1918 г.) наблюдались большие различия в экономике ее трех частей, которые ранее входили в состав и были связаны с экономикой Австро-Венгрии, Германии и России. В каждой из этих частей выделялись сельскохозяйственные и промышленные

округа, характеризовавшиеся различной структурой не только экономической, но также общественной и национальной. Главной задачей экономической политики государства была интеграция польских земель (стр. 337—338). Но эта задача не была решена, несмотря на относительно высокие (для Польши) капиталовложения — 15% государственного бюджета (стр. 341).

В разделе показано, что наряду с процессами интеграции промышленности страны, возрастали диспропорции между промышленно развитыми районами (Верхняя Силезия, Лодзинский округ, Варшава, Познань) и сельскохозяйственными районами на Востоке (Западная Украина и Западная Белоруссия). Последние польская буржуазия рассматривала лишь как рынок сбыта и сырья. Государственные инвестиции направлялись главным образом на развитие экономической инфраструктуры в западных и центральных землях. Автор раздела (А. Езерский) приходит к обоснованному выводу, что капиталистическая система в Польше не создала условий для быстрого экономического развития страны (стр. 337—338). Экономическое развитие страны шло крайне медленными темпами, а ряд отраслей даже деградировал. Факторами, задерживающими развитие, были: отсталость сельского хозяйства, низкий уровень урбанизации и слабое развитие внутреннего рынка, высокий удельный вес иностранного капитала в промышленности и вывоз значительной части извлекаемых прибылей за пределы страны (стр. 339).

А. Езерский приводит ряд статистических показателей, свидетельствующих о том, что в период межвоенного 20-летия не был достигнут уровень 1913 г. (стр. 342). Этот основной вывод подтверждается всесторонним исследованием развития и уровня концентрации производства в горнозаводской и металлургической промышленности (VII раздел, автор Е. Ярос), химической промышленности (VIII раздел, автор С. Миштал), текстильной и пищевой промышленности (IX и X разделы, авторы Г. Миссалья, С. Выкрентович и др.).

Большой интерес представляет третья часть книги — «Индустриализация в условиях планового хозяйства народной Польши в 1945—1965 гг.». Эта часть начинается с анализа состояния промышленности после войны 1939—1945 гг. В XI разделе С. Завадский привел большой статистический материал о военных разрушениях в промышленности, вызванных: военными действиями во время сентябрьской кампании 1939 г.; экономической политикой оккупантов; военными действиями в 1944—1945 гг. Прямые военные потери в промышленности и ремесле составили (в пределах послевоенной территории государства, но без западных и северных земель, присоединенных к Поль-

ше в 1945 г.) 22,4 млрд злотых (в ценах на I IX 1939 г.), т. е. 25,2% всех прямых потерь в экономике, вызванных войной (табл. 85—86, стр. 484). Г. Ендруцак привела данные о прямых потерях в людях — свыше 6 млн. человек (стр. 488—509). Война повлияла на изменение структуры населения по возрасту и полу, сократился процент детей и молодежи, а также лиц пенсионного возраста. Резко ухудшилось общее состояние здоровья населения. Все это отрицательно влияло на процесс восстановления экономики страны.

С большой научной добросовестностью показал национализацию промышленности Я. Голембёвский (XII раздел). Автор анализирует темпы и методы передачи в собственность государства промышленных предприятий, принадлежавших польским или иностранным гражданам, бывшему германскому рейху и бывшему свободному городу Гданьску и т. д. В общей сложности в собственность государства перешло около 2800 крупных и средних промышленных предприятий. Свыше 1300 среди них составляли немецкие предприятия, национализированные без компенсации, 1470 предприятий было национализировано с компенсацией.

Национализация промышленности вызвала необходимость планирования. Это позволило государству преодолеть послевоенный хаос в экономике и перейти к ее восстановлению.

Восстановлению промышленного потенциала страны в 1945—1949 гг. и динамическому развитию промышленности в 1950—1965 гг. посвящены XIII и XIV разделы книги. Авторы этих разделов (Г. Ендруцак и Р. Вильчешский) детально анализируют модели планирования, переход к пятилетним и перспективным планам развития народного хозяйства в 1950—1965 гг. Отмечается также существенная помощь Советского Союза в процессе восстановления промышленного потенциала. Однако эту помощь Г. Ендруцак сводит, главным образом, к товарообмену с СССР. Между тем, Советский Союз оказывал Польше помощь и научно-технической документацией, подготовкой высококвалифицированных специалистов, предоставлением кредитов, поставками важнейших видов сырья и т. д.

Много внимания уделяется вопросам социалистической индустриализации страны, благодаря чему промышленность, и особенно машиностроительная, стали производить в возрастающем количестве товары на экспорт, что давало возможность Польше закупать за границей недостающие машины и оборудование, сырье и материалы, которыми она не располагала или имела в недостаточном количестве. Авторы подчеркивают, что индустриализация Польши проводилась на основе опыта, приобретенного в Советском Союзе.

Социалистическая индустриализация привела к коренному изменению экономической структуры. Доля электромашиностроения выросла до 26% всей промышленной продукции, развернулось производство технически сложных изделий.

Характерной чертой развития в 1960—1965 гг. был переход к современным интенсивным методам ведения хозяйства, в результате чего еще более усовершенствовалась экономическая структура. Произошли изменения в размещении промышленности на территории страны (раздел XV). Возникли новые промышленные округа (Гарнов, Краков, Люблин, Плоцк и др.). Все это повлекло за собой глубокие социальные изменения в народной Польше (раздел XVI). Страна стала индустриально-аграрной. Резко возросло городское население. В 1960 г. 56% насе-

ления проживало в городах. Источником существования для 60% населения служат занятия вне сельского хозяйства, для 20% — занятия смешанного типа и только для 20% — труд в сельском хозяйстве (стр. 667).

Последний раздел книги посвящен выявлению роли промышленности Польши в международном разделении труда. А. Боднар и М. Денишук показали, что Польша, занимавшая до второй мировой войны одно из последних мест среди европейских стран, переместилась в центральную часть шкалы в международном масштабе.

Рецензируемая книга является ценным вкладом в историческую науку.

Я. Хонигсман

Кр. ШАРОВА. Любен Каравелов и българското освободително движение (1860—1867). Издательство «Наука и изкуство», София, 1970, 434 стр.

Кр. ШАРОВА. Любен Каравелов и българското освободително движение (1860—1867)

Литература о Любене Каравелове — виднейшем болгарском революционере 60—70 годов XIX в. — велика, а оценка его идеологии, политических взглядов и революционной деятельности очень противоречива. Как правильно отмечает Кр. Шарова, объясняется это многими причинами: политическими концепциями исследователей, сложностью идейно-политического развития болгарского освободительного движения в 50—70 гг. XIX в., и, наконец, сложностью взглядов самого Л. Каравелова. Автор рецензируемой книги исследует самый трудный период деятельности Л. Каравелова, 1860—1867 гг., период становления его как революционера (до образования БРЦК). Поэтому книга Кр. Шаровой должна привлечь внимание историков, литературоведов и т. п.

Автор монографии в своих изысканиях пошла по единственно правильному пути — пути анализа становления Л. Каравелова как идеолога и общественно-политического деятеля болгарской национально-демократической революции, полагая что, независимо от того, какие внешние факторы влияли на формирование взглядов Л. Каравелова, истоки их находились в болгарской действительности, в объективной потребности болгарского национально-освободительного движения (стр. 52). Кр. Шаровой удалось до некоторой степени по-новому прочитать первые литературные, политически-публицистические произведения Л. Каравелова

и проследить сближение его взглядов с революционной идеологией Г. С. Раковского, как складывалась у него концепция революционных методов борьбы за политическое освобождение болгарского народа от турецкого феодального гнета.

В разделе книги «Любен Каравелов и русское революционное движение до 1867 г.» собран воедино весь известный и новый документальный материал, который дает возможность проследить непосредственные связи Л. Каравелова с русским революционным движением в 60 г. XIX в. Автор вводит читателя в бурную атмосферу революционной ситуации 1859—1861 гг. в России — именно в этот период Каравелов учился в Московском университете. Кр. Шарова безусловно права, говоря, что Л. Каравелов формировался идейно как политик, писатель и публицист именно в период революционной ситуации в России, она показывает, как Л. Каравелов искал связи с русской эмиграцией в Лондоне и как русские революционеры 60-х годов были хорошо осведомлены в болгарском вопросе (стр. 88). Несмотря на некоторую категоричность выводов, автору монографии нельзя отказать в большой проницательности при выяснении русско-болгарских связей, что подтверждается последними находками советских историков в архивах.

В споре о формировании политических взглядов Каравелова в русский период автор монографии справедливо придержи-

ваются мнения, что они развивались в сторону сближения с революционными демократами.

Кр. Шарова пришла к важному заключению, которое выделяет данное исследование среди многочисленной литературы о Каравелове, что Каравелов в своих теоретических поисках, в обосновании необходимости революционной организации, в выработке ее тактики обращался к опыту международного революционного освободительного движения. Учитывая опыт революционной организации А. И. Герцена и Н. П. Огарева в Лондоне, опыт национально-освободительной борьбы в Италии и Венгрии, исходя из исторических потребностей болгарского освободительного движения, Л. Каравелов уже в 1861 г. приходит к идее создания болгарского «Белградского общества», которое, выполняя официально просветительские функции, выполняло бы политические задачи. При этом автор монографии далека от мысли, что проект Л. Каравелова 1861 г. является завершённой формой его идеи образования БРЦК (созданного десятилетием позже). Она реально оценивает проект, лишь как зарождение сознания о значении политической борьбы, как первые догадки, начало генезиса идеи о БРЦК (стр. 62). Этот вывод в значительной степени отличен от выводов других авторов, которые склонны преувеличивать значение проекта 1861 г. или сводят задачи «Белградского общества» только к просветительству.

Шаг за шагом в книге прослеживается формирование у Л. Каравелова идеи восстания. Уже в 1867 г. он открыто заявляет, что «восстание в Болгарии неминуемо», что оно должно соединиться с восстаниями других балканских народов, что оно будет поддержано Сербией, Черногорией, Грецией, при благосклонном содействии России. В монографии убедительно показано, как Л. Каравелову близки и понятны интересы национально-освободительного движения других народов (стр. 116—117).

Как известно, в современной литературе существует две противоположные точки зрения в оценке идеологии и организаторской деятельности Л. Каравелова, особенно в оценке периода его формирования как революционера (1858—1870 гг.)¹. Автор рецензируемой книги не претендует на исчерпывающее освещение всех аспектов развития идеологии Л. Каравелова. Кр. Шарова ограничилась главным выводом, что Л. Каравелов уже в эти годы, отрицательно оценивая реформы Порты, занял непримиримую позицию по отношению к турецкому правительству, что являлось главным крите-

рием его революционности и нашло особенно яркое выражение в «Прокламации к болгарскому народу»². На наш взгляд, автору монографии следовало бы более четко подчеркнуть и революционную постановку Л. Каравеловым в этом документе крестьянского вопроса³. Кр. Шарова сосредоточила свое внимание на выяснении стратегии Л. Каравелова и пришла, на наш взгляд, к правильному выводу, что еще до прибытия в Белград (февраль 1867 г.) Л. Каравелов воспринял от русских революционных демократов идею революционного союза в борьбе за свободу. Он стремился исполнять все факторы для освобождения народов — помощь русского правительства, славянских комитетов, Сербии и т. п. Но он не встал на путь панславизма, не воспринял славянофильскую доктрину, а выдвинул идею федеративного устройства будущего государства на принципах полного национального равенства, добровольности, на основе демократических свобод (стр. 112—117, 409).

Центральное место в монографии занимает вопрос о революционной организации, созданной Л. Каравеловым в Сербии в конце мая 1867 г. под названием «Болгарский комитет в Белграде». Утверждение автора о существовании революционного центра, руководимого Л. Каравеловым, является настолько новым, что оно изменяет все представления историков не только о личности Л. Каравелова в период его становления как революционера, но и о состоянии национально-освободительного движения в Болгарии в бурный 1867 год. Многие историки задумывались над документами, подписанными Л. Каравеловым в 1867 г. от имени «Болгарского центрального комитета»⁴. Однако в литературе никто не оспаривал точки зрения академика М. Димитрова, что комитет, от имени которого писал Л. Каравелов, фактически не существовал, что последний прибегал к политическому эффекту, чтобы придать больший вес болгарскому национально-освободительному движению перед внешним миром, чтобы убедить славянские страны объявить войну Турции⁵.

На наш взгляд, в монографии эта центральная проблема решена убедительно.

² Публицистика на Любен Каравелов. Издирил и подготовил за печат академик Михаил Димитров. София, 1957 (на обложке 1958), стр. 309—311.

³ См. подробно: В. К о н о б е е в. За аграрната програма на българските революционери през 60—70-те години на XIX в. «Исторически преглед», София, 1971, кн. 3, стр. 45—46.

⁴ «Публицистика на Любен Каравелов», стр. 223, 245, 268, 270, 311, 341.

⁵ М. Д и м и т р о в. Л. Каравелов. Биография. София, 1959, стр. 124—125 и др.

¹ Подробно см. Л. В. В о р о б ь е в. Философские и социологические воззрения Любена Каравелова. М., 1962, стр. 7—11.

Автор на основе многочисленных документов показала, что «Болгарский комитет в Белграде» был реальной действительностью, и руководящая роль в нем принадлежала Любецу Карвелову (стр. 189). Она провела сопоставление многих косвенных источников (сообщения печати Сербской Омладины, русских и западноевропейских газет, донесения консулов и т. п.) и прямых документальных свидетельств — показаний участников комитетов и т. д. Самым убедительным доводом существования болгарского комитета в Сербии является «Закон и паредба», принятый им в июне 1867 г. как основа формирования вооруженных отрядов, в котором, как говорит Кр. Шарова, аккумуляровались идеи Л. Карвелова. Впервые в литературе так широко исследована практическая деятельность Карвелова и Болгарского комитета в Белграде по подготовке восстания в Болгарии, в частности, по формированию болгарских чет на территории Сербии, показано, как в сложной борьбе трех различных течений среди болгарской эмиграции в Сербии и Румынии Карвелов и его комитет занимали революционные позиции, которые сближали их с революционной группировкой Раковского. И если не всегда можно согласиться с категорическими суждениями автора о возможных организационных связях Карвелова с Раковским, уже сама постановка такого вопроса поощряет историков на дальнейшие поиски.

С марксистско-ленинских позиций в книге рассмотрены связи Болгарского комитета и Л. Карвелова с освободительным движением других стран: политическое сотрудничество с Объединенной Сербской Омладиной и ее идеологами, первыми сербскими социалистами Ж. Жуевичем и Св. Марковичем, связи с освободительным движением народов Хорватии, Черногории, Боснии и Герцеговины, наконец, участие чешских добровольцев

в болгарских четах. Одна треть книги отведена решению этой важной проблемы. Не имея возможности дать в нашей рецензии подробный анализ этой главы, ограничимся только суммарными выводами. Общеизвестны трудности, которые неизбежно встают перед исследователями при изучении вопросов о революционных связях и совместной практической революционной деятельности болгарских, сербских и русских революционеров. Однако автор книги, собрав воедино весь доступный ей материал, сумела сделать обобщения, во многом восполняющие отсутствие в болгарской и югославской, да и в советской историографии трудов, которые бы охватывали все национально-освободительное движение в 60-годы XIX в. на Балканах. На наш взгляд, автору удалось показать, что Л. Карвелов, наряду с Ж. Жуевичем, принадлежит к числу первых славянских деятелей эпохи национального Возрождения, предложивших демократическое решение славянского вопроса, что революционным представителям двух братских народов были чужды идеи национальной ограниченности. В центре внимания автора — процессы, которые объединяли народы в борьбе с турецким игом.

Подводя итог, следует отметить полемический характер книги. И несмотря на отдельные недостатки (главный из них — излишняя категоричность), мы с полным основанием можем сказать, что книга Кр. Шаровой является не только глубоким монографическим исследованием формирования Л. Карвелова как революционера, не только крупным вкладом в изучение национально-освободительного движения в Болгарии в целом, но и значительным достижением в изучении революционных связей на Балканах, как проявления революционного интернационализма братских народов в допролетарский период.

В. Д. Конобеев

M. BRITOVSEK. Anton Fuster in revolucija 1848 v Avstriji. Maribor, 1970, 445 s.

М. БРИТОВШЕК. Антон Фюстер и революция 1848 г. в Австрии

Монография Бритовшека посвящена одному из видных демократических деятелей революции 1848 г. в Вене Антону Фюстеру. Этой теме исследователи еще не касались, хотя каждый историк 1848 г. не мог обойтись без мемуаров Фюстера, не мог не отметить его роли в развитии студенческого и вообще демократического движения в Вене. Бритовшек проделал огромную работу по сбору материалов о Фюстере в венских и словенских архивах, немецкой, словенской, американской

прессе и др. И можно сказать, эта работа увенчалась успехом — шаг за шагом автору удалось проследить не только события жизни Фюстера, но и развитие его взглядов.

Биография Фюстера весьма интересна. Словенец по происхождению, родившийся в Крайне в 1808 г., Фюстер получил духовное образование, и в течение многих лет был священником, большей частью преподавателем закона божьего в учебных заведениях Крайны и Горицы. В молодом

сти, в начале 30-х годов, Фюстер был близок к кругу лиц, группировавшихся вокруг прогрессивного словенского альманаха «Крапская пчелка», издававшегося великим словенским поэтом Франце Прешерном. Бритовшек не без основания считает, что в то время на Фюстера оказал большое влияние священник Якоб Зупан, один из активных деятелей этого кружка, впоследствии сосланный властями в Каринтию за резкую критику в его проповедях высшего духовенства, вмешавшегося в политику и более всего заботившегося о своих материальных благах. Позднее в 40-х годах Фюстер первым пытался ввести в горицкую духовную семинарию, где он был преподавателем, факультативное обучение словенскому языку. Таким образом, до революции 1848 г. Фюстер, хотя и не слишком активно, но все же участвовал в словенском национальном движении. Его непосредственное начальство в то время характеризовало его как лояльного католика. В 1847 г. Фюстер стал профессором закона божьего и педагогики в Венском университете. И здесь он не вызывал ни малейших оснований подозревать его в не-лояльности режиму и церкви вплоть до 12 марта 1848 г., когда Фюстер отказался по указу властей призвать студентов к порядку и послушанию.

Уже сам факт перехода Фюстера в срок лет с позиции лояльного чиновника на позиции революционера весьма знаменателен. С этого времени он навсегда связывает свою судьбу с революцией. В начале революции Фюстер поддерживает словенское национальное движение. Он шлет приветствие на словенском языке своим бывшим ученикам в Горице, присутствует при создании словенского национального либерального общества в Вене «Словения». Но поскольку словенские национальные деятели оказались умеренно либеральными и консервативными, Фюстер решительно порвал с ними и перешел на позиции немецкой демократии. Об этом он открыто заявил в своей речи 6 июля 1848 г. И позднее, уже стариком вернувшись на родину из эмиграции, Фюстер написал, что, являясь словенцем по происхождению, он осознает себя немецким революционером демократом (стр. 282). Как и немецкие демократы, Фюстер стал одним из самых горячих поборников объединения немецких земель, как и они, он подозрительно и неприязненно относился к славянским национальным движениям в Австрии. Фюстер был первым из словенцев демократического и либерального направления, которые из-за отсталых консервативных концепций словенского национального движения перешли на позиции немецкого национального движения.

Бритовшек использует в монографии новые источники, в том числе неопубликованные воспоминания Фюстера о жизни

ни в США. Они дают возможность яснее и полнее осветить идеологию Фюстера, который и в Америке не растерял своих революционных идеалов и оставался убежденным республиканцем, активным аболиционистом и противником католической церкви.

Наиболее интересны в книге главы о революции (2—8). В них деятельность Фюстера дается на широком фоне революционных событий в Вене и в Австрийской империи. Особенно пристальное внимание автор уделяет студенческому движению и Академическому легиону, с которыми прежде всего бы связан Фюстер в 1848 г. В мае 1848 г. он стал фактическим руководителем Академического легиона, а летом его избрали депутатом в Венский парламент, где он, по словам советского историка Р. А. Авербух, стал одним из вожakov левой¹. Большое влияние Фюстера на широкие демократические слои в Вене отмечает и прогрессивный австрийский историк Е. Пристер².

Излагая в главах о революции уже известный материал (может быть излишне подробно), автор сумел вместе с тем по-новому осветить ряд вопросов. В частности, проведя параллели между высказываниями Фюстера, с одной стороны, и Маркса и Энгельса, с другой, Бритовшек приходит к обоснованному выводу о совпадении или близости их позиций по важнейшим вопросам революции (оценка европейской революции, роли в ней рабочих, панславизма, национального движения в Польше и Венгрии и т. д.) (стр. 266). Фюстер позднее встречался с Марксом лично — вместе с ним он подписал в Лондоне 20 сентября 1849 г. листовку с призывом оказать помощь немецким революционерам — эмигрантам. Приведенные в книге высказывания словенской прессы о деятельности Фюстера в Вене в 1848 г. наглядно показывают, как далек был он от взглядов как консервативных, так и либеральных словенских национальных деятелей, делают понятным для читателя переход Фюстера на позиции немецких демократов.

Оценка Бритовшеком деятельности Фюстера, а также подавляющего большинства событий 1848 г. не вызывает возражений. Все же некоторые высказывания автора требуют уточнений и разъяснений.

Так автор относит к консервативным словенским руководителям Блейвейса, Сломшека, Трстеньяка, Маяра (стр. 162). Все эти люди не были революционерами как Фюстер, но взгляды их весьма различались. Сломшек принадлежал к крайнему реакционному лагерю, а Блейвейс возглавлял умеренно-консервативное кры-

¹ Р. А. А в е р б у х. Революция в Австрии (1848—1849). М., 1970, стр. 108.

² Е. П р и с т е р. Краткая история Австрии. М., 1952, стр. 363.

ло словенцев. Трстеньяк и особенно Майяр были либералами. Последний являлся одним из создателей программы Объединенной Словении, ставшей на многие десятилетия знаменем наиболее радикальных направлений в словенском национальном движении (кстати, Бритовшек сам упоминает об этом в примечаниях). Оба, Трстеньяк и Майяр, остались верными своим убеждениям всю жизнь и позднее были близки младословенцам. Поэтому относить всех этих деятелей к одному консервативному лагерю неправомерно.

Неверно, что в 1848 г. славянские народы Австрийской империи склонялись к панславизму (стр. 128). Панславизм (он понимался немецкими буржуазными и демократическими идеологами как стремление создать универсальную славянскую империю во главе с Россией) появился в идеологии некоторых славянских национальных деятелей только после поражения революции 1848 г. в Австрии и особенно распространился к концу 60-х годов, когда в Австрийской империи стали проводиться дуалистические преобразования. В 1848 г. никто — ни славянские либералы, ни царское правительство тем более — не увлекался панславизмом. Наоборот, для либеральных славянских деятелей крепостническая Россия была едва ли не большим страшлищем, чем объединенная Германия. Весной 1848 г. в «Письме во Франкфурт» Ф. Палацкий выдвинул программу федерализации и славянизации Австрийской империи, программу, получившую название австрославизма и с энтузиазмом поддерживаемую большинством славянских национальных деятелей. Именно австрославизм, а не панславизм, был их идеалом в 1848 г. Что же касается панславизма, то возникновение самого этого термина, по справедливому высказыванию советского историка В. Волкова, «было одним из проявлений националистической реакции на освободительное движение славянских народов со стороны буржуазно-либеральных и консервативных течений в Германии и Венгрии»³. В 1848 г. и немецкие

демократы взяли на вооружение жупел панславизма, выступая против самостоятельного национального развития славянских народов. Кстати, тенденциозность немецких деятелей в оценке славянского национального движения в 1848 г. отмечает и прогрессивный австрийский историк Е. Пристер. Полемизируя с австрийскими буржуазными исследователями, рассматривавшими всеславянский съезд в Праге как попытку чешских деятелей выдать русскому царизму австрийскую революцию, она подчеркивает, что «к русскому царизму съезд не имел вообще никакого отношения»⁴.

Не следовало бы без комментариев автора приводить некоторые высказывания, например Пулшки. Так он писал, что депутаты парламента — галицийские крестьяне были врагами образованных поляков и радикальных немцев (стр. 180). Вряд ли вражда крестьян к полякам зиждилась на образованности последних — в ней сказывалась прежде всего классовая ненависть украинского крестьянина к польскому помещику, и это необходимо было бы подчеркнуть. Есть и некоторые другие формулировки, вызывающие возражения.

Но все эти недочеты не могут сказаться на общей положительной оценке книги Бритовшека. Его монография, возрождая образ одного из пламенных революционеров 1848 г., актуальна, имеет познавательно-воспитательное значение. Имя Фюстера, привлекательное для радикально настроенной молодежи, уже в 70—90-е годы XIX в. пытались использовать в своих целях немецкие националисты типа Шёнераера, провозглашая его своим предшественником в стремлении объединить немецкие земли. Бритовшек показал коренное отличие идей Фюстера, стоявшего за объединение Германии революционным путем, и националистических идей Шёнераера и ему подобных. Имя Фюстера, как справедливо подчеркнул автор, по праву вошло в историю революционного движения как австрийского, так и словенского народов.

И. Чуркина

³ В. Волков. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм». В сб. «Славяно-германские культурные связи и отношения», М., 1969, стр. 69.

⁴ Е. Пристер. Там же, стр. 376.

НИКОЛАЙ ЖЕЧЕВ. Браила и българското културно-национално възрождение. София. 1970, 240 с.

НИКОЛАЙ ЖЕЧЕВ. Браила и българское культурно-национальное Возрождение

В болгарской, русской, советской и румынской историографии существует обширная литература по истории переселения болгар, однако, до сих пор не все аспекты этой большой проблемы достаточно изучены. Автор настоящей книги рассматривает культурно-просветительскую деятельность болгарской колонии в Браиле и связи ее с Болгарией, делает обстоятельный анализ экономического развития колонии.

Не случайно объектом исследования избирается город Браила, игравший первоочередную роль в культурной и духовной жизни болгарского народа. «Если Бухарест, — пишет Н. Жечев, — являлся бесспорным центром общественно-политических организаций и проявлений нашей эмиграции в 60—70-е годы XIX в., то можем с уверенностью утверждать, что в 60-е годы прошлого века Браила была культурной столицей многочисленной болгарской эмиграции в Валахии и Молдавии». Н. Жечев отмечает, что Браила являлась одним из исторических звеньев, связавших два братских народа (румынский и болгарский).

В монографии собран большой фактический материал, использован разнообразный круг источников, как опубликованных, так и не опубликованных, привлечена обширная литература. Одним из основных источников для освещения данной проблемы является болгарская периодическая печать, в частности, газеты, выходившие в Браиле, «Българска пчела» и «Дунавска зора». Книга хорошо издана и иллюстрирована, содержит библиографию и указатель личных имен и географических названий.

Монография состоит из предисловия, четырех глав и заключения. В первой главе дается краткий очерк переселения болгар в Браилу в эпоху Возрождения, описание экономического развития Браилы, превращение ее к 30—40-м годам XIX в. в важный торговый центр Юго-Восточной Европы и вместе с тем в один из крупных центров болгарской эмиграции, куда особенно после 1829 г. устремилась масса болгар из различных районов страны. Поэтому Браила стала пунктом, через который осуществлялись связи со многими районами Болгарии. Это хорошо иллюстрируется в книге картой-схемой (стр. 25).

Не располагая точными сведениями о численности болгарского населения в Браиле, Н. Жечев при сопоставлении различных данных высказывает предположение, что в Браиле с 30-х годов до освобождения Болгарии насчитывалось до

1000 болгарских семейств, составлявших значительную часть жителей города. Здесь же он останавливается на социально-классовой структуре болгарской эмиграции и отмечает усиливавшуюся дифференциацию, которая определяла различные идейно-политические направления среди браильских болгар.

Наибольший интерес представляет вторая, центральная глава, посвященная состоянию и развитию просвещения у болгарских эмигрантов в Браиле до освобождения. Касаясь 40-х годов, автор останавливается на деятельности Г. С. Раковского, который, учительствуя в Браиле, принимал участие в организации выступлений болгар («браильские бунты»).

Н. Жечев рассматривает два этапа в развитии болгарского просвещения. Первый этап характеризуется обучением болгар в греческих и румынских школах. Вторым этапом начинается с открытия национального болгарского училища в августе 1861 г. Автор показывает стремление видных болгарских деятелей превратить браильское училище в центр образования не только местных болгар, но и болгар из разных областей порабощенного отечества (стр. 63, 88). В книге рассматривается участие в культурно-национальном движении болгарской эмиграции (Г. Раковского, члена БРЦК Т. Пеева и других революционеров).

Н. Жечев подчеркивает народный, демократический характер браильского училища как по составу учеников (представители крупной болгарской буржуазии предпочитали посылать своих детей учиться за границу) и преподавателей, так и по своей доступности, программе, выборному руководству. Сотни молодых болгар получили образование на родном языке. Школа способствовала приобщению болгарских эмигрантов к общенациональным стремлениям, сохранению у них национального самосознания, народной самобытности.

В третьей главе рассматриваются различные формы культурной жизни браильских болгар. Развертыванию культурно-национального движения болгарской эмиграции благоприятствовали буржуазно-либеральные законы в Румынии, обеспечивавшие сравнительную свободу общественно-культурной деятельности. «Неслучайно Г. С. Раковский Л. Каравелов, Хр. Ботев и другие видные руководители болгарской национальной революции называли румынскую землю убежищем для болгарских патриотов, вынужденных бежать от чужеземного гнета, и считали ее второй родиной» (стр. 98).

Большое внимание автор уделяет театральной деятельности, тесно связанной с творчеством Добри П. Войникова, основателя народного болгарского театра. Н. Жечев убедительно показывает, что театральная деятельность была подчинена главной общественно-политической задаче — пробуждать у соотечественников национальное самосознание и патриотизм. Эта цель предопределяла и историческую тематику драматургии.

Особое внимание уделено связям Д. Войникова с румынскими театральными деятелями в конце 60-х годов, в частности, с труппой И. Караджале, которая сыграла большую роль в популяризации среди румынского народа идей освободительной борьбы болгар. К сожалению, автор не располагает данными о театральной деятельности брайльских болгар с конца 60-х годов до 1876 г., когда возникает театральное общество «Светлина», которое передавало собранные от представлений средства в пользу жертв Апрельского восстания. На основании имеющихся данных Н. Жечев делает вывод о непосредственной связи этого общества с Болгарским центральным благотворительным обществом (БЦБО) и согласованности своих действий с ним.

Автор рассматривает деятельность и других общественно-культурных организаций: читален, женского общества. Анализируя тематику бесед, лекций, проводившихся в читальнях, автор приходит к выводу, что она носила преимущественно историко-общественный характер.

Очень интересен раздел, посвященный деятельности брайльских болгар в издании литературы, отражавшей идеи болгарского Возрождения. Они оказывали материальную помощь в печатании болгарских книг и периодических изданий от революционного направления (Г. Раковский и Хр. Ботев) до буржуазно-либерального («Дунавска зора»), содействовали распространению болгарской литературы как среди своих соотечественников-эмигрантов (в частности, издания Л. Каравелова, Хр. Ботева, И. Вазова и др.), так и внутри Болгарии.

Значительное место в монографии уделяется Браиле как центру болгарского книгопечатания в 60—70-е годы XIX в. В 1863 г. здесь вышла первая газета болгарских эмигрантов в Румынии «Българска пчела», уделявшая большое внимание вопросам просвещения и сы-

гравшая, как отмечает автор, немалую роль в общественной и культурной жизни болгарской колонии. Для распространения революционных идей огромное значение имела газета Хр. Ботева «Слово на българските емигранти».

С 1870 г. в Браиле начало выходить первое болгарское научное периодическое издание «Периодическо списание на Българското книжовно дружество», в котором печатались, главным образом, материалы по болгарской истории, языковедению и литературной критике.

В заключении главы автор рассматривает историю основания и деятельность Болгарского литературного общества, явившегося изначалом Болгарской академии наук.

В последней главе дается краткий обзор участия болгар Браилы в церковно-национальной борьбе.

Монография Н. Жечева убедительно показывает значение и место Браилы в культурно-национальном Возрождении болгарского народа, значительно расширяет наши знания о просветительской деятельности болгарских эмигрантов. По ряду объективных причин, не все поставленные в работе вопросы с достаточной полнотой освещены, а некоторые положения представляются спорными. На наш взгляд, недостаточно определенно обозначен выделенный автором первый этап развития школьного дела в Браиле, и к тому же этот раздел содержит некоторые противоречивые моменты (например, об училище Н. Стефанова и др.), объясняющиеся отсутствием точных данных. Вывод автора о том, что и в эти годы не прекращались связи с болгарской литературой и изучение болгарского языка, не вытекает из вышеизложенного текста (стр. 38).

Нам представляются несколько преувеличенными выводы, содержащиеся во второй главе, так как фактический материал не дает для них оснований, тем более и сам автор отмечает, что в силу ряда причин объективного и субъективного характера брайльское училище не могло в полной мере решать важные задачи, которые ставило революционное национально-освободительное движение болгарского народа. Однако отмеченные недостатки не снижают ценности книги.

Н. Зуева, Е. Шатохина

С. Н. ЛИШЕВ. *Българският средновековен град*. Обществено-икономически облик. София, 1970, 224 стр., 52 рис.

С. Н. ЛИШЕВ. *Болгарский средневековый город*. Общественно-экономический облик

История болгарского города в IX—XV вв. — не легкая для изучения тема. Историк западноевропейского средневекового города, привыкший иметь дело с цеховыми уставами, описями, сотнями и тысячами деловых документов, с городскими хрониками, наконец, в растерянности остановится перед этой темой: все эти типы красноречивых источников здесь отсутствуют. Исследователь болгарского средневековья вообще и болгарских городов в частности может опереться лишь на случайные и отрывочные свидетельства «автохтонных» письменных памятников и потому вынужден привлекать, с одной стороны, не менее отрывочные иноязычные (греческие, латинские, старофранцузские, турецкие и прочие) материалы, а с другой — данные археологии и нумизматики. Использование источников такого рода весьма затруднительно: во-первых, из-за скудости письменных свидетельств каждое из них на счету, большинство их давно уже вошло в оборот и обросло толкованиями, так что новые письменные материалы здесь исключительное явление: во-вторых, невозможно одновременно быть специалистом во всех областях: в османской литературе и в нумизматике, в латинской палеографии и в археологии. Исследователь в очень большой степени вынужден опираться не только на методологию и методику своих предшественников, но и непосредственно на полученные ими результаты.

Естественно, что С. Лишев был вынужден пользоваться большим числом письменных источников, которые привлекались болгаристами и византинистами до него — такими, как «Шестоднев» Иоанна Экзарха, «Книга эпарха», или переписка Феофилакта Ифеста, архиепископа Охридского. В книге используются и сравнительно недавно опубликованные письма Григория Антиоха (не Григория Антиохийского, как пишет Лишев), важные для воссоздания аграрного уклада Сердики-Софии в конце XII в. (стр. 63), — правда не по оригиналу¹, а в изложении Г. Цанковой-Петковой и П. Тивчева². Среди новых источников, привлеченных

¹ J. Dagrouzès. Deux lettres de Grégoire Antiochos écrites de Bulgarie vers 1173. BS, 23—24, 1962—1963. См. об этом также: А. П. К а ж д а н. Григорий Антиох. ВВ, 26, 1965, стр. 97 и сл.

² Г. Ц а н к о в а, П. Т и в ч е в. Нови данни за историята на Софийската област през последните десятилетия на византийското владичество. ИИБИ, 14—15, 1964.

Лишевым, — описи тимаров в районе Тырнова от середины XV в. (стр. 104—106).

Археологические материалы, широко использованные автором, взяты им из трудов болгарских археологов³. Весьма важно, что автор собрал воедино разнородные свидетельства источников, касающихся болгарского города IX—XV вв.

Интерпретация источника — другая сложная задача, стоявшая перед Лишевым. Интерпретация «первичной информации», всегда нелегкое дело, усложнялась в данном случае тем, что скудость материала делала проверку заключений почти невозможной. Как известно, в последнее время усиленно дебатруется вопрос о возможности использования нумизматических данных для воссоздания экономической истории Византии и отдельных стран. «Скептики», как Ф. Грирсон и С. Врионис, указывают на трудности, возникающие при интерпретации монетного материала, и считают их непреодолимыми; напротив, Д. Меткалф разработал ряд методов, позволяющих на основе монетных находок приблизительно оценить размер эмиссии данного монетного типа в целом, и использовал эти данные (а равно картографию монетных находок) для выяснения соотношения натурального и денежного хозяйства на Балканах⁴. К сожалению, методы и выводы Меткалфа не были приняты во внимание Лишевым.

В интерпретации монетных находок в Болгарии Лишев сделал, частично опираясь на работу С. Цонева⁵, существенное наблюдение: монетные клады XI—XII вв. содержат большое количество единиц, а клады XIII—XIV вв. относительно маломонетны. Как объяснить это? Возможность уменьшения числа монет

³ См. Г. К о н я р о в. Принос към историята на рударството и металургията в България. София, 1953; Р. Русев. Върху технологията на някои железни предмети от XII—XIII в. «Археология», III, 2, 1961; И. Ч а н г о в а. Средновековни оръдия труда в България. ИБАИ, 25, 1962.

⁴ D. M. Metcalf. Coinage in the Balkans. 820—1355. Thessaloniki, 1965. Интересная монография: M. F. Hendy. Coinage and Money in the Byzantine Empire. 1081—1261. Washington, 1969 — еще не могла быть использована Лишевым.

⁵ С. Ц о н е в. Стоково производство във феодална България в светлината на колективните монетни находки. «Трудове на Държавния университет в гр. Сталин. Стопански факултет» 2, 1952—1953.

в обращении Лишев отвергает — по его мнению, монет в это время чеканили много. Не могла сказаться и политическая стабилизация, которая, согласно И. В. Соколовой, должна была вести к уменьшению зарывания кладов. Разгадку он видит в том, что в XIII—XIV вв. «тезаурация отступает на задний план», а обращение монеты усиливается (стр. 46 и сл., 113—115).

Интересна интерпретация источников, касающихся терминологии болгарского города. Как известно, византийские памятники (а в этом вопросе нам приходится опираться прежде всего на них) обозначают город разными терминами, что приводит некоторых ученых к выводу об отсутствии какой бы то ни было закономерности в этой терминологии⁶. По мнению Лешева, однако, обозначение одного и того же поселения в источниках то как крепости, то как города связано со спецификой градоустройства на Балканах: город состоял из крепости и «подградия», и современники иногда видели в нем целое, иногда же — только «акрополь», укрепление (стр. 21—23). Истолкование это, впрочем, не бесспорно. Дело в том, что в источниках варьируют не только понятия крепости и город: македонское поселение Чурул именуется в византийских источниках деревней, городом и городком — и это не единственный случай распыленности терминологии, не вмещающийся в двучленную схему Лешева: крепость — город.

⁶ См. об этом также: Л. В. Г о р и н а. Некоторые вопросы терминологии средневекового болгарского города. «Советское славяноведение», Минск, 1969. Горина критикует как скептика П. Коледарова, так и самого Лешева (по его более ранней работе).

Достоинством работы Лешева является осторожность в выводах. Автор хорошо видит сложность действительности, противоречивость развития, амбивалентность влияния того или иного фактора. Он признает элементы преемственности городской жизни от античности и качественное отличие средневекового города от античного (стр. 11—14); он отмечает роль земледелия в городской экономике, но видит в городах прежде всего ремесленные центры (стр. 27 и сл.); он считает, что в средневековой болгарской экономике наличествовали и натурально-хозяйственные и денежные элементы, проявившиеся как в городе, так и в деревне (стр. 47—54); он отмечает как положительные, так и негативные стороны византийского влияния на болгарскую экономику (стр. 61—66) и т. д.

Здесь можно спорить лишь о расстановке акцентов. Так на мой взгляд, экономический упадок в Плиске и Преславе в XI—XII вв. не связан непременно с византийским влиянием — нельзя сбрасывать со счетов, что город перестал быть болгарской столицей, а это не могло не сказаться на его хозяйственной роли.

Несмотря на спорную интерпретацию отдельных фактов, книга Лешева дает объективную, полную и всестороннюю картину жизни средневекового болгарского города — прежде всего его экономической жизни; в последней главе обрисована политическая и социальная структура города в XIII—XIV вв. Город был, конечно, центром просвещения и культуры, но сведения об этом слишком скудны. О чем нужно пожалеть, это об отсутствии карты — городов, торговых путей, рудников и т. д., которая облегчила бы понимание экономической истории болгарских городов.

А. Каждан

BOLESŁAW FARON. Zbigniew Uńilowski. Wiedza Powszechna. Seria «Profile», Warszawa, 1965, 285 s.

БОЛЕСЛАВ ФАРОН. Збигнев Униловский

Творчество Зб. Униловского (1909—1937) — одна из ярких страниц истории польской литературы 30-х годов XX в. За свою недолгую жизнь — в возрасте 28 лет Униловский умер от туберкулеза — писатель издал два нашумевших в свое время романа, книгу рассказов, два тома репортажей. В послевоенные годы книги Униловского переиздавались, по его роману «Общая комната» в 1959 г. был снят художественный фильм, а в 1964 г. телефильм. Но до монографии Б. Фарона ни творчество писателя, ни его жизненный путь не были предметом сколько-ни-

будь серьезного исследования. В многочисленных воспоминаниях о литературной жизни Польши межвоенного периода, появившихся за последние годы, об Униловском рассказывалось много легенд. Судьба писателя была нелегкой. В детстве потеряв родителей (мать умерла от туберкулеза, а отец покончил жизнь самоубийством), Униловский был вынужден оставить среднюю школу и зарабатывать на жизнь. Он рано познакомился с жизнью общественных низов, с нищетой варшавского люмпенпролетариата, с голодом, унижениями, алкоголем и болезня-

ми. Он работал помощником каменщика, служил на побегушках у портного, а затем в модном варшавском ресторане «Астория». В «Астории» и «открыл» будущего писателя в 1926 г. известный композитор Кароль Шимановский, случайно обративший внимание на талантливого юношу. Помощь Шимановского позволила Униловскому заняться самообразованием и литературной деятельностью.

В разделе «Драматическая биография», открывающем книгу Б. Фарона, без излишней сенсационности, присущей некоторым воспоминаниям, но живо и занимательно рассказывается о трудной судьбе писателя, точно устанавливаются факты его биографии. Б. Фарон привлекает много новых интересных материалов, в том числе архивных, содержащих информацию о его личной жизни и в ряде случаев важных для правильной интерпретации его произведений.

Разделы книги Б. Фарона рассказывают о творчестве Униловского в хронологическом порядке: «Художественные поиски» — о первых рассказах писателя, вошедших в сборник «Человек за окном»; «Вокруг "Общей комнаты"» — о романе «Общая комната» (1932), повествующем о пиццеском, не озаренном верой в какие-либо идеи существовании начинающих литераторов и студентов в буржуазной Польше; «Пацифистский бунт поколения?» — о конфискованном цензурой беллетризованным репортаже «Один день рекрута» (1934) — памфлете, направленном против применяемых в армии воспитательных мер, унижающих достоинство человека; «В кругу репортажа» — о сборнике репортажей Униловского, путешествовавшего по Южной Америке в 1935 г.; наконец, «Двадцать лет жизни» — об одноименном незаконченном романе Униловского автобиографического характера (I том — 1937 г.).

В каждом из разделов Б. Фарон анализирует и комментирует произведения Униловского, помещая их в контекст произведений польской и мировой литературы, близких по теме или художественным решениям. Характеристика произведений Униловского получается при этом многосторонней, объемной, позволяет автору прийти к важным историко-литературным и теоретическим выводам. Правда, иногда поиски подходящего контекста приводят Б. Фарона к натяжкам, на мой взгляд, сопоставлениям. Так, например, вряд ли можно сближать изображение в романе Хемингуэя «И восходит солнце» трагедии «потерянного поколения», вынужденного участвовать в империалистической войне, с картинами драматического существования послевоенного поколения польской интеллигенции в романе Униловского «Общая комната».

Б. Фарон устанавливает характер творческой эволюции Униловского, решительно отбрасывает утверждения о на-

турализме его творческого метода и убедительно доказывает реализм писателя. Наиболее интересно, пожалуй, проанализирован в книге роман «Двадцать лет жизни». Развернутый анализ этого самого зрелого произведения Униловского Б. Фарон имеет полное право подытожить словами о том, что роман является широким полотном польской межвоенной действительности и приговором ей, несмотря на весь кажущийся объективизм и документальную манеру повествования, несмотря на явную неприязнь писателя ко всякого рода дидактике и морализаторству.

Б. Фарон внимательно исследует мировоззренческие позиции Униловского и приходит к выводу об отсутствии у него определенных политических взглядов. «Тем не менее, — замечает исследователь, — его произведения о межвоенной действительности говорят иногда больше, чем многие книги, написанные с пролетарских позиций. Так происходит потому, что в творчестве автора „Двадцати лет жизни“ проявляется органическая связь писателя с общественными низами» (стр. 264). Жаль только, что Б. Фарон не привлек для сравнения с романом Униловского произведений польской пролетарской прозы 30-х годов и не соотнес реализм Униловского с концепцией реализма левой польской критики этих лет, противопоставлявшей реализм репортажности и так называемому «неореализму», «прозе серого человека», «новой вещности» и т. п.

Интересны рассуждения автора о характере реализма в XX в. Б. Фарон — в отличие от многих современных польских критиков, увлекающихся формальными поисками писателей XX в., верно подчеркивает, что «в прозе межвоенного двадцатилетия наряду с экспериментами, разрывающими с эстетическими традициями XIX века, мы наблюдаем непреходящую жизненность критического реализма» (стр. 260).

Однако, замечает Фарон, критический реализм XX в. отнюдь не монолитен. Творчество Униловского свидетельствует, например, об отказе от таких важных элементов реализма XIX в., как «типичность» и «обобщение», в пользу автобиографизма, документализма, фактографии. «Это вело в итоге к своеобразной „алхимии литературных жанров, к проникновению в роман и рассказ репортажной и публицистической техники» (стр. 261).

Возможно, что многим это утверждение покажется спорным, но я привожу его лишь с целью показать, что исследование Б. Фарона об Униловском имеет «выходы» в историю литературы XX в., в теорию реализма, что оно представляет большой интерес не только для специалистов по Униловскому, но и для широкого круга литературоведов.

В. Хорев

ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ДОСТИЖЕНИЕ

Изучить польский социальный роман 40—70-х годов XIX в., выявить его роль в литературном процессе тех лет, условия его возникновения и формирования, его место в ряду других жанров и таким путем конкретизировать характеристику его собственных жанровых особенностей — такую цель поставила перед собой Е. З. Цыбенко, автор рекомендуемой вниманию читателей книги¹. Задача не из легких уже потому, что вокруг романа вообще не умолкают споры, и тем более трудная, что в данном случае предметом этого спора является социальный жанр. Это как раз тот вид произведений, который теснее других связан с историей реалистического направления, где проблема общества и личности, столь жгучая и в наши дни, ставится наиболее обнаженно и где поэтому различные классовые концепции справедливости, нравственности, человечности и т. п. сталкиваются особенно резко. Историко-литературная, теоретическая и идеологическая актуальность данной проблемы несомненна.

Исследование Е. З. Цыбенко охватывает период, начиная с первых попыток создания оригинального польского романа, относящихся еще к эпохе Просвещения, до 80-х годов XIX в. — времени расцвета реалистического искусства, а вместе с ним и романа. В этих хронологических границах автор прослеживает в сущности историю всего жанра, а не только его социальной разновидности, хотя последняя, начиная с появления в 1843—1844 гг. «Волшебного фонаря» Ю. И. Крашевского (именно это произведение выделяется в книге в качестве первого, уже вполне оформившегося польского социального романа), стоит в центре внимания и рассматривается обстоятельнее других. Вообще следует заметить, что содержание монографии гораздо богаче, чем можно было бы судить по ее названию. Кроме огромного количества произведений польской и отчасти русской литературы, Е. З. Цыбенко широко представила здесь литературную критику тех лет, учла все относящиеся к ее теме историко-литературные труды и теоретические изыскания в этой области советских и польских, а также и некоторых других зарубежных ученых. Все это придает книге характер основательного, солидного исследования.

Основной тезис работы Е. З. Цыбенко сводится к утверждению, что становление и развитие социального романа в Польше органически связаны с историей критического реализма, что эти два процесса

взаимобусловлены. Тезис этот, как известно, не нов, но считать его некоей аксиомой было бы неверно. Его проверка и конкретизация на материале различных литератур, и в частности такой богатой, как польская, — безусловно, важны для науки, и Е. З. Цыбенко, на мой взгляд, превосходно справилась со своей главной задачей.

К числу авторских удач следует отнести вдумчивый анализ произведений Крашевского и Ю. Коженевского, сочинений замечательного польского сатирика Я. Ляма, обстоятельное рассмотрение раннего творчества Э. Ожешко и многочисленных романов о восстании 1863 года. Е. З. Цыбенко обращается и ко многим забытым романистам (А. Плугу, С. Грудзиньскому, Э. Любовскому, М. Щелиге, В. Маррене и др.), которые не изучались специально даже в современной Польше, хотя в свое время они играли немаловажную роль в литературной жизни.

Одно из достоинств книги — это включение истории романа в историю литературных связей. Причем полнее всего представлены здесь контакты польских романистов с русскими. Объясняется это не только вполне понятной целевой установкой русского слависта, но и тем, что связи польской литературы середины XIX в. с русской изучены лучше, чем с другими, в чем, кстати, немалая заслуга самой Е. З. Цыбенко, внесшей значительный вклад в разработку этой проблемы. В этой связи я отметил бы как особенно любопытные доводы Е. З. Цыбенко в пользу того, что Крашевский, очевидно, читал Белинского и опирался на опыт И. С. Тургенева.

Благодаря развернутым типологическим сопоставлениям автору монографии впервые удалось установить, что в Польше — так же как во Франции и России — социальный роман формировался одновременно с развитием физиологического очерка.

Весьма плодотворной представляется мне полемика советской исследовательницы с польским литературоведом Станиславом Буркотом, автором книги «Споры о романе в польской литературной критике XIX в.» (1968). Хотя для Е. З. Цыбенко история критики была лишь частным моментом в ее исследовании, тем не менее — благодаря более широкой постановке самой этой проблемы и опоре на фактический материал литературного развития — ей даже в этой, узко специальной области, по-моему, кое-где удалось ближе подойти к истине, чем С. Буркоту. Так, Е. З. Цыбенко уделила должное внимание связям польской и русской теоретической мысли и осветила литературно-критическую деятельность сотрудников киевской «Гвядзды» и группы львовских демократов, выпав-

¹ Е. З. Цыбенко. Польский социальный роман 40—70-х годов XIX века. Изд-во Московского университета, 1971, 358 стр.

шую из поля зрения С. Буркота. Делая упор, так сказать, на чистую теорию, С. Буркот обращает внимание главным образом на то, что в 40—50-е годы в отличие от последующего, позитивистского периода в литературной критике общие высказывания о романе решительно преобладали над конкретными (а общие суждения по сути своей, как известно, и являются собственно теоретическими). Отсюда делается заключение, что по сравнению с 40—50-ми годами позитивистский период ничего не дал для разработки теории романа и что вообще, вследствие своей навязчивой тенденциозности, польский роман этого времени якобы переживал стадию улады. Е. З. Цыбенко, по-моему, правильно указывает на то, что после 1863 г., когда роман стал общепризнанным жанром в Польше, споры о нем, естественно, должны были конкретизироваться, что такой переход от общих суждений к специальным нельзя расценивать как застой и что вообще неправомерно судить о романе 60—70-х годов только по его буржуазной ограниченности. При всей иллюзорности их общественных идеалов, передовые польские литераторы позитивистского периода, справедливо доказывает Е. З. Цыбенко, все же решительно противостояли попыткам увести искусство от действительности, решали в своих романах такие задачи, какие не возникали прежде, и именно благодаря постановке новых проблем подготовили почву для наступившего затем расцвета польской реалистической литературы.

Свое, оригинальное решение предлагает автор книги и по другим научным актуальным вопросам, перечислять которые было бы почти равнозначно переписыванию оглавления. Так, анализируя различные концепции романа, автор стремится раскрыть, как они соотносились с общественно-политической жизнью Польши до и после восстания 1863 года, какое конкретное значение приобрели у представителей различных идеологических ориентаций на каждом данном этапе борьбы те или иные понятия, например, понятие тенденциозности, художественности, реализма, типичности и т. д. Благодаря такому подходу к оценке различных концепций романа польская эстетическая мысль предстает перед нами в своем живом развитии и национальном своеобразии.

То же самое надо сказать о способе анализа отдельных художественных произведений и их групп, а также о характеристике образа положительного героя, эволюция которого раскрывается не только в свете сменявшихся друг друга общественных идеалов и под углом жизненной обусловленности национальных польских типов, но и на фоне литературных традиций и в плане типологических сопоставлений польской и русской прозы.

Преимущественное внимание Е. З. Цыбенко обращено к содержательной стороне исследуемых произведений, однако немало страниц книги посвящено анализу формы и писательской техники. Имеются даже специальные разделы: «Проблемы техники романа. Типология жанра» (в главе IV), «Особенности художественной формы романа 60—70-х годов» (в главе VI) и «Художественное своеобразие романов Ожешко 60—70-х годов» (в главе VII). На фоне частных наблюдений, рассеянных по всей книге, эти разделы приобретают значение обобщающих характеристик, выделяющих из массы однотипных романов сходные, повторяющиеся элементы сюжетных схем, приемов развертывания интриги, способов повествования и т. д.

Показательно для Е. З. Цыбенко и ее стремление рассматривать историю романа в единстве с разработкой его теории и в связи с развитием литературной критики. Причем все это дается на фоне контактов и типологических схождений польской литературы с другими европейскими литературами. Такая широта и многосторонность анализа, разумеется, не могла не сказаться также на результатах изучения отдельных романистов и их произведений. Ярче всего это можно продемонстрировать на примере того, как подан Крашевский-писатель, о котором в последние годы писали много и сказать о котором новое слово не так-то просто.

Романы Крашевского рассматриваются по этапам его эволюции, характеризующейся посредством сопоставления его теоретических исканий и творческих достижений, в плане анализа содержания и формы его произведений, в свете его борьбы против реакционных писателей, в контексте всей современной ему польской литературы и его зарубежных связей, в частности, по линии теории — с Белинским, по линии художественной практики — с Бальзаком, Гоголем, Диккенсом, Тургеневым и др. Наконец, сами эти связи представлены с двух сторон: мы видим Крашевского, усваивающего опыт польских писателей и зарубежных классиков, и Крашевского, в свою очередь, влияющего на других (А. Марциковский, Плут, Ожешко и др.), причем не только на польских прозаиков, а и на других (например, А. Ф. Писемский). В результате такой многосторонности освещения Крашевского открываются новые грани его таланта, и его выдающаяся роль в истории польской литературы выступает в полной мере.

В книге Е. З. Цыбенко, как и во всяком большом труде, поднимающем сложный комплекс вопросов и дающем пищу для размышлений, есть, разумеется, и спорные положения. Мне хотелось бы, оставляя в стороне расхождение частного порядка, заострить здесь внимание на двух существенных моментах.

Первый из них сказывается при определении места социального романа в ряду других. В книге этому вопросу посвящен специальный раздел (стр. 114—129), где место социального романа среди иных разновидностей этого жанра определяется по его значению для развития реализма в польской литературе 40—70-х годов XIX в. При этом, однако, вне поля зрения исследовательницы оказываются то, что социальный роман не только влиял на развитие литературы, но и сам зависел от степени ее развития, следовательно, прежде всего от достижений исторических, психологических и иных романов и повестей. Разумеется, речь не идет о том, что Е. З. Цыбенко надо было исследовать обстоятельно и эту сторону литературного процесса (такое исследование потребовало бы создания еще одной работы). Но иметь в виду этот фактор было бы весьма полезно, чтобы не допускать преувеличений.

И еще: недостаточно четким представляется разграничение двух аспектов в оценке романов — конкретного, относящегося к отдельным произведениям, и общего, касающегося возможностей данной жанровой формы. Поясню, в чем тут дело. Е. З. Цыбенко убедительно доказала, что в 40—70-е годы XIX в. социальный роман играл первостепенную роль в литературном развитии Польши. Но отсюда еще не следует ни того, что он может заменять собой другие романы, ни того, что только в его жанровых рамках возможны высокохудожественные произведения. Когда Е. З. Цыбенко анализирует, например, «Меира Езофовича», она определенно говорит, что, хотя этот роман не относится собственно к социальному, однако по своим идейно-художественным

достоинствам он превосходит многие социальные романы. Тут все ясно: хорошие произведения возможны в разных жанрах. Но когда Е. З. Цыбенко переходит к характеристике правоучительного (бытового) романа, эта ясность исчезает. Исследовательница считает недостатком правоучительного произведения то, что в нем «социальная панорама никогда не выступает главным принципом организации сюжета» или что «повествование в бытовом романе замкнуто, как правило, рамками жизни семьи» (стр. 119); но ведь нельзя же упрекать бытовой роман в том, что он бытовой (правоучительный), а не социальный, иначе говоря — прикладывать к нему меру требований совершенно иного жанра. Недоразумение, по-моему, произошло здесь оттого, что Е. З. Цыбенко свои конкретные наблюдения над польским бытовым романом (а он в ту пору действительно не блистал) непосредственно возвела в обобщение, и в результате получилось, что отличительная жанровая особенность бытового романа — это его свойство быть непременно плохим произведением.

В целом же книга Е. З. Цыбенко существенно дополняет наши знания не только в области польской литературы середины XIX в., но и в области литературной критики, а главное — монография «Польский социальный роман 40—70-х годов XIX века» по существу обобщает накопленные наукой более чем за столетие наблюдения по одному из актуальнейших вопросов истории литературы братского нам народа. С этой точки зрения труд Е. З. Цыбенко — это весьма значительное достижение советской слаистики.

И. К. Горский

КУЛЬТУРА И БЫТ ВАРШАВЫ XVIII ВЕКА

Книга А. Бердецкой и И. Турнау «Повседневная жизнь в Варшаве эпохи Просвещения»¹ уже несомненно привлекла внимание полонистов, занимающихся XVIII в. Она представляет интерес для литературоведов и историков, искусствоведов и исследователей материальной культуры. Каждый из этих специалистов найдет в новой работе польских ученых полезный материал для своих исследований. Книга содержит множество фактов из истории архитектуры, театра, общественных движений, во многом опирается на архивные материалы. Отрадно при этом отметить, что авторы сумели избежать недостатка, присущего многим

комплексным работам. Их книга не превратилась в собрание разрозненных фактов, механически объединенных общим заглавием, что вполне могло произойти из-за многообразия материала. Они сумели подчинить этот материал одной теме — характеристике повседневной жизни Варшавы конца XVIII в. Это позволило авторам создать достаточно полную картину художественной и материальной культуры Польши эпохи Просвещения.

Первые главы, написанные А. Бердецкой: «Город», «Застройка столицы»; «Площади и парки»; «Население»; «Городские службы»; «Жизнь варшавской улицы»; «Жилища» — как бы вводят нас в Варшаву того времени. Мы узнаем, как выглядели улицы, парки, в каких экипажах ездили варшавяне, как появлялись правила уличного движения, как шла борьба

¹ A. Berdecka, I. Turnau. *Życie codzienne w Warszawie okresu Oświecenia*. Warszawa, 1969.

за чистоту города, охранялся общественный порядок. Автор описывает городские и загородные резиденции короля, магнатов, общественные здания. Она подробно рассказывает, как выглядели снаружи и внутри деревянные и каменные дома. Вместе с автором мы прослеживаем постепенное вытеснение стиля барокко более строгим и легким классицизмом XVIII в. проникновение вкусов аристократии в мещанскую среду.

Главы «Одежда»; «Пища»; «Семейные торжества»; «Религиозные праздники»; «Общественные увеселения» — написаны И. Турнау. Автор показывает, что стиль жизни варшавян сильно различался в зависимости от классовой принадлежности. Мы узнаем об этих различиях из подробных описаний костюмов, блюд, развлечений и семейных торжеств у короля и магнатов, шляхты, городских бедняков. Представители различных слоев общества собирались вместе только на религиозных праздниках или во время общественных увеселений (маскарады, балы).

Основные изменения быта в конце XVIII в. произошли в основном в высших слоях общества. В это время в Польше интенсивно перенимается французский и отчасти английский стиль жизни. Меняются костюмы. Например, среди магнатов национальный костюм остается только политическим символом. Отношение к одежде перестает быть только функциональным. Требования к быту значительно усложнились.

Авторы уделяют большое внимание трудовой жизни варшавян. В главе «Производство и торговля» особенно интересны детальные описания мануфактур, подлинные документы — жалобы мануфактурных рабочих. Интересен раздел «Зарождение рабочего класса».

Главы: «Образование и воспитание»; «Научная и издательская жизнь»; «Варшавские чиновники» и «Медицина и врачебное дело» — посвящены зарождению

польской интеллигенции. В этот период происходят значительные изменения в школьном образовании — исчезают из обихода учебники XVI в., отменяются телесные наказания. Рыцарская школа, Collegium Mobilium готовит будущих политических деятелей и ученых, юристов. В Варшаве уже действуют научные общества, интерес к науке растет, в связи с этим стремительно увеличивается число читающей публики. Общество осознает необходимость прессы.

В главе «Театр и музыка» А. Бердецкая уделяет значительное внимание роли театра в жизни общества. Варшавяне все чаще пытались найти выражение своих патриотических настроений в театре, предъявляли к нему все более высокие требования, эстетические и политические. В связи с этим росло значение актера в обществе.

Авторы книги о повседневной жизни Варшавы конца XVIII в. ставят вопрос, какие общественные и политические проблемы волновали польское общество, как оно относилось к важнейшим политическим событиям. И. Турнау выделяет такие важные проблемы, которые должны были занимать варшавян: конфликт шляхты с мещанами, конфликт городских властей с юристами, реформы Четырехлетнего сейма. Известно, что политическая жизнь Европы мало занимала поляков того времени. В основном они были заняты решением внутренних проблем, что, в частности, определило в известной степени характер политических выступлений, которые предшествовали Варшавскому восстанию 1794 г.

Характеризуя жизнь Варшавы конца XVIII в., А. Бердецкая и И. Турнау широко используют архивные материалы. Наряду с ними значительную роль в рецензируемой работе играют иконографические памятники. Часть их представлена в книге, хорошо изданной и иллюстрированной.

Л. Сефророва

КНИГА О РУКОПИСЯХ БРАТИСЛАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Имя словацкого археографа и книговеда Имре Котвана достаточно известно специалистам — ему принадлежит немало тщательно составленных описаний рукописей и старопечатных книг из хранилищ Словакии. Очередной труд И. Котвана¹ содержит описание рукописей на европейских языках, находящихся в библиотеке Братиславского университета (со-

ответствующий каталог восточных рукописей был издан в 1961 г.). Книга состоит из предисловия, основного корпуса описаний и вспомогательных указателей. В конце приложены иллюстрации, помогающие лучше представить особенность университетского собрания.

По времени возникновения оно относится к числу сравнительно новых. Как известно, университет в Братиславе, основанный в 1914 г., фактически начал свою деятельность с 1919 г. С того же времени начинает складываться и руко-

¹ I. K o t v a n. Rukopisy univerzitnej knižnice v Bratislave. Bratislava, 1970, 544 s. s ill.

писный фонд. Среди материалов, поступивших в библиотеку с 1919 по 1950 г., находились такие ценные собрания, как библиотека основоположника словацкой библиографии Л. Ризнера, коллекция А. В. Михайлова и др. Дальнейший рост фонда наметился с середины 1950-х годов, когда библиотека получила книги и рукописи из ранее национализированных дворянских и монастырских библиотек. В настоящее время в Братиславской университетской библиотеке насчитывается 1310 рукописей. В основном это списки более позднего времени, XVI—XVIII вв., отражающие репертуар рукописной книжности, которые распространялись и находили потребителей на территории Словакии: богослужебные тексты, богословские трактаты, сборники смешанного содержания, сочинения по истории, географии, литературе и т. п. Небезынтересно отметить, что среди подобных рукописей находится некоторое количество манускриптов на церковнославянском и русском языках XIV—XIX вв.: пергаменные «Деяния апостольские» и Евангелие XIV—XV вв., Псалтирь XVI в., Триодь цветная XVII в., два Ирмология XVIII в., «Древнероссийская церковная история» XVIII в., «Слово на день преставления преподобного Даниила» XVIII в. и «Сказание о вечном страдании» XVIII в. Рукописи

эти по большей части происходят из собрания А. В. Михайлова. Некоторые, однако, приобретены в разные годы у других лиц. Описания рукописей в каталоге расположены по порядку инвентарных номеров, отчасти отражающих историю формирования фонда. Так, рукописи под № 1—112 поступили из библиотеки иезуитского коллегиума в Трнаве, под № 213—1073 были приобретены в 1919—1968 гг. и т. п. Что касается описаний, то они существенно не отличаются от краткой формы, с большими или меньшими вариациями, принятой в работах такого рода. Помимо заглавия рукописи указываются время ее происхождения, материал письма, размеры, характер переплета, время и место приобретения и т. д.

Пользование каталогом существенно облегчается благодаря хорошо продуманной системе вспомогательных указателей: именного и названий, инципитов, хронологического, предметного, языкового, также соответствия старых и новых шифров.

Несомненно, новый труд И. Котвана будет встречен с одобрением и благодарностью всеми, кому понадобится работать с рукописным фондом Братиславской университетской библиотеки.

А. С. Мильников

О СЕРБОЛУЖИЦКОМ ПРАВОПИСАНИИ

(в связи с выходом первого серболужицкого орфографического словаря¹)

П. Фелькель издал в 1962 г. на правах рукописи (на ротатипе) «школьный» орфографический словарь в 15 выпусках², в предисловии к которому обратился к обществу с просьбой о помощи в подготовке «окончательного» словаря. Он писал: «Мы все еще пишем по большей части по какой-то традиции, о которой у каждого есть свое личное представление... Мы, старшие, передаем младшим традиционные правила правописания именно так, как когда-то наши предки передавали песни, сказки и легенды; и если иногда кто-нибудь что-то добавлял от себя, изменял или что-либо упускал, этому не удивлялись. Но я спрашиваю, каким же образом мы сможем выполнить с помощью доисторических средств задачи, стоящие хотя бы перед школой? Еще в XIX в. и в первой поло-

вине XX в. не очень-то полезным было то, что каждый считал своим правом, если ему только вздумается, обращаться с правописанием по-своему. Но тогда это не имело таких тяжелых последствий... В прошлом недостаточная нормированность серболужицкого языка не так ощущалась, так как круг лиц, пользовавшихся нашим литературным языком, вследствие социального и национального положения нашего народа был весьма ограничен. Изменения 1945 г. были исходным пунктом и причиной невиданной по размаху демократизации верхнелужицкого литературного языка, но вместе с тем они потребовали его строгого нормирования. Без кодификации не может в настоящее время язык выполнять свои функции»³.

Эта длинная цитата убедительно показывает назревшую необходимость изда-

¹ P. V ö l k e l. Hornjoserbsko-němski słownik. Obersorbisch deutsches Wörterbuch (Prawopisny słownik hornjoserbskeje řeče). Budyšin, 1970, 935 s.

² «Hornjoserbski šulski prawopisny słownik». Budyšin, 1962, 996 s.

³ P. V ö l k e l. Přispomnjenja awtora k «Hornjoserbskemu šulskemu prawopisnemu słownikej». «Serbska šula», 1963, № 3, s. 178—180.

ния хотя бы ориентировочного свода правил орфографии.

После публикации «школьного» словаря правописание начало постепенно исправляться, стало меньше разбоев в написании «трудных» слов. Этот словарь, однако, не решил всех проблем орфографии. Его неофициальность позволяла редакторам и корректорам соглашаться или не соглашаться с его рекомендациями.

Рецензируемый здесь новый словарь, изданный в конце 1970 г., был утвержден Верхнелужицкой языковой комиссией при Президиуме национальной демократической организации «Домовина» и рекомендован в качестве единого обязательного для всех орфографического лексикографического справочника. Этот факт в истории верхнелужицкого литературного языка, несомненно, огромного значения. Поэтому составленный П. Фелькелем словарь заслуживает большого внимания. Ниже мы укажем на некоторые орфографические явления, нашедшие новую или более определенную интерпретацию составителя словаря и Комиссии.

В словаре окончательно решается вопрос о литературной норме спряжения глаголов с инфинитивом на *-otać*. Теперь литературными признаются только формы типа *dyrkotam, dyrkotaš* (ранее допускались и формы типа *dyrkoci, dyrkocēs*). Устранено теперь и двойное спряжение глаголов типа *mazać*: *mazam, mazaš* вместо *mažu, mažēs*.

Упорядочено употребление и написание глаголов с конкурирующими суффиксами *-ować* и *-ěrować*: отныне следует писать только *aplawděrować, ascenděrować, barikaděrować, bazěrować, ekshuměrować, fabricěrować* и т. д. (вместо *aplawdować* и т. д.). Лишь иногда допускается и параллельное употребление и написание глаголов с обоими суффиксами, например, *datować* и *datěrować, destilować* и *destilěrować, fiksować* и *fiksěrować*, и *maněrować* и *maněwěrować* (в «школьном» словаре только *datować* и др.). Обратные случаи, по-видимому, единичны: *jotokopować* наряду с *jotokopěrować* при одном *jotokopěrować* в «школьном» словаре.

Словарь П. Фелькеля вносит ясность в вопрос о виде глаголов. В «школьном» словаре глаголы квалифицировались с точки зрения вида только как исключительно перфективные или имперфективные, хотя имеется и небольшая группа глаголов двувидовых. В новом словаре двувидовые глаголы *zamjezować, zapječatować, zašrubować* и др. снабжены соответствующими пометами (ip || p).

В новом орфографическом кодексе радикально решен вопрос о ряде архаизмов в склонении существительных. Так, слова *britej, krej, morchej, pńoj* рекомендуется склонять по продуктивному образцу — род. п. *briteje, дат. п. briteji*. (Словарь Якубаша в этих случаях допу-

скает еще старое склонение: род. п. *britwje, дат. п. britwi*; такое склонение рекомендовано новым словарем для некоторых других слов подобного типа: *cyrkej, cyrkwje, cyrkwi* и др.).

Внесены исправления и уточнения в написание отдельных существительных: *septar* («твердый» тип вместо «мягкого»), *gremij, -a* (ранее *gremium, -a*); вместо неверно образованного слова *akademića*, теперь устанавливается *akademikarka*, существительное *salami* определяется как несклоняемое (ранее *salami, -a*) и т. д.

Немало изменений внесено в суффиксацию и склонение заимствованных слов. Так, слово *partikel*, ранее часто воспринимавшееся как существительное мужского рода, в новом словаре заменено словом женского рода *partikla*, род. п. *partikle; kompozitor* заменено словом с другим суффиксом — *kompoziter*; наряду с *seksus* может употребляться и слово *seks*.

Окончательно утверждены формы и женский род многих существительных греческого происхождения: *astma, drama, reuma, koma, tema* и др.

Существенные коррективы внесены в названия народов, жителей стран, городов (*Albanjan, Argentinjan, Dalmatinjan* и др. вместо прежних *Albanc, Argentinčan, Dalmatinc* и др.). Вообще наблюдается более прочное закрепление суффикса *-jan*, хотя остались также и слова на *-čan*: *Maltačan, Newyorkčan, Pekingčan* и др. Но в ряде случаев слова такого типа приближены к самоназванию, например, *Est, Kurd*. Допускаются и отдельные параллельные названия: *Ind* и *Indičan, Japan* и *Japanjan, Persičan* и *Pers* и др.

Положительным следует считать включение в словарь значительного количества географических названий, в написание которых внесены коррективы (*Abruzzy, Cypern, Estiska, Gdynia, Jenisej* и др. вместо прежних *Abrucy, Cypriska, Estonska, Gdynja, Jenissej* и др.), но сохранены и некоторые орфографические дублиеты: *Algeriska* и *Algier, Portugal* и *Portugalska* и др.

Названия стран и городов за пределами Лужицы даны в традиционной серболужицкой форме, например: *Mnichow* (вместо *München*), *Durinski lěs* (*Thüriner Wald*), *Braniborska* (*Brandenburg*) и др. Все славянские названия деревень, городов и рек на территории Лужицы приводятся в лужицкой форме (с немецким соответствием): *Zahor* (*Berge*), *Skanecy* (*Cannewitz*), *Ratarjecy* (*Rattwitz*), *Krakecy* (*Kreckwitz*) и мн. др.

Введена унификация в суффиксальном оформлении и правописании некоторых прилагательных. Так, вместо параллельных образований типа *abdikacijny* и *abdikaciski* (от *abdikacija*), *deformacijny* и *deformaciski* (от *deformacija*) теперь установлена одна форма: *abdikaciski, deformaciski*. Теперь следует писать *apollinski* вместо *apollinski*, только *adwokatiski*

(прежде писали и *adwokatski*), *bessarabski* вместо *bessarabiski*, *cyperski* вместо *cyp-riski*, *kanadski* вместо *kanadiski* и др.

Слова типа *nabël, nabruñ, nakisal*, в соответствии с утвердившейся практикой, словарь определяет как наречия и как прилагательные. Прилагательные *ryzy, bosy* и некоторые другие признаны несклоняемыми.

Словарь окончательно решает вопрос о слогаобразующих звуках *ř* и *l̥*. Поскольку слогаобразующий *ř* в сербодуицком не существует, написание типа *decembr, hobr, klôštr* словарь исключает. Теперь следует писать только *december, hober, klôšter* и т. д. Поскольку слогаобразующий *l̥* в произношении лужицан существует, словарь рекомендует написание *artikl, binokl, folikl, wehikl* (вместо *artikel, binokel* и т. д. в «школьном» словаре). В тех же случаях, когда слогаобразующий не слышится, следует писать *-el: ryhel, kehel, džecel, jandžel, kašel* и др. В отдельных случаях различное написание служит для разграничения значений: *kapitel* 'капитель' и *kapitl* 'глава (в книге)'

В словаре уточнено написание некоторых слов с *ó*, например, *broša* вместо *bróša* (в «школьном» словаре). Внесены некоторые изменения в написании слов с *ě*: вместо *měďz, inženěr* теперь следует писать *mjeďz, inženjer*.

Значительные изменения внесены в написание интернационализмов, которые теперь приближены к принятому в немецком написанию. Например, вместо прежних *bronchialkatar, kilowat, streptokok* пишут теперь *bronchialkatarrr, kilowatt, streptokokkus* и т. д. Но многие слова с уже устоявшейся орфографией сохраняют прежнее написание, например, *efekt* (нем. *Effekt*), *geto* (нем. *Ghetto*), *kotlet* (нем. *Kotelett*) и др. Однако вряд ли оправдано прежнее написание *surrealist* (нем. *Surrealist*), поскольку допускается двойное написание *rr (katarrr)* или изменение *dekoltej* на *dekolleté*, если оставлено *hašej* (нем. *Hasche*).

Трудно также разобраться в принципах написания *s* и *z* на месте *s* в соответствующих словах в немецком языке. Ср. *aprikoza* (нем. *Aprikose*), *uzus* (нем. *Usus*) и др. и *balsam* (нем. *Balsam*), *dinosawrij* (нем. *Dinosaurier*).

Более последовательно написание слов с установившимся под влиянием немецкого языка произношением *s* на месте исконного *z*: *acimut* (нем. *Azimut*), *horizont* (нем. *Horizont*), *magacin* (нем. *Magazin*) и др. Выпадают из этого правила слова с двойным *zz*: *mezzanin* (нем. *Mezzanin*), *blizzard* (нем. *Blizzard*).

Словарь устанавливает последовательное написание *ks* на месте *x* в иноязычных словах: *boks* (нем. *Box*), *toksin* (нем. *Toxin*) и др. Однако в именах собственных и в производных от них пишется *x*: *marxist, Xerxes*. Так же решен вопрос

и с буквой *q*: *kwinta* (нем. *Quinte*), *ekwator* (нем. *Äquator*), но *Don Quichotte*. Не ясно, однако, почему надо писать *quiz* (нем. *Quiz*), а не *kwiz*. Буква *v* сохраняется в собственных именах — *Bratislava, Boliviska*, но заменяется буквой *w* в нарицательных — *rekonwalescenca* (нем. *Rekonwaleszenz*), *brawo* (нем. *bravo*). Шипящие звуки в заимствованных словах почти регулярно передаются буквами *š, ž*: *išias* (прежнее написание *ischias*, ср. нем. *Ischias*), *šjra* (нем. *Chiffre*), *šimera* (нем. *Chimäre*) и др., однако прежнее написание *sužet* было заменено на *sujet* (нем. *Sujet*), что не кажется целесообразным, тем более, что сохранено *žaket* (нем. *Jakett*), где тоже *ž = j*. Для ряда слов допускается двойное написание, например, *žanr* и *genre*. В словаре более последовательно проведен параллелизм между немецким *au* и лужицким *aw*: *defraudacija* (в «школьном» словаре: *defraudacija*) и др. Введено единообразное написание слов с конечным *-nca*: *awansa, balansa, renesansa* вместо прежних *awanca, balanca, renesanca* и т. д.

Словарь вносит значительную упорядоченность в слитное, раздельное и дефисное написание слов.

Несомненна заслуга П. Фелькеля в том, что он включил в словарь слова, изгнанные ранее пурристами из литературного лексикона из-за их германского происхождения, хотя они употреблялись и широко употребляются в разговорном языке (*bar, herbstwo, legěrunka, majs* и др.).

Положительной стороной словаря является и то, что он в необходимых случаях приводит сочетания слов: *Ministerska rada NDR, Młody pioněr, w mlóce rajs, nowe lěto* и *Nowe lěto, rada wobwodowa* и *Rada wobwoda Drježdžany* и др. Словарь признал нормативными оба варианта популярного приветствия: *dobry dzeń* и *dzeń dobry*.

В словаре много различных помет, помогающих читателям лучше ориентироваться в материале. Даются также указания на стилистическую окраску слов, распространенность лексем, принадлежность слов к той или иной терминологической лексике и т. д. Словарь П. Фелькеля приводит отдельные формы слов, которые могут вызывать затруднения в их образовании и написании. Например, при *džěco* указывается род. п. *džěśca*, форма мн. ч. *džěci*; при *jěśc* приведены формы *jěm, jěš*, повел. накл. *jěs, jěśc*. Однако в некоторых случаях подобные дополнительные указания, к сожалению, отсутствуют. Например, неясно, какая форма род. п. мн. ч. *bróžni* или *bróžnjow* предпочтительнее у слов типа *bróžnja*. Это же относится к местн. п. ед. ч. существительного *proch* (*prochu* или *próše*), форме им. п. мн. ч. существительного *měšnik* (*měšnicy* или *měšnikojo*) и др. Полезны также отсылки к другим словам-сино-

нимам или дублетным формам, например, *inguer* см. *nimbjer*, *enctan* см. *hórkowc* и *hórkowc*, см. *enctan* и др.

Важны также отсылки к словам и формам, которые рекомендуются как предпочтительные, например, *sadra* см. *gips*, *poručnik* см. *leutnant* и др.

Впервые в лужицкой лексикографической практике П. Фелькель применяет транскрипцию заимствованных слов, принятое ныне произношение которых не поддается правописанию: *jazz* [džes], *sujet* [siže], *giro* [žiro], *interview* [interwju] и др. Для нелужицкого читателя произношение многих заимствованных слов остается, однако, неясным. Например, *gutapercha*, *intermezzo*, *ententa* и др.

Словарь П. Фелькеля содержит много слов, отсутствующих в других словарях. Это либо недавно образованные слова, либо слова известные и ранее, но получившие в последнее время широкое распространение. Таковы *semiotika*, *aktiwkonferenca*, *antičeleso*, *kacet*, *linorězba*, *mo-to-cross* и др.

В особом разделе словаря впервые собраны воедино более 200 аббревиатур и сокращений. Важно и то, что при наличии синонимических образований даются указания на предпочтительную аббревиатуру.

Приложение «Транслитерация русско-

го алфавита на верхнелужицкий» — хороший справочник для работников печати.

В словаре имеются и отдельные частные недосмотры. Так, в словаре указано, что название автомашины «Wartburg» — мужского рода (ср. город *Wartburg* — женского рода), но не указан грамматический род названия популярной в ГДР автомашины «Волга» (река *Wolga* — слово женского рода). (Автору данной рецензии приходилось слышать в речи многих лужицких сербов название автомобиля в сочетании с местоимением мужского рода: *tón Wolga*).

Нам кажется, что в слове *maharadša* лучше было бы вместо *š* писать *ž*, а не следовать немецкому произношению (ср. *dž* в других словах: *džungl*, *džunka*). Учитывая трудности в употреблении и написании числительных, следовало бы дать более полный перечень этих слов. В словаре же некоторые числительные пропущены, например, *třochstoty* (или *třistoty*?), *šesćadwaceći*, *triadwaceći*.

В заключение следует подчеркнуть, что орфографический словарь П. Фелькеля является очень важной вехой не только в истории лужицкой лексикографии, но и в истории лужицкого литературного языка.

К. К. Трофимович

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ
И ЯЗЫКАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ВЫШЕДШИЕ
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ в 1971 г.

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения

Апатов С. И. Новый тип міжнародних відносин. (Зовнішньополіт. діяльність країн соціалізму.) Київ, 1971.

Томашевский Д. Г. Ленинские идеи и современные международные отношения. Межд. отношения, 1971.

2. Экономика и экономическое сотрудничество

Бобров В. Я. Науково-технічна революція і економічні проблеми промислового розвитку країн соціалізму. «Вища школа», 1971.

Булочникова Л. А. Использование рабочей силы в сельском хозяйстве социалистических стран. М., 1971.

Вачев Н. Финансы Народной Республики Болгарии. «Финансы». 1971.

Волков Н. В. Франция и социа-

листические страны Европы. Экон. и научн.-техн. связи. Междунар. отношения, 1971.

Вопросы социалистической интеграции. Бюл. научн. информации. М., 1971.

Воронин С. В., Сидоров А. С. Организация материально-технического снабжения в Польской Народной Республике. М., 1971.

Голубушин Ю. С. и др. Международное социалистическое разделение труда и экономическая интеграция стран — членов СЭВ. Киев, 1971.

Дукич Д., Львович М. И. Водные ресурсы Европы и пути их совместного использования. (По программе Европ. регион. конференции Междунар. геогр. союза.) М., 1971.

Економічні основи співробітництва УРСР з країнами — членами РЕВ. Наукдумка, 1971.

Желев Г. Е. Проблемы воспроизводства и международного разделения труда в странах — членах СЭВ. «Экономика», 1971.

Заднепрянец В. З. Экономическое соревнование двух мировых систем. Лекция, прочит. слушателям ВПШ при ЦК КП Украины. Киев, 1971.

Зломанов Л. П. Международные экономические сопоставления (на прим. с.-х. производства). «Экономика», 1971.

Карпич В. С. Экономическое стимулирование развития новой техники. (Обзор зарубеж. опыта.) М., 1971.

Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. Политиздат, 1971.

Концентрация производства в электротехнической промышленности европейских социалистических стран. М., 1971.

Лавриненко Ю. Н., Ключко В. П. Воплощение в жизнь ленинских принципов хозяйствования в странах — членах СЭВ. Киев, 1970.

Лидванова Л. И. XXIV съезд КПСС и дальнейшее развитие экономической интеграции стран социализма. Л., «Знание», 1971.

Лукин Л. И., Остроумов В. С. Организация статистики в странах — членах Совета Экономической Взаимопомощи. «Статистика», 1970.

Мартынов В. В. Сводные экономические показатели стран социализма. (Методы исчисления.) «Статистика», 1971.

Методика международных сопоставлений статистических данных стран — членов СЭВ с данными капиталистических стран по производству отдельных видов продукции в натуральном выражении. Проект. М., 1971.

Методология сравнения стоимостных показателей. (Международ. аспект.) М., 1971.

Мировая социалистическая система. Некоторые проблемы развития на современном этапе. «Наука», 1971.

Митенкова Л. А. Экономические закономерности развития мировой системы социализма. Саратов, 1970.

Одинцов Л. М. Специализация и кооперирование в автомобильной промышленности европейских социалистических стран. М., 1971.

Новое в организации производства и управления в легкой промышленности за рубежом. М., 1971.

Овцеводство стран — членов СЭВ. Материалы совещания по вопросам развития овцеводства. Ставрополь, 1971.

Оркиш Т. Вопросы создания информационной системы производства животноводческой продукции. Материалы науч.-метод. совещания стран — членов СЭВ по проблеме Разраб. и внедрение математ. методов и электронно-

вычислит. техники в сельск. хоз-ве. Окт. 1971. М., 1971.

Перспективное планирование в странах — членах СЭВ. Реформа и планирование. Опыт прогнозирования. Поиски оптимума. План, сотрудничество. «Экономика», 1970.

Подкаминер Л. Диагонализация долгосрочного расчета оптимизации сельскохозяйственного предприятия. Мат.-лы науч. метод. совещания стран — членов СЭВ по проблеме Разработки и внедрение матем. методов и электронно-вычислит. техники в сельск. хоз-ве. Окт. 1971. М., 1971.

Попов И. В. Развитие электроэнергетики европейских стран — членов СЭВ. М., 1970.

Поспелова Л. В. Экономические закономерности развития мировой системы социализма. Пенза, 1970.

Проблемы экономической интеграции стран — членов СЭВ. М., 1970.

Роль профсоюзов социалистических стран в строительстве социализма и коммунизма. Тезисы докл. и выступлений на научной конференции 23—26 ноября 1971. М., 1971.

Русинов С. Болгария на современном этапе экономического развития. «Мысль», 1971.

Санаков Ш. П. Теория и практика социалистических международных отношений. Политиздат, 1970.

Соревнование двух мировых систем хозяйства и неизбежность победы коммунизма в мировом масштабе. Иркутск, 1970.

Станис В. Ф. Социалистические преобразования сельского хозяйства (теория и практика). «Мысль», 1971.

Теория и практика прогнозирования развития науки и техники в странах — членах СЭВ. М., «Экономика», 1971.

Успенский А. А. Экономическая история зарубежных социалистических стран Европы. Высш. школа, 1971.

Фомин В. В. ООН и международная торговля. (Правовые вопросы.) Международный. отношения, 1971.

Экономическая география зарубежных стран. Под ред. А. А. Долинина. Высш. школа, 1970.

Экономическая география зарубежных социалистических стран Европы. Под ред. И. М. Маергойза. Моск. ун-т, 1971.

Экономическая история социалистических стран. «Экономика», 1971.

Шмелев Н. П., Вахрамеев А. В. Развитие экономического сотрудничества социалистических стран в условиях научно-технической революции. М., 1971.

3. Партийная жизнь

Герек Э. Задачи партии по дальнейшему социалистическому развитию Польской Народной Республики. Про-

граммный докл. на VI съезде Польск. объедин. рабочей партии 6 декабря 1971 г. Политиздат, 1971.

Г у с а к Г. Отчетный доклад о деятельности партии и развитии общества после XIII съезда КПЧ и дальнейшие задачи партии. Госполитиздат, 1971.

Д ж у н у с о в М. С. Интернациональное и национальное в мировом коммунистическом движении. «Казахстан», 1971.

Ж и в к о в Т. Отчетный доклад ЦК БКП X съезду Болгарской коммунистической партии 20 апреля 1971 г. Политиздат, 1971.

Политическая стратегия и тактика коммунистических партий. МГУ, 1971.

50 лет Коммунистической партии Чехословакии. Мат-лы науч. конференции ИМЛ, АОН, ВПШ при ЦК КПСС и АН СССР, посвященной 50-летию КПЧ. М., 1971.

14-й съезд Коммунистической партии Чехословакии. 25—29 мая 1971 г. [Материалы]. Политиздат, 1971.

Уроки кризисного развития в компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ. Документ принят на пленуме ЦК КПЧ в декабре 1970 г. Политиздат, 1971.

4. Государственное строительство. Право

Б а ж е н о в В. Актуальные вопросы политического экономического и военного сотрудничества братских социалистических стран в современных условиях. М., 1971.

Б а р д и н А. Е. Варшавский Договор — надежный щит мира и безопасности в Европе. [Пермь], 1971.

Б а х о в А. С. Организация Варшавского договора (правовые аспекты). «Наука», 1971.

Информация о законодательстве зарубежных стран, вып. 60. М., 1970.

К о в а ч е в Д. А. Законодательство зарубежных европейских социалистических государств об организации и деятельности правительства. М., 1971.

Л е в и н Д. Б. Международное право и сохранение мира. Междунар. отношения, 1971.

Международные организации социалистических стран (правовые вопросы организации и деятельности). Междунар. отношения, 1971.

М а ц у л е н к о В. А. Воплощение ленинских идей в строительстве армий государств Варшавского Договора. «Знание», 1970.

Н и к о л а е в а М. Н., К о в а ч е в Д. А. Совершенствование законодательства ВНР и СФРЮ. М., 1971.

Соглашение об образовании Международного инвестиционного банка. Устав Международного инвестиционного банка. М., 1971.

Т к а ч у к В. Е. Экономика — основа оборонной мощности країн социализму. Київ, 1971.

Ц е л и щ е в Н. Н. Парламенты зарубежных социалистических стран. Свердловск, 1971.

5. Научная жизнь. Международные научные связи

Научно-техническое сотрудничество социалистических стран. Сб. междунар. документов и материалов. М., 1971.

Органы научно-технической информации стран — членов Центра (научн. и техн. информации). Справочник. М., 1971.

Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Труды междунар. симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май 1968. т. 1—5. М., 1970—1971.

6. Справочники. Библиография

Архивы Академий наук социалистических стран. Библиография. Вып. 1. 1917—1968. Л., «Наука», 1971.

Б у с с е Н. В. Новая система руководства народным хозяйством Народной Республики Болгарии. Лит. за 1964—июнь 1968 гг., М., 1970.

Газетный мир. Краткая справочная книга. М., 1971.

Двадцать пять лет деятельности Института [славяноведения и балканистики АН СССР] (1947—1972). «Наука», 1971.

Иностранная печать. Краткий справочник. Изд. 2-е доп. [Под общ. ред. А. А. Вишневого]. М., 1971.

Мир социализма в цифрах и фактах. Справочник. 1970. Политиздат, 1971.

Народное хозяйство социалистических стран в 1969 г. «Статистика», 1970.

Народное хозяйство социалистических стран в 1970 г. «Статистика», 1971.

Статистический ежегодник стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. 1970. М., 1970.

Страны мира. Краткий полит. эконом. справочник. Политиздат, 1971.

Ш и г е р А. Г. Современная карта зарубежного мира. (Административно-территориальное деление заруб. стран.) Справочник. Изд. 4-е. «Мысль», 1971.

Экономика стран социализма [Ежегодник]. 1970. «Экономика», 1971.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Б а б и ч Ю., О л ь ш е в и ч Б. Польские путешественники? и исследователи Сибири. «Наука», 1971.

Б а г о ц к и й С. Ю. О встречах с Лениным в Польше и Швейцарии. Политиздат, 1971.

Восточная политика германского империализма и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Проспект. «Наука», 1971.

Г о р а н о в и ч М. М. Аграрный кризис и распад аграрного блока стран Восточной и Юго-Восточной Европы (1930—1933 гг.). «Наука», 1971.

Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 г. Таллин, 1971.

Е р м о л а е в а Р. А., М а н у с е в и ч А. Я. Ленин и польское рабочее движение. «Наука», 1971.

Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на юге и востоке республики. «Наука», 1971.

Исследования по истории польского общественного движения XIX в. — начала XX в. Сб. статей и материалов. «Наука», 1971.

Исследования по славяно-германским отношениям. «Наука», 1971.

К а л е н и ч е н к о П. М. Великий Жовтень і революційний рух у Польщі (листоп. 1917 — жовт. 1919 р.). Наук. думка, 1971.

К і з ч е н к о А. Ф. Напередодні трагедії. Зісторії зовнішньої політики Чехословаччини, травень 1935 р. — березень 1938 р. Вид-во Київськ. ун-ту, 1971.

К о н д р а т ь е в а В. Н. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60—70-е годы XIX в.). «Наука», 1971.

К о р о л ь о в В. Д. Волохи и славяне русской летописи. Кишинев, 1971.

К р а й н и к о в К. В. От Днестра до Вислы. М., 1971.

К у з ь м и н М. Н. Школа и образование в Чехословакии. (Конец XVIII — 30-е годы XIX вв.). «Наука», 1971.

К у з ь м и н а З. Иван Франко и революция 1848 г. в Галиции. Петроза-водск, 1971.

Листая летопись дружбы (Ист. связи народов Молдавии и Болгарии). «Карта Молдовеняске», 1970.

М а л е в и ч С. А. Вопросы исторического материализма в трудах Людвиг Крживицкого. Из истории формирования марксистской философии в Польше. Минск, 1971.

М а р е т а А. С. Звезды Болгарии. Очерки об интерн. дружбе. «Крым», 1971.

Международное коммунистическое рабочее и национально-освободительное движение, ч. II (1939—1970). М., 1971.

М е л ь н и к о в а И., М. С п і в а к

Б. И. Гартована в боротьбі. (До 50-річчя КП Чехословаччини.) Київ, 1971.

М е л ь ц а р Д. Б. С а в а ч к и П. Дружба скрозь стагодді. «Беларусь», 1970.

М е ш к о М. Громадсько-політичний рух і суспільна думка в Угорщині на рубежі XVIII—XIX ст. Львівск ун-т, 1971.

М е щ е р ю к И. И. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808—1856 гг.). Кишинев, 1970.

М о г и л е в с к и й С. А. Новейшая история международного коммунистического и рабочего движения. 1917—1970 гг. Л., 1971.

Новейшая история стран Европы и Америки (1939—1970), т. 2, ч. 1—2 (Макет учебн.). МГУ, 1971.

О в с я н ы й И. Д. Тайна, в которой война рождалась. (Как империалисты подготовили и развязали вторую мировую войну). Политиздат, 1970.

Освободительная миссия Советских Вооруженных сил во 2-й мировой войне. Политиздат, 1971.

П е т е р с И. А. СССР, Чехословакия и европейская политика накануне Мюнхена. Наук. думка, 1971.

П л и е в И. А. В боях за освобождение Румынии, Венгрии, Чехословакии. Орджоникидзе, 1971.

П о б о л ь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. «Наука и техника», 1971.

П о л т а в с к и й М. А. Австрийский народ и аншлюс 1938 г. «Наука», 1971.

Правда побеждает. Материалы чехословацкой печати, разоблачающие подрывную деятельность антисоциалистических правооппортунистических сил в ЧССР в 1968 г. — начале 1969 г. Политиздат, 1971.

Р а т н и к о в А. Н., З а в ь я л о в В. И. Вооруженные силы Югославии. Воениздат, 1971.

С а п а р г а д и е в Г. С., Д ь я к о в В. А. Общественно-политическая деятельность сельских поляков в дореволюционном Казахстане. «Наука», Казах. ССР, 1971.

С е р г і е н к о Г. Я. Яскрава сторінка визвольного руху. (До 125-річчя Кирило-Мефодіївського т-ва). Київ, 1971.

СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. (Сент. 1938 — авг. 1939). Документы и мат-лы. Политиздат, 1971.

Тезисы докладов и сообщений XIII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Вильнюс — Каунас, сент. 1971). М., 1971.

У л у н я н А. А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 гг. «Наука», 1971.

Ч е р н е й к о Г. А. Боевой авангард болгарского народа. «Знание», 1971.

2. *Культура*

Бардигола Я. К. Чешский историчный роман. I ст. проза В. Ванчури. Київ, 1971.

Бас І. Падарожжа й літаратурнае мінулае. Літ.-крытыч. аргтыкулы. «Беларусь», 1971.

Бернштейн И. «Похождения бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека. Худож. лит., 1971.

Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. «Искусство», 1971.

Брайнина Б. На старой планине. Сов., писатель, 1971.

Ведина В. П. Современная польская проза. (К проблеме новаторства.) Наук. думка, 1971.

Визвольний рух слов'ян у народній пісенній творчості (XVII—XIX ст.). Наук. думка, 1971.

Вопросы зарубежной литературы. Сб. статей. Ростов н/Дону, 1971.

Готическое искусство XIV—XVI веков в Чехии и Словакии. Каталог выставки. Л., 1971.

Гошовский В. Л. У истоков народной музыки славян. Сов. композитор, 1971.

Греков П. и др. Архитектура социалистической Болгарии. «Стройиздат», 1970.

Захаржевська В. О. Болгарська революційна поезія 30-х початку 40-х рр. XX ст. Наукова думка, 1971.

Избранные рисунки из Национальной галереи в Праге. Каталог выставки. Л., «Аврора», 1971.

Йозеф Лада. Книга о художнике. «Искусство», Ленинград. отд-ние, 1971, 150 с.

Кричів Р. Ф. Український фольклор у польській літературі (період романтизму). Наук. думка, 1971.

Львова Е. П. Искусство Болгарии. Очерки. «Искусство», 1971.

Межславянские культурные связи. «Наука», 1971.

Мешкова Е. Л. Рука и сердце брата. Из истории чешско-рус. лит. связей первой половины XIX в. Киевск. ун-т, 1971.

Мороз З. П. На позициях народности, т. 1 «Дніпро», 1971.

Мельников А. С. Чешская книга. Очерки истории. (Книга. Культура. Общество). «Книга», 1971.

Немировский Е. Л. Начало славянского книгопечатания. «Книга», 1971.

Неупокоева И. Г. Революционно-романтическая поэма первой половины XIX века. Опыт типологии жанра. «Наука», 1971.

Освещение проблемы развития социалистической кинематографии в кинокритике и кинопрессе социалистических стран. (15—17 дек. 1970 г. Москва.) М., 1971.

Памятные даты по зарубежной художественной литературе на 1972 г. «Книга», 1972.

Поезія лужицьких сербів. Антологія. Київ, 1971.

Полищук И. П. О культурных связях Советской Украины и Народной Болгарии. Киев, 1970.

Польская монументальная скульптура. Каталог выставки. Сов. художник, 1971.

Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. Сравнит.-типолог. исследование. «Наука», 1971.

Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — нач. XVIII в.). «Наука», 1971.

Самойлова Н. А. Новое в архитектуре социалистических стран Европы. М., 1971.

Славянский и балканский фольклор. «Наука», 1971.

Словацкая графика в борьбе (выставка из собрания Галереи города Братиславы). Л., 1971.

Слов'янське літературознавство і фольклористика (Зб., статей). Вып. 7. Наук. думка, 1971.

Слов'янсько-угорські міжмовні та літературні зв'язки. Ужгород, 1970.

Современная литература за рубежом. Сб. 3. Сов. писатель, 1971.

Современная польская поэзия. «Прогресс», 1971.

Сравнительное изучение славянских литератур. Науч. конференция. Тезисы. докл. и сообщ. М., 1971.

Юлиус Фучик с нами. Воспоминания. Ташкент, 1971.

Цыбенко Е. З. Польский социальный роман 40-х — 70-х годов XIX в. МГУ, 1971.

Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении. «Наука», 1971.

3. *Языкознание*

Адливанкин С. Ю. Краткий очерк истории праславянской фонетики. Пермь, 1971.

Верещагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводч. техника Кирилла и Мефодия. М., 1971.

Гудков В. П. Карманный сербско-хорватско-русский словарь. Изд. 2. Сов. Энциклопедия, 1970.

Гурьева Е. И. Старославянский язык. Учебн.-метод. пособие. Тарту, 1971.

Иванович С. Д. Карманный русско-сербскохорватский словарь. Изд. 4. Сов. Энциклопедия, 1970.

Исследования по славянскому языкознанию. Сб. в честь 60-летия проф. С. Б. Бернштейна. «Наука», 1971.

Карманный словацко-русский и русско-словацкий словарь. Сост. Д. Коллар,

В. Доротякова, М. Филкусова, Я. Лебедева. Сов. Энциклопедия, 1971.
 Краткий сербскохорватско-русский и русско-сербскохорватский политический словарь. Сов. энциклопедия, 1971.
 Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. ст. к 70-летию В. И. Борковского. «Наука», 1971.
 С к и б а Ю. Г. Предикативная связь как служебное слово в русском и

славянских языках. Черновцы, 1970
 Совецание по общеславянскому лингвистическому атласу. Черновцы, 24—30 июня, 1971 г. Тезисы докл. М., 1971.
 Х о д о в а К. И. Падежи с предложениями в старославянском языке. (Опыт семант. системы.) «Наука», 1971.
 Чешско-русский политехнический словарь. Сов. энциклопедия, 1971.
 Этимология. 1968. М., 1971.

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ в 1971 г.

**I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
 СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ**

Б а б у х Э. Дорогой социализма. (В связи с директивами ЦК ПОРП.) «Коммунист», 1971, № 17.

Б у г а с В. В. Проти буржуазных та опортуністичних теорій еволюції соціалізму. Питання політ економії. Київ, 1971, вип. 81.

Б у т е н к о А. Некоторые теоретические проблемы развития мировой системы социализма. Мировая эконом. и междунар. отношения, 1971, № 9.

Г о р о в а М. Г. Торжество идей ленинизма и их осуществление в строительстве социализма в Болгарии. Учен. зап. ВПШ при ЦК КПСС, 1971, вып. 8.

Закономерности развития мировой социалистической системы. (Обзор материалов дискуссии ученых соц. стран, состоявшейся в Праге 8—9 июня 1971 г.) «Проблемы мира и социализма», Прага, 1971, № 10.

**1. Международные отношения.
 Взаимоотношения братских
 стран и партий.
 Внешняя политика**

Б о г о м о л о в О. Социалистическая интеграция как фактор сплочения стран социализма. Междунар. жизнь, 1971, № 7.

Л е о н е н к о П. М. Проти буржуазної і ревізійоністської концепції «множинності моделей соціалізму». Питання політ економії, Київ, 1971, вип. 81.

Л и н д е р И. Социалистические страны — источник конструктивной дипломатической инициативы. Междунар. жизнь, 1971, № 12.

О к л а д н и й Г. М. Пролетарський інтернаціоналізм — основа єдності світового комуністического руху. «Комуніст України», Київ, 1971, № 10.

2. Экономика.

Экономическое сотрудничество

А г р о н о в В., Т е р е х о в В. Итоги и перспективы экономического развития стран — членов СЭВ. Рабочий класс и соврем. мир, 1971, № 4.

А з а р е н к о Л. А. Претворение ленинских идей индустриализации в Народной Республике Болгарии в годы третьей пятилетки. В кн. В. И. Ленин и некоторые вопросы истории. Алмата, 1970.

Б о г о м о л о в О. Развитие стран СЭВ по пути экономической интеграции. «Коммунист», 1971, № 16.

Б у р и а н Я. Сельское хозяйство и система экономических рычагов в ЧССР. (Перепечатано из «Hospodářské poviny», Praha, 1970, № 36.) Эконом. реформы в соц. странах Европы, 1971, вып. 12.

Б у р ч а к О. Г. Вплив польско-радянських зовнішньо-торговельних відносин на розширене відтворення в ПНР. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. сусп. наук, 1971, вип. 7.

Б ы к о в А. Научно-технический прогресс и интеграция социалистических стран. Полит. самообразование, 1971, № 11.

В а с и л е в с к а я Н. С. Выборочный метод в статистике животноводства стран — членов СЭВ. Тр. Моск. эконом. стат. ин-та, 1971, вып. 4.

Г а в р и л о в В. Материальная основа социалистической интеграции: экономическое кооперирование и специализация. Науч. докл. высш. школы. Эконом. науки, 1971, № 9.

Г о л у б у ш и н Ю. Международные ярмарки стран — членов СЭВ. «Под знаменем ленинизма», Киев, 1971, № 21.

Г о н а к М. И. Вплив міжнародного соціалістичного поділу праці на розвиток і розміщення нафтопереробної та нафтохімічної промисловості зарубіжних країн РЕВ. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. геогр., 1971, вып. 6.

Д е р я б и н а М. Вопросы совершенствования организации промышленного производства в европейских социалистических странах. Науч. докл. высш. школы. Эконом. науки, 1971, № 11.

Деятельность Международного банка экономического сотрудничества в 1970 г. «Деньги и кредит», 1971, № 11.

Деятельность Совета Экономической Взаимопомощи. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1971, № 4.

Дякин Б. Экономическая интеграция и повышение эффективности труда в странах—членах СЭВ. Соц. труд, 1971, № 11.

Евстигнеев Р., Кулигин П. Развитие экономических реформ в европейских странах социализма. Науч. докл. высш. школы. Эконом. науки, 1971, № 11.

Загородній О. П. Критика буржуазних теорій розподілу при соціалізмі. Питання політ. економії, Київ, 1971, вип. 81.

Золотарев В. Интеграция стран СЭВ и развитие мирового социалистического рынка. Междунар. жизнь, 1971, № 12.

Зубков А. Сотрудничество стран СЭВ в топливно-энергетических и сырьевых отраслях промышленности. Междунар. жизнь, 1971, № 11.

Иноземцов Н. Н. Координация планов стран—членов СЭВ. Эконом. и организация пром. пр-ва, Новосибирск, 1971, № 4.

Искра В. Насущные вопросы социалистической интеграции. «Проблемы мира и социализм», Прага, 1971, № 11.

Карпич В. Программа социалистической интеграции. Междунар. жизнь, 1971, № 9.

Козлов И. Проблемы развития интеграции в энергетическом хозяйстве стран СЭВ. Науч. доклады высш. школы. Экон. науки, 1971, № 9.

Ладыгин Б. Планомерное развитие социалистической экономической интеграции. «Коммунист», 1971, № 17.

Лезник А. Д. Экономическое стимулирование производства продукции для экспорта. Эконом. и организация пром. пр-ва, Новосибирск, 1971, № 4.

Ложкова Г. Т. Теоретична безвідставність ревізійністської критики справа деяких сторін соціалістичного виробництва. Питання політ. економії, Київ, 1971, вип. 81.

Лукин Л. Магистральный путь развития сотрудничества стран социализма. (Отклики мировой печати на XXV сессии СЭВ.) Междунар. жизнь, 1971, № 11.

Макеев А., Ефремов А. Сотрудничество стран—членов СЭВ в области морского транспорта. «Вымпел», 1971, № 20.

Миросниченко А. Международное разделение труда в машиностроении стран—членов СЭВ. Вопр. эконом., 1970, № 7.

Митрофанова Н. Роль цены в странах—членах СЭВ. «Деньги и кредит», 1971, № 11.

Михеев С. Новый этап в развитии сельского хозяйства Болгарии. «Вопросы и ответы», 1971, № 10.

Морозов В. СЭВ и международ-

ные экономические организации. Эконом. газ., 1971, № 44.

О современном состоянии и главных направлениях дальнейшего развития водного хозяйства в странах—членах СЭВ. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1971, № 4.

Об осуществлении отношений СЭВ с другими международными организациями в 1970 г. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1971, № 3.

Осьмова М., Карцев В. Совершенствование планирования и управления в Народной Республике Болгарии. План. хоз-во, 1971, № 11.

Птичкин Н. Курс на дальнейшее развитие социалистической экономической интеграции. Внепн. торговля, № 10.

Рыбаков О. Программа социалистической экономической интеграции стран—членов СЭВ. Вопр. эконом., 1971, № 10.

Рыбаков О. Совместная плановая деятельность стран—членов СЭВ. Мировая эконом. и междунар. отношения, 1971, № 11.

Сарай М. И. Координация народно-господарських планів—основний метод розвитку і поглиблення економічного співробітництва країн РЕВ. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. сусп. наук, 1971, вип. 7.

Сенин М. В. Новый научный центр стран СЭВ. «Новое время», 1971, 19 ноября, № 47.

Соглашение об образовании Международного инвестиционного банка. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1971, № 13.

Соколов А. Новые горизонты социалистической интеграции. Сов. профсоюз, 1971, № 22.

Соколов А., Терехов В. Экономика стран СЭВ: итоги и перспективы. Вопр. эконом., 1971, № 9.

Сохань П. С. Новый этап в экономическом сотрудничестве стран социализма. «Коммунист Украины», 1971, № 11.

Терехов В. Ф. Программа интеграции стран социалистического содружества. «Вопросы истории КПСС», 1971, № 11.

Устав Международного инвестиционного банка. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1971, № 3.

Фаворский А. СЭВ: новый этап. Коммунист Сов. Латвии, 1971, № 11.

Хмелевский Н. Н. О системе амортизации в зарубежных странах—членах СЭВ. В кн. Совершенствование системы амортизации. М., 1971.

Чуканов О. Социалистическая экономическая интеграция и научно-техническая революция. «Коммунист», 1971, № 13.

Ширяев Ю. Новый этап экономической интеграции социалистических стран. Мировая эконом. и междунар. отношения, 1971, № 9.

Шнайдер Э. Польская торговля сегодня и завтра. «Новое время», 1971, 29 октября, № 44.

Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1971, № 4.

3. Государственное строительство. Право

Воробьев П. Съезд болгарских земледельцев. (О деятельности БЗНС в связи с 32 съездом, состоявшимся в октябре 1971 г. в Софии). Междунар. жизнь, 1971, № 12.

Додин Е. В. Принципы административного производства в социалистических странах Европы. Сов. гос-во и право, 1971, № 10.

И. Т. Соратник болгарских коммунистов. (О XXXII съезде БЗНС.) «Новое время», 1971, 29 октября, № 44.

Михеэнко М. М. Выводы судебных вироков у Польській Народній Республіці. Вісн. Київського ун-ту. Сер. права, 1971, № 12.

Страшун В. О многопартийной системе в зарубежных социалистических странах. «Вопросы и ответы», 1971, № 12.

Франковский С. Хулиганство в свете нового уголовного кодекса Польской Народной Республики. Учен. зап. ВНИИ сов. законодательства, 1971, вып. 25.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Бирман М. А. Дипломатия Германии и Балканский союз в 1912 г. В кн. Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.

Васюта І. К. Аграрне перенаселення на Західній Україні в 20-х — 30-х роках ХХ ст. Укр. іст. журн., 1971, № 11.

Винокуров С. С. Политические партии Польши и германо-польский договор о ненападении от 26 января 1934 г. Учен. зап. Моск. пед. ин-та, 1971, т. 440.

Волков В. К. Основные этапы развития славяно-германских отношений в XIX—XX вв. в свете германской империалистической политики «Дранг нах Остен» (Проблемы и задачи исследования). В кн. Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.

Глинский В. А. Польская историография польско-немецких отношений в период революции 1848—1849 гг. В кн. Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.

Григорьянц Т. Ю. Оккупационная политика гитлеровской Германии на западных польских землях в польской историографии. В кн. Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.

Григорьянц Т. Ю. Система «немецких национальных списков» как один из методов германизации «присоединенных земель»: В кн. Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.

Данилова Г. М. К вопросу о положении женщины в период генезиса феодализма (сравнительный анализ славянских и германских «Правд»). В кн. Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.

Жянкайте Р. С. К вопросу о позиции Советского государства в польско-литовском конфликте. Тр. АН Лит. ССР. Сер. обществ., 1971, № 2.

Заборовский Л. В. Начало русско-польской войны и дипломатические

контакты России с Австрией, Бранденбургом и другими европейскими державами (конец 1653 г.—январь 1655 г.) В кн. Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.

Задорожний В. Є. Висвітлення історії економічних зв'язків Галичини з Україною та Росією у першій половині XIX століття в працях польських буржуазних істориків, В кн. Ужгородський університет. Наукова конференція аспірантів-випускників. 1970. Ужгород, 1970.

Калинович В. І. Ганна Павлик — пропагандист соціалістичних ідей у Галичині. Вісн. Львів. ун-ту. Сер. юрид., 1971, вип. 2.

Климовский Д. С. Антипольская компания Тревирануса и заблуждения саванционных дипломатов. Весн. Беларус. ун-та, Сер. истории, филология, экономика, права, 1971, № 3.

Кобцева Ж. Ф. Борьба КПЗУ за единый фронт робітничого класу (1924—1928 рр.) Вісн. Львів. ун-ту. Сер. сусп. наук, 1971, вип. 7.

Кульчицкий В. С. Про реформу виборчого закону до галицького сейму на початку ХХ століття. (Об избирательном законе 1914 г.) Вісн. Львів. ун-ту. Сер. юрид. 1971, вип. 2.

Ладысеў У. Ф. З гісторыі барацьбы працоўных Заходняй Беларусі за дэмакратычныя правы і свабоды (1935 г.) Весці АН БССР. Сер. грамад. навук, 1971, № 5.

Лаптева Л. П. Ян Гус и немецкая реформація в освещении русской литературы XIX — начала XX в. В кн. Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.

Лециловская И. И. Связи иллиризма с немецкой общественной мыслью и культурой. В кн. Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.

Носкова А. Ф. Захватнические планы гитлеровской Германии на востоке Европы. В кн. Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.

Поп И. И. «Срединная Европа» в планах кайзеровской Германии в период первой мировой войны. В кн. Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.

Попов С. Существуют ли «специфические исторические законы»? Науч. докл. высшей школы. Филос. науки, 1971, № 6.

Радзиевский А. На пути к Варшаве. Воен.-ист. журн., 1971, № 10.

Ратнер Н. Д. Царская дипломатия и Австро-Венгрия в конце XIX в. В кн. Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.

Рашба Н., Подгородецкий Л. Хотинская война (1621 год). Воен. ист. журн., 1971, № 12.

Тищик А. И. Первые Ради в Польше (1918—1919 гг.). Вісн. Львів. ун-та. Сер. юрид., 1971, вип. 2.

Фомин Ю. Ю. Материальна допомога українського народу національно-визвольному руху південних слов'ян у 1876—1877 рр. Укр. іст. журн., 1971, № 11.

Фрейденберг М. М. Югославские работы о роли России в национально-освободительном движении Далмации и Черногории. «История СССР», 1971, № 6.

Чистяков В. В. Роль Розы Люксембург в разработке программы СДКП и ее взглядов по национальному вопросу (1893—1898 гг.). В кн. Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.

1. Культура и наука

Апостолов А. Научная конференция ученых-педагогов социалистических стран. (Москва, 24—26 августа 1971 г.) Сов. педагогика, 1971, № 10.

Барчукова Н. С. Ленинские принципы развития науки—основа международного научного сотрудничества стран социалистического содружества. Учен. зап. Моск. ин-та междунар. отношений, 1971, вып. 1.

Білодід К. Широта слов'язнозначних досліджень. Про роботу паризького пленуму міжнародного комітету славістів (5—11) IX 1971). Рад. літературознавство, Київ, 1971, № 11.

Бялокозович Б. Кто был автором литографии «Белорусский раб», изданной А. Мицкевичем и описанной А. И. Герценом? «Прометей», 1971, т. 8.

Вукчевич Р. Югославская национальная библиография. В кн. Библиотекосведение и библиография за рубежом. Вып. 38. М., 1971.

Гончаров В. И. Образ Ивайла в болгарской литературе. В кн. Литература и время. Минск, 1970.

Врублевский Т. С. Польско-русские и польско-советские культурные отношения в свете современных западно-германских славянских исследований.

В кн. Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.

Давшан А. Антифашистская тема в творчестве Бруно Ясенского. Науч. тр. Ташк. ун-та, 1971, вып. 396.

Дзюбинська А. О. Підготовка і підвищення кваліфікації учительських кадрів у Народній Болгарії. Рад. школа, Київ, 1971, № 8.

Захарьина Н. С. Симпозиум «Драг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (Москва, 18—20 марта 1969 г.) В кн. Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.

Кожешник Я. Интеграция — необходима умова підвищення ефективності соціалістичної науки. (Статья президента АН ЧССР о чехословацко-советском сотрудничестве в области науки.) Вісн. АН УРСР, 1971, № 10.

Конечны Д., Конечна Г. Три чешских художника из общества «Умелца беседа». «Искусство», 1971, № 11.

Ласкеев Н. А. Комплектование фондов библиотек Академии наук Народной Республики Болгарии. В кн. Библиотекосведение и библиография за рубежом. Вып. 37. М., 1971.

Логвин Г. Фрески Люблина, Вавеля и Вислицы. «Декоративное искусство СССР», 1971, № 10.

Матвеева Г. В. Программа развития библиотек Сербии в 1971—1975 гг. Обзор литературы. Информация о библиотечном деле и библиогр. за рубежом, 1971, вып. 5.

Метева Е. Г. Н. А. Некрасов и болгарская литература. Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1971, № 6.

Метева Е. Г. Пушкинская тема поэта в литературной борьбе Болгарии 1900-х — 1930-х гг. Учен. зап. Горьковского ун-та, 1971, вып. 115.

Мещерская Е. Н. К изучению сирийских источников и греческо-славянских версий апокрифических легенд. (На материале сказания об Авгаре). В кн. Палестинский сборник. Вып. 23. Л., 1971.

Павленко Г. В. Иван Франко и общественное движение в Германии и Австро-Венгрии в конце XIX в. В кн. Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.

Павлов Т. К вопросу об истории и теории научной мысли. (К выходу в свет болгаро-советского труда «Теория отражения и современность»). Вопр. философ. 1971, № 11.

Петров С. Нерушимая, животворная дружба. Из истории русско-болгарских связей. Сов. музыка, 1971, № 9.

Ритчик Ю. И. Заметки о Врхлицком как дантологе. В кн. Дантовские чтения. 1971, М., 1971.

Савринович Э. Словацкий и Данте. В кн. Дантовские чтения. 1971, М., 1971.

Седов В. В. Конгресс археологов славистов в Берлине. (24—28 авг. 1970 г.) Сов. археология, 1971, № 4.

Точка опоры. Болгарские писатели о рабочей теме в литературе. Иностран. лит-ра, 1971, № 11.

Урзова Л. Пластический язык Густава Землы. «Искусство», 1971, № 12.

Федорук О. Українські співці в польському малярстві. Нар. творчість та етнографія, Київ, 1971, № 5.

Циккер Я. «Я считаю, что надо писать о человеке, о его духовном развитии...». Сов. музыка, 1971, № 9.

Чех В. У нас направление — социализм. «Искусство кино», 1971, № 11.

Шайкевич Б. Н. «Стародавні чеські легенди» А. Грасека, пейзажний живопис Ю. Маржака та графічні цикли М. Алеша. (Спроба типологічного зіставлення). «Іноземна філологія», Львів, 1971, вип. 23.

Шутой В. Е. Даниел Крман и его путевые записки. «История СССР», 1971, № 6.

Яшкина Е. С. У рабочее совещание центров библиотекосведения и методической работы библиотек социали-

стических стран (Берлин, 13—17 октября 1970). В кн. Библиотекосведение и библиография за рубежом. Вып. 37. М., 1971.

3. Языковедение

Кондрашов Н. А. Словацкое языковедение и проблемы культуры словацкой речи. Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1971, № 6.

Лаучюте Ю. О словах литовского происхождения в польском языке. «Kalbotyra» («Языковедение»), Вильнюс, 1971, т. 22, № 2.

Прохорова С. М. К вопросу о грамматической и лексической сочетаемости глаголов. (На материале переходных говоров Смоленщины в сопоставлении с русским, белорусским и польским литературными языками). В кн. Лінгвістичні дослідження. Мінск, 1971.

Рутковская М. Дееспричастия совершенного вида в современном русском языке и польские эквиваленты к ним. Рус. яз. за рубежом, 1971, № 3.

Широкова А. Г. 60-летие профессора С. Б. Бернштейна. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1971, № 5.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1971, № 5

Достойный продолжатель дела Благоева и Димитрова; Ж. Натан. Болгарская коммунистическая партия и историческая наука; П. Живчев. Страницы социальной истории Кипра XIV—XV вв.; В. Харизанов. Создание и деятельность Отечественного фронта во Врачанском округе до 9 сентября 1944 г.; Ст. Димитрова. БРСДП (ж. с.) против соглашательства правых социал-демократов (1918—1919 гг.); П. Ст. Горанов. Предпосылки возникновения социалистического движения в Велико Тырнове; Б. Самарджиев. Крах борьбы за конституцию в Османской империи (1877—1878 гг.).

«Przegląd Historyczny», 1971, № 4

Л. Бергерон. Экономические проблемы наполеоновской Франции; Я. Скарбек. Пешая мобильная гвардия Люблинского воеводства во время ноябрьского восстания; М. К. Каминский. Личный состав местных отделений гражданской организации в период январского восстания; Л. Баумгартен. В связи с «Письмами» Станислава Бжозовского.

«Z pola walki», 1971, № 3

Р. Градовский. Роза Люксембург — теоретик и деятель международного рабочего движения; Г. Б. Гариб-

джанян. Польско-армянские революционные связи в XIX — начале XX в.; З. Лукавский. Петербургская революционная группа (из истории русского народничества 80-х годов); К. Б. Яновский. Формирование единства рабочего движения в Нижней Силезии (1945—1948); Концепции ППР и ППС по вопросам путей, методов и форм строительства социализма в Польше (1944—1948).

«Československý časopis historický», 1971, № 6

К. В. аш. (Važ.) Антисоветизм государственного аппарата домюхеновской республики; Т. Лепковский. Формирование польской нации в XIX столетии; Э. Маур. Проблемы демографической структуры чехов в середине 17 столетия; З. Фиала. Об источниках, на которые опирался Далмилл при создании Жития св. Вацлава.

«Slovanský přehled», 1971, № 6

В. Краль. Московский импульс; К. Брабец. Советская внешняя политика в борьбе за демократическое решение проблем Дальнего Востока после окончания второй мировой войны; В. Мелихар. Помощь Советского Союза народу Кореи в борьбе против империалистической агрессии в 1950—1953 гг.; К. Краткий. Экономическая политика США в отношении социа-

листических государств в 1945—1966 гг.; Д. Загорская. Развитие концепций венгерской внешней политики в 1944—1946 гг.

«Език и литература», 1971, № 4

И. Лекоев. Сущность и состояние болгарской языковой культуры; В. Велчев. Г. С. Раковский и А. И. Герцен; С. Стоянов. К вопросу о чтении и толковании некоторых мест в Именнике болгарских ханов; М. Пархоменко. Эстетические взгляды Тараса Шевченко; З. Юфу. Иван Вазов в румынской печати до первой половины XX в.; Й. Симеонов. Дублирование определенных частей состава предложения во французском языке сравнительно с болгарским языком; Ж. Ескенази. С. М. Степняк-Кравчинский в Болгарии; Н. Димков. Неизвестное письмо Петко Славейкова Иванчо Райкову из Тривны; К. Младенов. Болгарские топонимы в современной греческой Македонии.

№ 5

В. Масальский. В. И. Ленин об овладении богатством языка и культурой речи; В. Велчев. Прошлое Болгарии лицом к современности; Л. Чепурнов. Лев Толстой в трилогии Константина Федина; Г. Сване. Климент Охридский и его Слово о святѣх Троици; Р. Русинов. Марксистская терминология в книге Д. Благоева «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?»; К. Влахов. Славянское имя во фракционной антропонимии.

«Zeitschrift für Slavistik», 1971, № 4

А. Гирше. Предварительное замечание; В. Л. Сучков. О возможностях влияния социалистических литератур в настоящее время; Ф. Мирау. Весть об одном дне; Н. Тун. Прогресс культуры и литература; Г. Дювель. Отношение Фридриха Вольфа к театральной культуре Советского Союза тридцатых годов; П. Кирхнер. «Светопредставление» — начало мира; Ф. Мпрау. «Человеческий, социальный и поэтический документ...»; В. И. Стеллецкий и А. А. Блок и «Слово о полку Игореве»; Г. Баро. Поворот Эммануила Казакевича к объективной повествовательной перспективе; И. Зеехазе. О чешской марксистской программе в области искусства в двадцатые годы как узловой пункт мировой социалистической культуры; Г. Ольшовский. Поездка к границам морали; М. Енихен. Чешская и словацкая литература в ГДР; К. Глобиг. Мемуары советских военачальников и их значение для художественной литературы о Великой Отечественной войне.

«Pamiętnik Literacki», 1971, № 3

М. Гловиньский. Вокруг «Романа» Норвида; С. Свентек. Норвидовский театр мира; Е. Пашек. Главный символ «Пешла» Жеромского; Я. Тучиньский. Индийские мотивы в лирике Каспровича; З. Шмидт. Роль стиля в авторской теории и практике Эразма; Е. Висьневский. Гославице Яна Хризостома Пасека; З. Рашевский. Материалы для изучения театральной деятельности Войцеха Богуславского; Е. Каспшик. Неизвестное письмо Мицкевича к Анастасии де Сиркур.

«Česka literatura», 1971, 1/2

Ш. Влашин. 50-летие КПЧ и чешская литература; Й. Грабак. Некоторые перемены в развитии послевоенной ангажированной прозы; В. Форст. Отношения чешской и словацкой социалистических литератур в межвоенный период; Г. Кучерова. Чешско-словацкие литературные отношения на страницах чешских литературных журналов 20-х годов; М. Благинка. Заметки к вопросу о пролетарской литературе; Р. Кузнецова. Значение «субъективного» лиризма в создании эпической картины эпохи в романе Карела Конрада «Отбой!»; М. Погорский. Время мифа — Никола Шугай, разбойник; В. Достал. Мечта чешского авангарда о ренессансе; Я. Дворжак. Б. Вацлавек и Левый фронт; А. Шерл. Значение левого авангарда в развитии чешского театра в 1918—1938 гг.; В. Форст. Конференция в Смоленице.

«Slovenská literatúra», 1971, № 5

Ю. В. Богданов. Проблема взаимодействия советской и словацкой литератур; М. Томчик. Чехословацкие и европейские связи группы «ДАВ»; С. Ракус. О началах прозаического творчества Илемницкого; В. Кохол. Стиховые формы словацкой рабочей поэзии; М. Вывьялова. К возникновению «Музы со словацких гор» Палковича.

№ 6

И. Вашко. О взаимодействии политического авангарда и авангарда в искусстве; Г. Олшовский. Взаимоотношения социалистических и авангардных литературных течений с точки зрения компаративистики; Л. С. Кишквин. Русская проза в перцепции Гведослава; З. Соикова. Спор о Людовите Штуре перед вступлением гласистов

«Slavia», 1971, № 4

Пятьдесят лет и сорок томов журнала «Slavia»; И. Курц. Пятьдесят лет журнала «Slavia»; В. Гавранек. К вопросу о порядке слова, особенно о месте глагольных форм в предложении в славянских языках древнейших периодов; И. Курц. О реконструкции сложных слов в славянском; Ф. Н. Мареш. Стяжение гласных в славянских языках; К. Горалек. Место словацкого языка; В. Бланар. Некоторые теоретические вопросы ономастики; К. Крейчи. Роман Яна гр. Потоцкого, его генология и генеалогия; Ж. Доланскпй. К вопросу о русских источниках «Спяния» Лядды; С. Вольман. Родство, рецепция, самовозникновение и их обусловленность.

«Slovo a slovesnost», 1971, № 3

Ф. Данеш. Опыт структурного анализа глагольных значений; Я. Коренский. К проблеме семантических функций глаголов, не обозначающих действие в структуре предложения в чешском языке; И. Немец. Фонетические предпосылки продуктивности словообразовательных форматов в чешском языке; Л. Кроупова. К синхронному описанию чешских несобственно. предлогов в лексикографической практике; Л. Углпржова. О длине предложения; П. Янчак. Чешский язык в с. Иваново (село в Югославии).

№ 4

Я. Паневова. Изъяснительные придаточные предложения; П. Шитьха. Существует ли дательный притяжательный?; Э. Михалек. Дифференциация понятий — центральная проблема терминологии в историческом плане; Я. Красницкая. О некоторых современных тенденциях развития северо-восточных чешских говоров; Ф. Гладш. О распределении слов низкой частотности в устной речи.

«Slavica Slovaca», 1971, № 3

Г. Балаж. Структурный анализ конструкций с страдательными причастиями в современном русском языке; Э. Секапцова. Сопоставление значений глагольной приставки *na-* в русском и словацком языках; М.—О. Маликова. Структурно-семантический анализ слов с лексикальными морфемами *málo* и *malo-* в словацком языке; И. И. Ревзин. Дедуктивное и структурное разграничение понятия «функциональный стиль»; В. П. Берков. Некоторые общие принципы отбора слов для большого двуязычного словаря; Л. В. Малаховский. Выделение и классифи-

кация омонимов при помощи матричной модели; П. Шпма. Архангелский протограф кодекса 7784; М. Лациок. О дистрибуции морфем *-ost* и *-ota* в языке поэзии Б. Таблица; Я. Спал. Заселение славян в свете данных топонимики.

«Български език», 1971, № 2—3

Х. Младенов, Х. Холнолчев. Проф. д-ру Самуилу Борисовичу Берштейну шестьдесят лет; М. Младенов. Научные труды проф. д-ра С. Б. Берштейна по болгаристике; В. Георгиев. Происхождение форм повелительного и условного наклонения древнеболгарского глагола *късмь*; И. Лекков. По крутому пути фонологии (воспоминания, наблюдения и предположения); Л. Андрейчин. Болгарские глаголы на *-овам*; Т. Костова, И. Кочев. Об орфотопической модели отрицания предиката в болгарском языке; В. Радева. К проблематике болгарской диалектной лексикологии; В. Попова. Вторичные значения предлога *о* в болгарском, сербохорватском и словенском языке; М. Деянова. Об одном типе связи между лексикой и синтаксисом; М. Чоролеева. Нейтрализация значения страдательного залого у причастий на *-и*, *-т* в болгарском языке; Ю. Балтова. О границе между сложным словом и словосочетанием; П. Динев. Дамаскины и язык болгарской литературы эпохи Возрождения; Е. Дограмаджиева. Ранний случай грамматикализации предлога *на* в древнеболгарской письменности; Д. Станишева. Комментарий к истории квалификативных конструкций в некоторых славянских языках; А. Даскалова. О торговой лексике в валахоболгарских грамотах; Б. Велчева. Буквы для обозначения «х» в глаголице; Т. Бояджиев. Диалектные формы 1 л. ед. ч. глаголов III спряжения; М. Младенов. Об одной древней изоглоссе болгарского языка *браада/бразна*; Н. Колев. Об одной лексико-фонетической изоглоссе в северной Болгарии; М. Виденов. Уточнение границы между софийским и белградничко-тринским говором; Х. Топалова-Симеонова. О лабилизации в мизийских говорах; И. Иванов. К вопросу о палатальных согласных в болгарских диалектах (мягкость *ж*, *ч*, *ш* и *шт*, *жд*); А. Байчев. Вторичное ударение в говоре с. Голица, Поморийского округа; Р. Божков. Субстантивное суффиксально-префиксальное словообразование в тринском говоре; Х. Холнолчев. Болг. *гълъби*, румын. *porumb'* Zea mays, кукуруза; Д. Вакарельская — Немова. Значения слов с корнем *тъв-тъж-* в болгарских диалектах; М. Москов. Топонимические названия тюрского происхожде-

ния — Горна и Долна Турган; Х. Пырвев. Об одной семантико-стилистической особенности некоторых местоименных форм; К. Костов. Унаследовано ли от праславянской поры современное славянское пословичное выражение *от птиче мякко?*; Р. Русинов. Еще раз о происхождении идиоматического сочетания *през куп за грош*; Р. Павлова. Об употреблении некоторых «сложных предлогов» в болгарском языке; В. Сташков. О транскрипции некоторых собственных имен с русского языка на болгарский.

«Български език», 1971 № 4

С. Жерев. Творчество Константина Миладинова с точки зрения истории болгарского литературного языка; Т. В. Попова. Чередование кратких согласных основы существительных имен на *-ач* в болгарском языке; И. Георгиев. Об одном случае функциональной ограниченности подлежащего в современном болгарском языке; И. Иванов. Происхождение терминологии в области Мырвашко; С. Илчев. Наблюдения над старыми переводами; Д. Попов. Об обобщенном обозначении лет по десятилетиям; К. Илиев. К вопросу об особенностях частиц как части речи; М. Выгленов. Иноязычные слова в форме множественного числа, употребляемые в форме единственного числа в болгарском языке; И. Илиев. О происхождении одного пословичного выражения; В. Радева. Диалектные тексты из района Центрального балканского горора.

«Slovenska reč», 1971, № 5

Ш. Ондруш. Происхождение глагола *vgraviet'*; К. Бузассыова. *Doska, platňa, tabul'a* и их чешские эквиваленты; Ю. Лаукова. Акцелерация в структуре романа «Поле неспаханное»; Я. Даруля. Из истории слова *čas* в словацком языке; М. Майтан. Прозвища в литературном творчестве Божены Сланчиковой Тимрава, К. Палкович. Словацкий этимологический словарь Рудольфа Скотницкого.

№ 6

Е. Йона. Вопросы литературного словацкого языка в трудах молодого

Ярослава Влчека; М. Иванова-Шалингова. Устойчивые сочетания со словом *jazyk* в словацком и чешском языках; А. Пршо. Предлог *и* в значении места в древнем словацком языке; Я. Оравец. *Tmit'sa — zotmit'sa*; Л. Двонч. Как писать иностранные слова *biatlón* и *pentatlón*?

«Jezik», 1970—1971, № 4

С. Тежак. Страдательный залог в сборнике новелл «Хорватский бог Марс» Крлежи; С. Жеич. Производные с суффиксами, образующими наименования мест; К. Цек, Э. Мартинич. О некоторых проблемах языковой и общей культуры.

№ 5

С. Бабич. Лингвистическое определение хорватского литературного языка; Новисадское соглашение отвергнуто; Б. Фика. Об отказе от Новисадского соглашения; С. Тежак. Страдательный залог в сборнике новелл «Хорватский бог Марс» Крлежи; М. Моргуш. Существует ли в настоящее время в формах сравнительной степени прилагательных суффикс *-ji*?

«Jezik in slovstvo», 1970—1971, № 8

Ф. Безлай. Особенности лексики словенского языка; И. Стабей. Из истории словенских слов; С. Фатур. Изучение «Советов несчастья»; И. Топришич. [Школьный учебник] «Sproznavaјmo slovenski jezik» в языковедческом и методическом освещении; М. Орожен. Языковедческое наследие Поглина; С. Котник. Упражнения на логическое построение сочинения.

1971—1972, № 1—2

М. Гросман. Возможности разграничения языка художественной литературы и языка других сфер употребления; Б. Глоб. Методические возможности обучения сочинению и речевым упражнениям; Ф. Жагар. Разделы и их названия в сочинениях при обучении родному языку; М. Роде. Количественные числительные в русском и словенском языках.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

26 января 1972 г. состоялось расширенное юбилейное заседание Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР, посвященное 25-летию со дня основания Института (1947—1972).

Директор Института, член-корреспондент АН СССР Д. Ф. Марков подробно охарактеризовал итоги научной деятельности коллектива Института за прошедшую четверть века его истории, широту научно-исследовательской проблематики, отметил достижения и недостатки, имеющиеся в работе, а также остановился на перспективах, стоящих перед Институтом в связи с расширением профиля его деятельности и необходимостью решения значительных комплексных проблем славяноведения и балканистики¹.

На заседании Совета выступил академик-секретарь Отделения истории АН СССР академик В. М. Хвостов. Поздравив коллектив Института от имени Президиума АН и Бюро отделения истории, он отметил существенный научный вклад Института в развитие отечественного и мирового славяноведения и подчеркнул, что перед коллективом Института стоят большие научные задачи, вытекающие из решений XXIV съезда КПСС, Постановления ЦК КПСС о повышении роли общественных наук в строительстве коммунизма.

Д.и.н. В. А. Куманев (от Секции общественных наук) и д.и.н. А. О. Губарьян (от Отделения истории) огласили распоряжения Секции и Отделения об объявлении благодарности за успехи в научной деятельности большой группе сотрудников Института.

Заместитель академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР член-корреспондент АН СССР С. Г. Бархударов отметил большие достижения Института в области изучения проблем лингвистики и литературоведения славянских стран.

Академик Б. А. Рыбаков тепло приветствовал коллектив Института, и пожелал ему дальнейших успехов в решении важнейших проблем славяноведения и балканистики.

С сердечными приветствиями в адрес Института выступили также д.и.н. профессор Ю. И. Кораблев (заместитель директора Института истории СССР АН СССР), д.и.н. В. А. Александров (от Института этнографии АН СССР), директор Института всеобщей истории АН СССР академик Е. М. Жуков, профессор Е. З. Цыбенко и профессор И. М. Белявская (филологический и исторический факультеты МГУ), К. С. Кузнецова (Главное архивное управление Совета Министров СССР), Т. А. Воздвиженская (Союз Обществ дружбы с зарубежными странами), Н. И. Балашов, Я. С. Станюкович, С. И. Балза (ИМЛИ), А. Е. Москаленко (Воронежский государственный университет), д-р искусствоведения М. М. Постникова (Государственный исторический музей), Н. П. Бобрик (издательство «Наука»), д.и.н. С. О. Шмидт (Археографическая комиссия). Все выступавшие отметили большие успехи, достигнутые Институтом славяноведения и балканистики за 25 лет его деятельности, и пожелали всем его сотрудникам новых, еще более значительных достижений в науке.

На заседании Ученого совета выступили также зарубежные гости: доцент Станислав Лопатнюк (Институт истории польско-советских отношений ПАН), ст. научный сотрудник Христо Дудевский (от Института литературы БАН), профессор, канд. ист. наук Честмир Аморт (Советско-чехословацкий институт ЧСАН), канд. ист. наук Ян Пиволуска (Институт европейских социалистических стран Словацкой академии наук). Они поздравили коллектив Института с 25-летним юбилеем, подчеркнули большое значение плодотворного сотрудничества Института с научными учреждениями социалистических стран, занимающихся изучением проблем славяноведения и балканистики, пожелали дальнейших творческих успехов в решении важных вопросов, стоящих перед Институтом.

¹ Подробнее см. статью: Д. Ф. Марков. 25 лет работы Института славяноведения и балканистики АН СССР. «Советское славяноведение», 1972, № 1, стр. 3—20.

В заключение Д. Ф. Марков поблагодарил всех выступавших за добрые слова, сказанные в адрес Института, и высказал уверенность, что коллектив Института не остановится на достигнутом, а будет стремиться к еще большим результатам в своей научно-исследовательской деятельности, в решении еще не решенных проблем.

Институт получил поздравительные письма, телеграммы и адреса. Это — приветствия от вице-президента АН СССР академика П. Н. Федосеева, Отделения общественных наук АН БССР, Института истории АН БССР, Украинского комитета славистов, Института археологии, Института литературы АН УССР, Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Рыльского АН УССР, Института истории АН МССР, Института международного рабочего движения АН СССР, Института военной истории Министерства Обороны СССР, Института истории АН БССР, от профессоров, преподавателей и студентов исторических и филологических факультетов Ленинградского, Харьковского, Саратовского, Петрозаводского, Белорусского университетов, от Института научной информации и Фундаментальной библиотеки обще-

ственных наук АН СССР, Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР, редакций журналов «Вопросы истории», «Иностранная литература», Редакционно-издательского совета АН СССР, Центрального государственного военно-исторического архива СССР, Киевского райкома партии г. Москвы и др. организаций и отдельных лиц.

Кроме того, поздравления с пожеланиями новых выдающихся научных успехов были получены от Отделения истории САН, Института мировой литературы и языков САН, Института археологии ЧСАН, Института истории САН, Института марксизма-ленинизма при КП Словакии, Силезского научного института в Катовицах, Института сербского народоведения, Института истории БАН, Чрезвычайного и Полномочного Посла НРБ в СССР Стояна Гюрова, известных зарубежных ученых Л. Штола, Г. Ловмянского, Н. Маджаревича и др.

Коллектив Института славяноведения и балканистики приносит самую искреннюю благодарность всем учреждениям, организациям и ученым за теплые дружеские поздравления в связи с юбилеем Института.

Е. П. Аksenov

О ВСТРЕЧЕ ПОЛЬСКИХ И СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

Очередной симпозиум Комиссии историков СССР и ПНР, состоявшийся в Москве 22—27 ноября 1971 г., был посвящен сравнительному изучению истории Руси и Польши XII—XIV вв., выявлению черт общности своеобразия в историческом развитии польских и русских земель этого времени.

Выбор такой тематики обуславливался тем обстоятельством, что этот период в истории Польши и Руси, все еще недостаточно изученный, был периодом во многих отношениях переломным. То была эпоха, когда после распада обширных государств на польских и русских землях происходила напряженная борьба двух тенденций: феодальной раздробленности и образования многонациональных государственных объединений.

Особый интерес для ученых обеих стран представляли вопросы параллелизма социально-экономического, государственно-правового, политического и культурного развития Польши и Руси в данный период, параллелизма, обусловленного как закономерностями развития феодальной формации вообще, так и близостью двух соседних славянских народов.

Важное место в работе симпозиума заняли вопросы закономерного дробления древнепольского и древнерусского государств на отдельные земли-княжества,

проблема утверждения системы феодальной раздробленности на польских и русских территориях в XII в.

Специальный доклад о значении данного периода в истории Руси сделал В. Т. Пашуто. Докладчик охарактеризовал социально-экономические и политические предпосылки утверждения локальных тенденций в историческом развитии феодальной Руси (сдвиги в структуре землевладения и в составе феодального класса, образование ряда новых центров «русской земли», рост городов и т. д.). Вместе с тем, В. Т. Пашуто отметил, что феодальная раздробленность на Руси не была абсолютной, что население страны и в этот период создавало свою принадлежность к единой русской (древнерусской) народности, что данное обстоятельство сыграло свою роль, наряду с определенными социально-экономическими и политическими факторами, в последующем преодолении феодальной раздробленности «русской земли».

В большом докладе акад. Б. А. Рыбакова («Политические идеи русских летописцев XII в.») была раскрыта взаимосвязь процесса утверждения феодальной раздробленности на территории Руси с усилением роли боярства в политической жизни отдельных земель-княжеств, выявлены важные сдвиги в концепцион-

ной направленности русского летописания XII в., показаны «пробоярские» настроения ряда летописцев того времени (по отношению к великокняжеской власти, к автономии отдельных земель-княжеств и т. д.).

Б. А. Рыбаков подчеркнул, что возрастание роли боярства было характерно в XII в. не для одного какого-либо княжества, а едва ли не для всех княжеств «русской земли». Автор отметил, например, что идеи боярской олигархии были в равной мере близки как киевскому, так и новгородскому боярству середины XII в., что программа автономии отдельных земель-княжеств выдвигалась одновременно боярством новгородским, суздальским, киевским и т. д.

Но отдавая должное этой центробежной тенденции тогдашней жизни различных частей феодальной Руси, Б. А. Рыбаков не оставил без внимания и другой, менее заметной в XII в. тенденции — тенденции центростремительной. Он рассмотрел проект создания своеобразной федерации русских земель, выдвинутой, если верить Татищеву, князем Романом Мстиславичем в 1203 г., того самого проекта, по которому главным организатором обороны Руси от внешней угрозы, а также гарантом внутривосточной стабильности страны должен был стать Киевский князь, выбираемый шестью крупнейшими русскими князьями — Владимирским, Черниговским, Галицким, Смоленским, Полоцким и Рязанским.

Различные варианты политического развития русских земель в XII — первой половине XIII в. были рассмотрены в докладе Л. В. Черепнина. Докладчик охарактеризовал специфику ряда крупных политических организмов, сложившихся на территории феодальной Руси в указанный период, отметил существование общих тенденций их развития, указал на сохранившиеся тогда между автономными княжествами «русской земли» тесные политические контакты.

В докладе П. П. Толочко было охарактеризовано положение Киевской земли в системе русских княжеств XII в., раскрыта экономическая жизнь Киева в рассматриваемое время.

Аналогичные процессы в историческом развитии феодальной Польши, в частности, ход борьбы центробежных и центростремительных сил в тогдашней политической жизни польских земель, были рассмотрены в докладах польских историков А. Гейштора, Р. Хека, отчасти К. Мыслинского, Т. Василевского и Ст. Руссоцкого.

Предметом пристального внимания на симпозиуме оказались также вопросы социально-экономического и государственно-правового развития обеих стран. Так, проблема общинной организации на русских, литовских и польских землях была исследована в докладах А. Поппе и

С. Юргиниса; вопрос о социально-политическом и экономической развитии городов был рассмотрен в рефератах Г. Самсоновича (о польском феодальном городе), П. Ф. Лысенко (о городах Туровской земли), Н. А. Мохова (о молдавско-польской торговле XIV—XV вв.); проблемы закономерных сдвигов в жизни класса феодалов и феодального государственного аппарата были исследованы в докладах польского ученого Т. Василевского, а также советских исследователей А. М. Сахарова, О. М. Рапова, Я. П. Щапова, Б. Н. Флори и др.

На симпозиуме было уделено значительное внимание и вопросам преодоления феодальной раздробленности, проблемам утверждения объединительных тенденций в историческом развитии польских и русских земель XIV столетия.

Указанная тема применительно к польскому историческому процессу была раскрыта в докладе А. Гейштора, нарисовавшего яркую картину интенсивного роста национального самосознания в польском обществе XIII—XIV вв., показавшего огромную важность самого факта образования польского «национального» государства на рубеже XIII—XIV вв.

Различные аспекты этой темы применительно к истории «русской земли» рассматривались в докладах В. В. Мавродина, П. И. Максимова, А. М. Сахарова, В. О. Довженко, В. А. Кучкина, В. А. Чемерницкого, И. Б. Грекова. В докладах подчеркивалось, что если феодальная Польша уже на рубеже XIII—XIV вв. многого добилась на пути преодоления «полицентризма» и восстановления своего былого единства, на пути консолидации этнически однородных территорий и создания такого типа «национального» государства, о котором Ф. Энгельс говорил как о «рычаге прогресса в средние века», то в исторической жизни русских земель данного периода те же процессы феодальной концентрации и объединения этнически однородных территорий в силу ряда конкретно-исторических причин протекали тогда менее интенсивно и в несколько иных формах, что указанная тенденция давала себя знать сначала в ходе образования многих конкурировавших друг с другом центров Руси (Киева, Новгорода Великого, Чернигова, Полоцка, Владимира, Твери, Москвы, Нижнего Новгорода и т. д.), а потом в процессах преодоления этого «полицентризма» и параллельного формирования двух обширных феодальных государств — Великого Владимирского княжения и Великого княжества Литовского и Русского, выдвигавших при этом одну и ту же программу восстановления былого единства всей «русской земли».

Важное место в работе симпозиума заняла проблема воздействия международного фактора на историческое разви-

тие польских и русских земель в указанный период.

Доклады польских историков Г. Ловмянского, Р. Хека, К. Мыслинского еще раз убедительно показали, что из-за неблагоприятной международной обстановки, в частности, вследствие усиления натиска германских феодалов на восток, некоторые западные польские земли, в том числе Силезия и Западное Поморье, не были включены в состав консолидировавшегося на рубеже XIII—XIV вв. польского государства.

В ряде докладов советских авторов была затронута проблема международного положения феодальной Руси того времени. Состояние русско-византийских отношений в XII в. было рассмотрено в докладе Г. Г. Литаврина.

Привлекла внимание ученых и другая важная проблема международной жизни той эпохи — проблема взаимоотношений Руси с Ордынской державой, вопрос о роли Ордынской дипломатии в тогдашней политической жизни Восточной Европы.

На симпозиуме были рассмотрены некоторые вопросы источниковедческого характера. Так, Е. Охманский на основе изучения русских источников, в частности, «Задонщины» выдвинул гипотезу о Сколоменде как предке династии Гедиминовичей. М. Е. Бычкова остановилась на различных трактовках ранних этапов становления Великого княжества Литовского в русских генеалогических источниках XVI в. И. Б. Греков охарактеризовал идеологическую направленность ряда литературных памятников феодальной Руси конца XIV — начала XV в. В. А. Чемерицкий показал преемственную связь литовско-белорусских летописей с общерусским летописанием.

Прошедший симпозиум уделил значительное внимание и проблемам исто-

рии культуры Восточной Европы XII—XIV вв. П. Н. Максимов в докладе «Общациональные и локальные особенности русской архитектуры XII—XIV вв.», показал, что в памятниках русской архитектуры XII—XIV в. определяющими были общерусские, а не локальные черты, что в развитии русского зодчества той поры центростремительные тенденции были значительно сильнее центробежных. Проблемам культуры были посвящены доклады А. И. Комича («Памятники Киева второй половины XII в. и их отношение к византийскому зодчеству») и Я. Д. Исаевича («Культура Галицкой Руси в XII—XIV вв.»). В докладе А. И. Рогова было охарактеризовано развитие культурных связей Руси и Польши в конце XIV — начале XV в.

В развернувшихся после докладов прениях выступили Г. А. Новицкий, Е. А. Мохов, А. Л. Хорошкевич, А. Поппе. Они говорили о вкладе симпозиума в разработку истории Польши и Руси XII—XIV вв., указывали на плодотворность сравнительного изучения исторического развития наших стран в период феодализма.

В своем заключительном слове Б. А. Рыбаков подвел итоги работы симпозиума. Он подчеркнул, что в докладах польских и советских медиевистов были рассмотрены важные аспекты социально-экономического, политического и культурного развития Польши и Руси XII—XIV вв., сделаны интересные наблюдения над проявлением общих закономерностей в исторической жизни польских и русских земель этого времени, выявлены черты общности и своеобразия в истории двух крупнейших славянских стран той эпохи.

И. Б. Греков

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Проблеме «Восточная политика германского империализма и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы» был посвящен всесоюзный научный симпозиум, проходивший в Москве 1—3 декабря 1971 г., организованный сектором международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе Института славяноведения и балканистики АН СССР.

В работе симпозиума приняли участие ученые из Москвы, Новосибирска, Львова, Минска, Пензы, Ивано-Франковска, Черновцов, Ужгорода, Риги, Вологды, Дрогобыча, Каменец-Подольска. Тематика 28 докладов и сообщений включала в себя различные аспекты истории и исто-

риграфии германской восточной политики.

Открывая симпозиум, заместитель директора института — д-р ист. наук Л. Н. Нежинский отметил важность и актуальность постановки и решения таких проблем. Он выразил также надежду, что в работе симпозиума будут подняты и вопросы теории международных отношений. С приветственным словом к собравшимся обратился директор института чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков.

С докладом «Внешнеполитические концепции германского империализма и их проявление в отношениях со странами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы» выступил В. К. Волков.

Он дал характеристику основных этапов формирования экспансионистских империалистических концепций национально-государственных интересов Германии, составлявших основу ее внешней политики после образования Германской империи. Автор раскрыл основные причины экспансионизма Германии, Веймарской республики, нацистского «Третьего рейха» и реваншистских кругов ФРГ.

Анализу внешнеполитической программы Бисмарка и пангерманистов во второй половине XIX в. посвятил свой интересный доклад проф. Н. П. Полетика.

В докладе «Славянские народы Австро-Венгрии и образование Германской империи» Н. Д. Ратнер показала отношение руководящих деятелей славянских народов австрийской части монархии (поляков, чехов, словенцев) к созданию в 1871 г. Германской империи.

С интересом был заслушан доклад В. Л. Глебова «Основные черты германской политики на Балканах в конце XIX — начале XX вв.». Автор развенчал миф об отсутствии германских интересов на Балканах, созданный германской дипломатией в конце XIX в. и проникший затем в историографию. Германская политика в балканском районе была направлена на усиление противоречий между великими державами на Балканах и преследовала цель включения балканских государств в сферу германского влияния. Позиции Англии в период балканских войн 1912—1913 гг. в связи с балканской политикой Австро-Венгрии и Германии в это время было посвящено сообщение В. В. Зайцева. В. В. Зайцев дал характеристику лицемерной британской дипломатии на Балканах, отметив, что инициаторы политики заигрывания с Германией были готовы пойти ей навстречу по ряду второстепенных вопросов, имея целью столкнуть Россию и Германию.

С сообщением на тему «К вопросу о продолжении агрессивной политики германского империализма против Польши после окончания первой мировой войны (1918—1922 гг.)» выступил Н. Фарбман. Он показал, что уже в период между Компьенским перемирием и Версальским миром германский империализм стремился не только закрепить за собой оккупированные польские земли, но и захватить новые. Главной движущей силой этой агрессивной политики были монополистический капитал и военная верхушка Германии.

Вопросу о преемственных чертах пангерманских и нацистских планов колонизации и германизации западных польских земель в годы первой и второй мировых войн было посвящено сообщение Т. Ю. Григорьянц. Автор отметила, что польские земли в течение многих веков были объектом агрессивных устремлений германских завоевателей. В сообщении

показана роль, отводимая польским землям в агрессивном германском плане «Дранг нах Остен».

В сообщении «Новый порядок» и ограбление гитлеровцами оккупированных стран Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны» А. Ф. Носкова проанализировала гитлеровскую политику эксплуатации и ограбления оккупированных стран указанного региона, превращение их в аграрно-сырьевой придаток «Третьего рейха» и в гигантский трудовой лагерь.

В докладе «Происки гитлеровской Германии в Румынии и новые тенденции во внешней политике румынских правящих кругов (1933—1934 гг.)» Я. М. Копанский и И. И. Левит определили место Румынии в экспансионистских планах гитлеровской Германии, показали стремление германской дипломатии принудить Румынию к изменению внешнеполитического курса. Авторы отметили такую характерную черту в политике правящих кругов Румынии, как готовность идти на уступки Германии в вопросах территориальной целостности Европы ради удовлетворения своих классовых интересов.

Большой интерес вызвало содержательное сообщение Г. В. Павленко «Две линии в русско-германских отношениях конца XIX — начала XX вв. (к вопросу о русско-германском революционном сотрудничестве и совместной борьбе монархии России и Германии против революционного движения)», а также сходный по тематике доклад М. А. Бирмана «Борьба левых социал-демократов Германии в 1914—1915 гг. и болгарские тесняки (по материалам газеты «Рабочие вестник»)». Историкографические аспекты проблемы затронули в своих выступлениях И. М. Кулинич — «Захватнические планы германского империализма по отношению к Украине в конце XIX — начале XX вв. в историографии ГДР», В. Н. Кутик — «Историография ПНР о восточной политике германского империализма в межвоенный период» и П. Я. Крушников — «Планы германской колонизации Прибалтики в XX в. в освещении германской историографии (обзор работ историков ГДР и ФРГ)».

Следует отметить интересные выступления М. М. Духанова — «Прибалтика в германских планах Средней Европы», А. А. Язковой — «Становление Версальской системы в Центральной и Юго-Восточной Европе и проблема германской угрозы», А. С. Бланка — «Антиславянские мотивы в программных документах и пропаганде гитлеровцев в ранний период национал-социализма», Д. С. Климовского — «Антипольская политика германского империализма в преддверии Локарно (октябрь 1924 — октябрь 1925)»; А. С. Аветяна — «Основные направления развития германской

геополитики в 20-е годы», Ф. Г. Зуева — «Фашистская угроза и проблема коллективной безопасности в Европе в 30-х годах», Я. С. Хонигсмана — «Проникновение германского капитала в Галицию, Буковину и Закарпатье в эпоху империализма (1873—1918 гг.)», И. Н. Теодоровича — «Захватнические планы германского империализма на Востоке Европы в годы первой мировой войны», Г. И. Хенегара — «Румыния и политика Тройственного Союза в Юго-Восточной Европе в 1908—1909 гг.», И. И. Попа — «Политика Центральных держав в Восточной Европе в 1918 году». Анализ отношений ФРГ со странами Восточной Европы на современном этапе посвятил свое выступление М. С. Восленский. Л. Я. Гибанский дал анализ борьбы СССР на Потсдамской конференции за справедливое послевоенное устройство стран Юго-Восточной Европы. А. И. Степанов рассказал о борьбе ГДР против

западногерманского реваншизма, за обеспечение мира и европейской безопасности.

Последний день симпозиума был посвящен обсуждению плана-проспекта коллективной монографии «Восточная политика германского империализма и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы», представленного сектором международных отношений Института славяноведения и балканистики. Макет проспекта подвергся всестороннему и деловому обсуждению всех участников симпозиума. С критикой и замечаниями выступило 16 человек. Все выступления подчеркивали значимость поставленной проблемы, ее актуальность и необходимость глубокого и всестороннего ее изучения. Все это свидетельствует о большом интересе историков страны к поставленным вопросам, говорит о пользе таких встреч.

А. С. Аникиев

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ В ВЕЛИКО ТЫРНОВО

В 1371 г. известный болгарский общественный деятель и писатель Евфимий Тырновский основал в Тырново школе-университет «Святая троица», которая вскоре стала крупным научным и культурным центром страны. Здесь заново переводились с греческого на болгарский язык и редактировались в духе установленных Евфимием особых норм правописания и стили основные христианские книги. За десять лет тырновские книжники составили первый славянский компендиум для чтения, насчитывающий более 8000 страниц и состоящий из 400 житий, слов, рассказов, поучений, легенд. Знаменитые болгарские писатели Иоасаф Бдинский, Константин Костенечский, Григорий Цамблак были учениками Евфимия.

XIV век — время нового расцвета болгарской литературы; Велико Тырново становится культурным центром не только местного, но и общеславянского значения. Оживление литературной жизни сопровождалось бурным развитием искусства, прежде всего архитектуры и живописи. «Тырновский ренессанс», однако, не был продолжителем: в 1393 г. город был взят завоевателями-османами, а университет закрыт.

В 600-летию годовщины Тырновградской школы-университета, 14 октября 1971 г., в древней столице Второго Болгарского царства было провозглашено открытие нового, второго в стране Университета им. братьев Кирилла и Мефодия. На торжестве присутствовали первый секретарь ЦК БКП и председатель

Верховного Совета Тодор Живков, Президент БАН А. Балеваки, ректор Софийского университета акад. П. Зарев, писатель Е. Станев, видные деятели просвещения и культуры Болгарии, гости из других стран — представители славяноведческих центров Советского Союза, Польши, Румынии, Югославии, Франции, Англии.

С 11 по 15 октября в аудитории «Александр Бурмов»¹ Тырновского университета проходил международный симпозиум на тему «Тырновская литературная школа». Со вступительным словом выступили директор Института балканистики БАН проф. Н. Тодоров и ректор университета, заместитель министра народного просвещения проф. Ж. Авджиев. В первый день, 11 октября, состоялись следующие доклады: акад. П. Динекова (София) «Роль Тырновской школы в развитии болгарской литературы», проф. П. Русева (София) «Школа Евфимия Тырновского в монастыре „Святая троица“», доц. Ю. К. Бегунова (Ленинград) «К стилистике торжественного красноречия: „Кирилл Туровский и Григорий Цамблак“», проф. Н. Д. Лаудата (Яссы) «Евфимий Тырновский и культурное движение в румынских землях в эту эпоху». После докладов возникла дискуссия в связи с предренессансовым и «ренессансовым» развитием в Болгарии

¹ Покойный академик Александр Бурмов был основателем и первым ректором Высшего педагогического института (теперь университета) в Велико Тырново.

в XIV в. Мнениями обменялись многие участники симпозиума. Эта дискуссия продолжалась и в последующие дни. В результате было установлено, что в Болгарии в XIV в. действительно имелись элементы «ренессансного развития», но они не переросли в ренессанс.

12 октября утром с докладами выступили Е. Георгиев (София) «Общеславянское значение Тырновской школы», проф. К. Куев (София) «Судьба Ловчанского сборника, написанного около 1331 г.», доц. Д. Петканова (София) «Новые черты Похвальных слов XIV—XV вв.», Н. Драгова (София) «Памятники Тырновской школы и болгарское возрождение», проф. Н. М. Дылевский (София) «Евфимиевы литературные произведения в России и на Украине (к 300-летию первого печатного киевского издания Жития Ивана Рыльского); научн. сотр. С. Лазаров (София) «Об исполнении литургических текстов в средневековье в связи с реформой Евфимия Тырновского».

12 октября вечером выступили следующие докладчики: проф. Г. Михайлэ (Бухарест) «Самый старший список „Похвального слова Константину и Елене“ Евфимия Тырновского (Сборник Якова из Путны, 1474 г.)», доц. Е. Русек (Краков) «Черты болгарского языка в памятниках XI—XIV вв.», проф. Д. Иванова-Мирчева (София) «Евфимий Тырновский — писатель-творец литературного болгарского языка эпохи позднего средневековья», доц. Н. Ковачев (Велико Тырново) «Топонимы в произведениях писателей Тырновской школы», проф. В. Пандурский (София) «Панегирик попа Андрея, 1425 г.», научн. сотр. Х. Капитанов (София) «Пути Евфимиевой книги из Болгарии в Румынию». Состоялась дискуссия. Обсуждались вопросы о значении работ И. Юфу, касающихся болгаро-румынских культурных связей XIV в., о кодикологии, о торжественном красноречии древних славян и методах его изучения, о дьяке Андрее-Андронике, об авторстве «Азбучной молитвы», о «Тырновском ренессансе», о тырновской топонимике, о болгарском церковном пении и др.

13 октября утром свои доклады прочитали В. Велчев (София) «Евфимиева школа и предренессансовое движение на Балканах», Г. Трифунович (Белград) «Перевод Константином Философом Песни песней Феодорита Киррского», канд. филол. наук С. Николова (София) «Тырновская литературная школа и переводная беллетристическая литература», научн. сотр. С. Кожухаров (София) «Тырновская литературная школа и развитие гимнографической поэзии в древнеболгарской литературе», научн. сотр. Й. Андреев (Велико Тырново) «Народно-патриотические тенденции в Синодике болгарской церкви», асп. М. Сярова (Велико Тыр-

ново) «Образы святых в житиях Евфимия Тырновского».

13 октября вечером состоялись доклады искусствоведов: М. Цончевой (София) «О Тырновской живописной школе», проф. В. Захариева (София) «Монастырь „Святая троица“ в эпоху рабства», научн. сотр. С. Босилковой (София) «О Боянской живописи», научн. сотр. Е. Бакаловой (София) «К вопросу об отражении исихазма в искусстве», научн. сотр. Д. Паскалева (София) «К вопросу об официальном и народном направлении в болгарском искусстве», К. Крыстева (София) «Гуманизм в средневековом болгарском искусстве», научн. сотр. А. Джуровой (София) «О некоторых особенностях иллюстраций в Томичевой Псалтыри XIV в.», научн. сотр. Л. Прашкова (София) «Один стенописный цикл на тему Жития Ивана Рыльского». Доклады сопровождалось показом диапозитивов.

14 октября утром были заслушаны следующие доклады: доп. Р. Маринкович (Белград) «Место Григория Цамблака в сербской литературе», доц. Г. Данчева (Велико Тырново) «Традиции Тырновской школы в „Житии Стефана Дечанского“ Григория Цамблака», архимандрита Горазда (София) «Тырновская литературная школа как средневековый университет XIV в.», канд. филол. наук А. Давидова (Велико Тырново) «Лексическое сходство „Похвального слова Евфимию“ и „Мучения Иоанна Нового“ Григория Цамблака», ассистентки Н. Дончевой-Панайотовой (София) «Образ Киприана в „Похвальном слове Киприану“ Григория Цамблака», научн. сотр. К. Мечева (София) «Предполагаемая речь Григория Цамблака на церковном соборе в Констанце». На дискуссии по этим докладам обсуждались вопросы о взаимодействии древнесербской и древнеболгарской литератур, развитии лексемы в древнеболгарском языке, об авторстве «Азбучной молитвы», об атрибуции, дальнейшем изучении и издании сочинений Григория Цамблака.

В заключительном слове П. Русев, руководитель секции «Культурная история балканских народов» Института балканистики, дал положительную оценку работе всех участников симпозиума. Он с удовлетворением отметил высокий научный уровень прочитанных докладов и высказал пожелание, чтобы Тырновский симпозиум созывался регулярно, каждые три года. Тема следующего симпозиума могла бы быть связана с творчеством учеников и последователей Евфимия Тырновского, вклад которых в сокровищницу славянской культуры представляется весьма заметным и значительным.

CONTENTS

<i>Stanisław Majewski</i> (Poland). The development of the Polish-Soviet economic cooperation. <i>T. S. Bushueva</i> . «Russian» companies and battailons in the People's Liberation Army of Yugoslavia. <i>E. G. Ioffe</i> . The investigations of the agrarian reform of 1557 by <i>V. I. Picheta</i> . <i>V. K. Zajcev</i> . Machiavellis «Il Principe» and Gundulir's «Osman». <i>A. D. Dulichenko</i> . The formation and development of the Rusin literary language in Yugoslavia	3
---	---

PUBLICATIONS

<i>V. A. Kuz'ko</i> , <i>Yu. A. L'vunin</i> . <i>G. M. Dimitrov</i> about <i>V. I. Lenin</i>	51
--	----

PEOPLE, EVENTS, FACTS

<i>V. A. Dyakov</i> . <i>T. G. Shevchenko's</i> autographs in the Krakow Czartoryski library. <i>Jovan Jovanović</i> (Yugoslavia). Reactions to Tolstoy's death in Bosnia and Hercegovina	59
---	----

REVIEWS AND REVIEW-ARTICLES

<i>V. P. Grachev</i> . «Вопросы истории славян». <i>I. Kost'ushko</i> . <i>П. М. Калинин</i> . Великий Жовтень і революційний рух у Польщі (листопад 1917 — жовтень 1919). <i>G. I. Chernyavsky</i> . A book on the struggle of the textile-workers in Bulgaria. <i>Ja. Honigsmann</i> . <i>Przemysłowienie ziem Polskich w XIX i XX wieku</i> . <i>V. D. Konobeev</i> . Кр. Шарова. Любен Каравелов и българското освободително движение (1860—1867). <i>I. Churkina</i> . <i>M. Britovšek</i> . <i>Anton Fuster</i> in revolucija 1848 v Avstriji. <i>N. Zujeva</i> , <i>Je. Shatokhina</i> . Николай Жечев. Браила и българското културно-национално възраждане. <i>A. Kazhdan</i> . <i>С. Н. Липев</i> . Българският средновековен град. Обществено-икономически облик. <i>V. Khorev</i> . <i>Bolesław Faron</i> . <i>Zbigniew Uniłowski</i> . <i>I. K. Gorsky</i> . A significant achievement. <i>L. Sofronova</i> . The culture and everyday life of Warsaw of XVIII-th century. <i>A. S. Mylnikov</i> . The book on the manuscripts of the Bratislava University. <i>K. K. Trofimovich</i> . On the Sorbian spelling (in connection with the publication of the first Sorbian spelling dictionary)	67
---	----

B i b l i o g r a p h y

The books on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet Union in 1971. The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1971. The contents of foreign periodicals	92
---	----

SCIENTIFIC LIFE

<i>E. P. Aksyonova</i> . 25 years of the Institute of Slavic and Balkan Studies of the USSR Academy of Science. <i>I. B. Grekov</i> . The meeting of the Polish and Soviet historians. <i>A. S. Anikeev</i> . The eastern policy of the German imperialism. <i>Yu. K. Begunov</i> . The International Symposium in Veliko Tärново	105
---	-----

Технический редактор *М. А. Аверкиева*

Сдано в набор 10/II-1972 г.	Т. 05060	Подписано к печати 15/IV-1972 г.	Тираж 1180 экз.
Зак. 150	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Усл.-печ. л. 9,8+1 вкл.	Бум. л. 3,5 Уч.-изд. л. 11,8

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Издательство «Наука»

Готовится к печати книга:

ГРАЧЕВ В. П.

**ЖУПНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ У СЛАВЯН И ЕЕ РОЛЬ
В РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ (X—XIV ВВ.).**

20 л. 1 р. 40 к.

В монографии прослеживается история изучения данной проблемы применительно к истории всех южных и западных славян и детально анализируется материал сербских источников X—XIV вв. (привлекались источники по истории и других славянских народов). На основе изученного материала автор установил, что до сих пор господствующая в историографии схема политической организации южных и западных славян не соответствует ее исходным положениям. Основной вывод заключается в подтверждении вывода тех исследователей, которые совершенно справедливо ищут корни государственной организации у славян (в том числе и у сербов), по крайней мере, ранее IX в.

Книга рассчитана на историков и юристов, занимающихся изучением генезиса государственности у славян, на преподавателей вузов и средних школ, студентов и других читателей, интересующихся историей славян.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:
Москва, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; Душанбе, проспект Ленина, 95; Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; Киев, ул. Ленина, 42; Кишинев, ул. Пушкина, 31; Куйбышев, проспект Ленина, 2; Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; Ленинград, Менделеевская линия, 1; Ленинград, 9 линия, 16; Москва, ул. Горького, 8; Москва, ул. Вавилова, 55/7; Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Томск, наб. реки Ушайки, 18; Уфа, Коммунистическая ул., 49; Уфа, проспект Октября, 129; Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6.